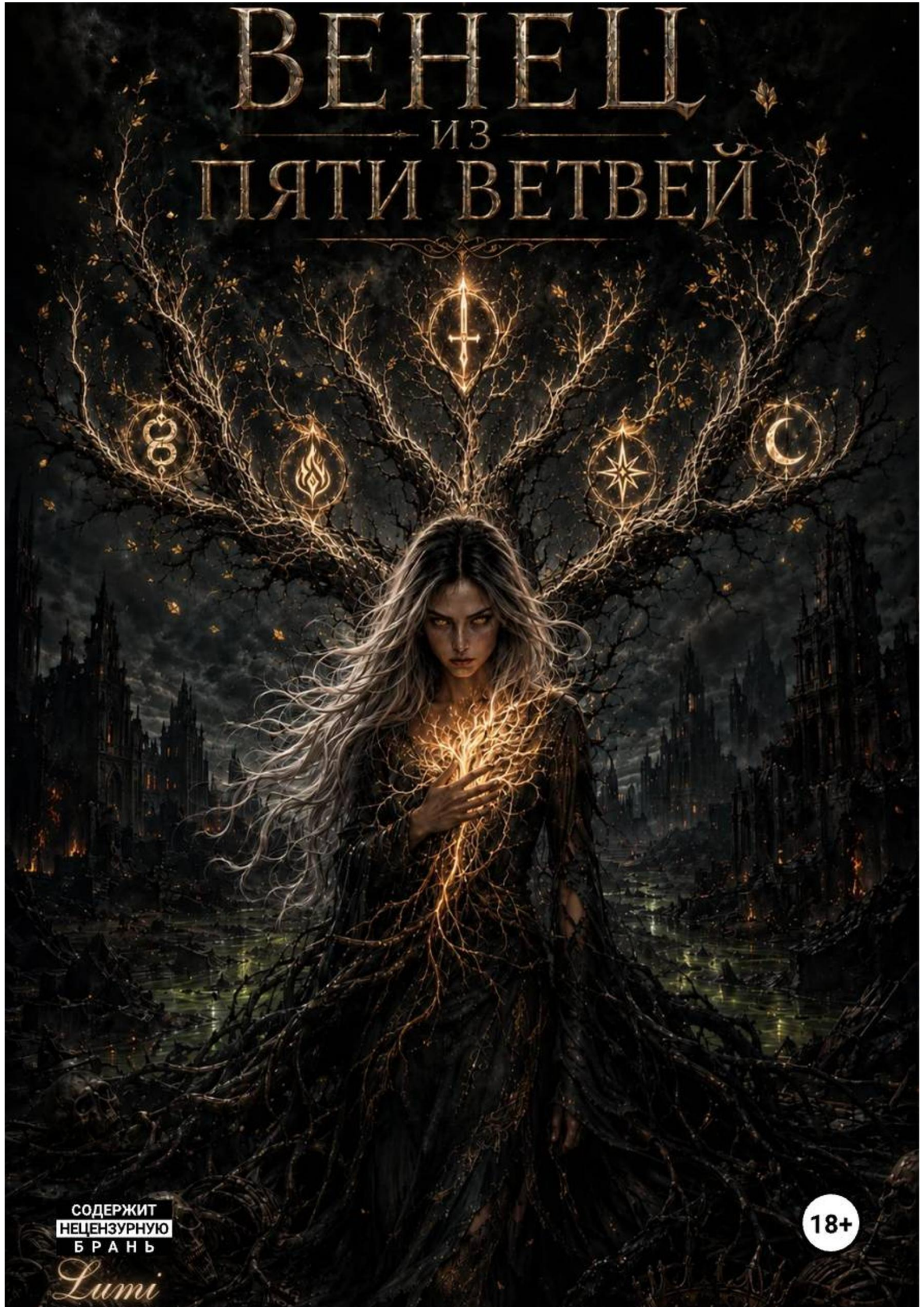

ВЕНЕЦ ИЗ ПЯТИ ВЕТВЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Lumi

18+

Valeriya Panchuk

Венец из Пяти Ветвей

«Автор»

2026

Panchuk V.

Венец из Пяти Ветвей / V. Panchuk — «Автор», 2026

Венец из пяти ветвей - история о мире на пороге великих перемен, где пророчества обретают плоть, а вековое прошлое пробуждается из тумана забвения. Боги ходят среди смертных, и один-единственный выбор способен перекроить само мироздание. В центре сюжета - девушка, чьё рождение изменило расстановку сил и пробудило во тьме то, что слишком долго спало. Она презирает собственный дар, но перед ней встают мучительные дилеммы: исполнить навязанный долг или обрести желанную свободу, прислушаться к зову сердца или подчиниться судьбе. Магия и кровь, борьба за власть, любовь и выживание - судьбы героев переплетаются, выводя их на одну тропу. Где же пролегает граница между добром и злом? И всегда ли тьма несет погибель, а свет - спасение?

© Panchuk V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
.....	11
.....	12
.....	18
Глава 2	22
.....	24
.....	31
Глава 3	35
.....	38
.....	39
Глава 4	47
.....	50
.....	53
Глава 5	59
.....	61
Глава 6	73
.....	75
.....	78
.....	83
.....	88
Глава 7	93
Глава 8	103
Глава 9	116
.....	123
Глава 10	125
.....	126
.....	131
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Valeriya Panchuk

Венец из Пяти Ветвей

Глава 1

Ах, сколь же беспощаден он - оазис безупречной красоты и бесстрастия. Каждое его острое слово, нареченное истинной, брошенное с надменным изяществом - это яд, медленно растворяющий чужую волю. Он возвышается над толпой, облекая своё презрение в ленивые, тягучие движения мягких губ. Если уж его язык так умел, то на что же способны его сильные руки и искусные пальцы, когда они перестанут быть праздными?

Глупый ягнёнок выглядит лишь жалкой жертвой в этом храме высокомерия и игре амбиций. Вот только... не слишком ли уверенно этот "агнец" ступает на алтарь?

Что...если за кроткой маской невинной овечки, может прятаться совсем иной зверь?

Ведь порой, в момент наивысшей нежности, когда ворс кажется мягче шёлка, из тишины рождается оскал. А под мягким руном может таиться терпеливый хищник, чьи клыки куда острее любых слов.

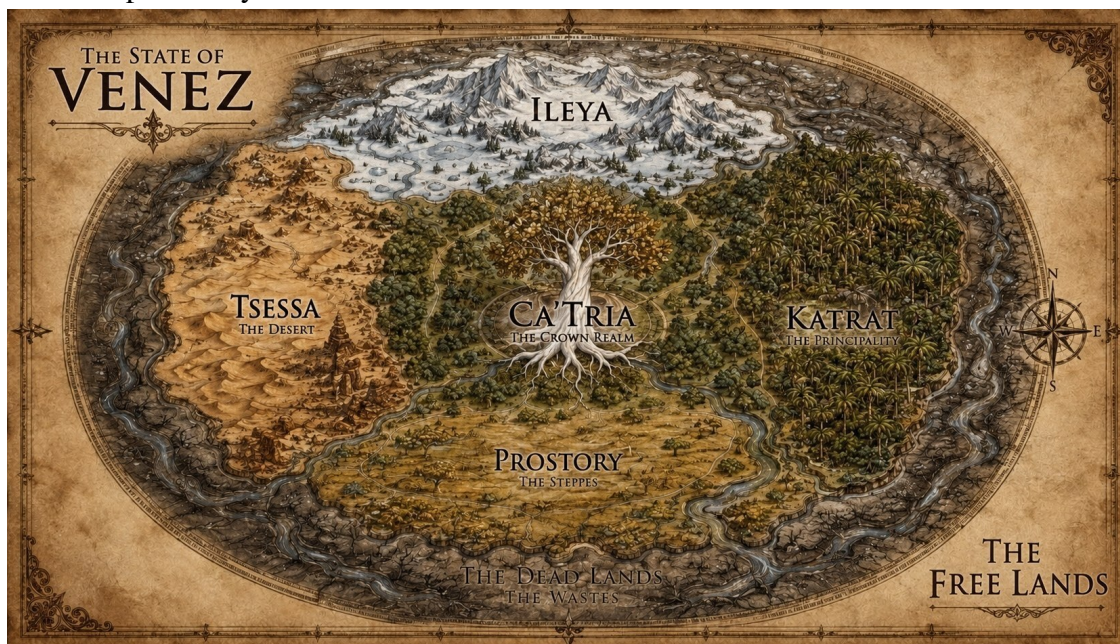
Этот укус не предварят слова - он просто обрвёт вдох, вскрывая горло там, где ждали ласки.

Что ж, зубы показаны, пора перейти к сути.

Имя мне - Асгетт.

Сан мой - Иблис Бен Касарит.

Венец приветствует вас.

Ямы. Вольный приют для любого отребья, что стекается сюда, словно грязная вода после ливня в сточные каналы. Дом для отверженных. Для несчастных, кто спасается от чумы и войн, стирающих великие государства, словно пыль мокрой тряпкой с полок. И для ублюдков, что

делают состояние в этом проклятом месте. Здесь, в удушливом полумраке, пропахшем дешевым сивушным спиртом и гниющими нечистотами, идет бойкая торговля. В утеху похотливой толпе продают женщин, детей отдают в рабство, а юнцов и мужей гонят на арены - или, как тут говорят, в загоны для скота. Ни законов, ни чести. А в месте, где нет закона, подобная дрянь плодится словно трупные мухи на солнцепеке.

Она часто тут бывала, но от увиденного челюсть вновь сжималась до противного скрежета зубов. Глаза резало от едкого дыма костров, в которых жгли кости и тряпье, а под ногами хлюпала вечная, незамерзающая жижа вперемешку с кровью и помоями. Одно радовало: их странную компанию, состоящую из девицы и собаки, по пути не трогали. Правда, назвать её девицей было сложно. А назвать собакой её спутника - ещё сложнее.

Сквозь прорехи огромного, прожженного насквозь плаща виднелись лишь обтянутые серой кожей ключицы и костлявые плечи. Лицо скрывал глубокий капюшон, из-под которого тускло поблескивал безучастный, мертвенный взгляд, устремленный в землю. А рядом плелось нечто, словно пережёванное и выплюнутое самой бездной. Животное едва переставляло тонкие длинные лапы, неестественно сгибающиеся в суставах, и поджимало лысый, облезлый хвост. Морда казалась слишком вытянутой, почти птичьей; сваливающаяся шерсть шла грязными проплешинами и сочащимися язвами, а мутные глаза дико косили в разные стороны.

Божество из пустоши и наследница Венца никогда в жизни не видели настоящих собак - эдакая незадача. Подобного попросту не водилось в их родных краях. А в землях дальних, в коих им довелось побывать, всех домашних зверей давно сожрали твари позубастее. Буквально из дерьма, яда и тонких веток, им удалось слепить что-то отдаленно похожее на пса. Вышло откровенно плохо, но результат их искренне радовал.

Созданное ими недоразумение вызывало жалость даже у самых бездушных палачей. Местные громилы навязывали свои услуги не из-за присущей им жестокости, а из-за не пойми откуда возникшего милосердия к умирающей животине. Прокажённые хворью, что так любили цепляться за полы чужих плащей гниющими руками и выть, прося монетку, при виде этого пса испуганно шарахались в стороны. Они обходили их десятой дорогой, боясь подцепить от чудовища заразу пострашнее собственной.

Ещё забавнее была реакция местной публики на тело, что она надевала словно перчатку, что-бы не выдать истинную суть. Трупный, истощенный вид играл ей на руку. Наёмники с окровавленными трофейными головами, покачивающимися на поясных ремнях, со вздохом протягивали ей мелкие медные монеты и заветренные куски солонины, жалея убогую бедолажку. А насильники, только что слезшие с удушенной в порыве страсти бабы на обочине дороги, и вовсе брезгливо отводили взгляд. Они мысленно прикидывали, что та, мертвая, ещё достаточно свежая и вполне послужит до утра, а с этой бродяжки поиметь абсолютно нечего. Выглядела она так, словно её уже поимел добрый десяток мужей до них. Вместе с собакой, судя по всему. Её это полностью устраивало. Безопасность в Ямах стоила любой порции чужого отвращения.

И боги были свидетелями, с какой иступлённой, почти болезненной страстью она любила это тело. Здесь не было сокрушительной силы, что бурлила в её истинных венах, не было невидимой короны, тяжёлой, как надгробный камень, с именами рода отца и сгинувшей матери. Не было и той безупречной, ослепительной красоты, которая, словно проклятие, туманила разум всякому, кто осмеливался поднять на неё взгляд. Здесь, в этом блеклом, выцвет-

шем вместилище, даже её дрянной, едкий нрав словно притуплялся, становясь лишь лёгкой горечью на языке.

Нынешнее тело было старше настоящего. Кожа - тусклая, сероватая. Формы - лишённые соблазна. Глаза глубоко запавшие, губы тонкие. Оно не манило, не очаровывало, не внушало ни страха, ни вожделения. И именно поэтому она любила его так отчаянно. В этой неприметной оболочке она впервые могла дышать, не ощущая на себе взглядов, как наваждение. Это тело было убежищем. И пусть оно было фальшивым, именно оно стало для неё единственным по-настоящему родным и правильным.

Дома, под удушающей сенью Великого Древа Иблис, её заживо хоронили в шелках, золоте и драгоценных камнях. Девочка не желала красивых одеяний, предпочитая простые платья без дорогих сокровищ на теле. Не желала она ни пиров, ни мужского внимания. Пока её кузины томно вздыхали по молодым князьям, пятнадцатилетняя наследница хотела лишь одного - проводить дни в стремительном движении и поединках. От бесконечных заунывных молитв и нравоучений её буквально выворачивало наизнанку.

- Учись не только клинком махать, но и говорить под стать наследнице, - твердила Артра, тётка по материнской линии, сурово смывая кровь с её разбитых детских костяшек. - Слово режет не хуже оружия. Им вполне можно убивать.

Будущая царица училась быстро. Она не просто приняла правила этой игры, но и попутно начала переписывать их под себя. Своим языком она овладела настолько искусно, что несчастным родичам пришлось в спешном порядке созвать ей лучших воинов из всех подвластных Княжеств в наставники - только бы девчонка наконец закрыла рот и занялась делом.

Правящая Асеки Иблис бен Касарит, царица Висса, любила её больше всех своих детей и внуков вместе взятых. Её привязанность была глубока и безмерна. Дитя осталось без матери, а потому Висса воспитывала внучку наравне с отцом и приёмной матушкой: баловала, прощала любые безумства и позволяла ровно столько же, искренне считав, что этот капризный характер присущ истинной властительнице. И именно она подарила ей этот морок - магический слепок из яда касаритовых корней, позволявший любимице путешествовать по гнилому внешнему миру, пока её истинное тело и душа мирно спали в запертых покоях. Висса лично прикрывала её отсутствие своей волей, резонно считая, что глоток чужого, грязного воздуха пойдет будущей правительнице на пользу. Да и что таить - сама Висса по молодости чудила ничуть не меньше. И потому свобода, дарованная ей, была почти безграничной.

Размышления прервал низкий, нарастающий гул, словно сама земля начала тихо стонать под тяжестью приближающейся беды. Ямы, ещё мгновение назад казавшиеся ленивым, гниющим болотом, в одно мгновение взорвались паническим криком. Отребье металось в безумной попытке спастись: торговцы в панике бросали палатки с потрёпанным товаром, наёмники, не оглядываясь, топтали прокажённых, сбивая их с ног, а шлюхи с отчаянным визгом вжимались в узкие щели между гнилых досок, зажимая себе рты ладонями, словно могли заглушить собственное дыхание. Воздух внезапно стал тяжёлым, ледяным, будто в Ямы ворвался дыхание самой могилы. Он застревал в горле колючими, морозными крошками, обжигая лёгкие. Пахло гарью, старой кровью и чистой, концентрированной смертью - густой, липкой, почти осязаемой.

В Ямы пришли Жнецы.

Народ хлынул лавиной, снося всё на своём пути. Девушка и её пёс оказались прижаты к сырой стене на самом перекрестке, лицом к лицу с приближающимся строем. Воздух вокруг сгустился, пропитавшись запахом пота, страха и давно не мытых тел. Сердце в груди забилося чаще, но не от страха - от дикого восторга. Она до дрожи в костях мечтала когда-нибудь сразиться со Жнецом. Проверить их мастерство, что так любили хвалить наемники Вольных земель. Её родной дядя и отец были величайшими бойцами, которые лишь вдвоём отправляли в небытие тысячи душ за одну единственную битву. И вот, теперь новые, живые легенды шли прямо на неё. Какая удача.

Они шагали ровным, монолитным рядом, занимая всю ширину улочки. Воины из Каменной долины были закованные в глухую, матовую черную броню, которая, казалось, впитывала в себя скудный свет тлеющих костров. Лица скрывали литые безликие маски, из-под которых не доносилось ни звука - только глухой, ровный шаг. Вокруг их тяжелых сапог клубилась и расплзалась по грязи магия теней, похожая на живую, голодную копоть. Раз уж эти порождения ночи явили себя этому брэнному миру, значит началась Жатва. Они пришли не за развлечениями в зловонных борделях.

Они пришли за душами.

Из-под глубокого грязного капюшона на Жнецов уставился взгляд, в котором не было ни капли ужаса. Напротив, губы девушки медленно растянулись в предвкушающей улыбке. Она разглядывала идущих прямо на неё титанов с пристальным, оценивающим вниманием, словно опытный охотник выбирал среди стаи самую сильную и опасную добычу. Взгляд скользил по ширине их плеч, по тяжёлому, безупречному балансу брони, по плавным, почти бесшумным движениям, сквозь которые текла и пульсировала живая тьма.

Вдруг пёс опомнился. Этот косоглазый комок из палок сообразил то, чего в своем восторге не учла малолетняя хозяйка. Он резко вцепился зубами в рукав её плаща и со всей дури потянул хозяйку назад, вглубь переулка, пытаясь убрать с дороги смерти. Но отступать в панике было не в её духе. Наглядевшись на Жнецов в упор и изучив доспехи с ног до головы, она сделала лишь один плавный шаг назад, увлекая за собой упирающуюся собаку. Движение было небрежным, царственным, словно она просто освобождала им дорогу, а не уклонялась от встречи с гибелью.

Командир, шедший во главе отряда, на секунду замедлил шаг, скосив взгляд на странную парочку. Сквозь прорези маски на секунду проступило искреннее недоумение.

«С собакой-то всё понятно, - подумал он, глядя на дергающееся, покрытое язвами существо, которое судорожно тянуло девушку за тряпки. - Там мозги отбиты. А вот с этой... что не так? Стоит как на рынке, и пялится, будто выбирает, с кем ей лечь. Скудоумная, что ли? Или просто настолько блаженная, что даже собственной смерти не боится?»

Обычно, при виде его воинов, встречные бежали в ужасе, выплевывая собственные легкие, а эта дворняга провожала их плотоядной ухмылкой, словно они пришли исключительно ради её личного развлечения. Командир на мгновение задержал на ней тяжёлый, равнодушный взгляд, мысленно отметив странную нищенку, как отмечают особенно противную язву на теле, но тратить время на юродивую не стал.

Бесполезная.

Уводя отряд дальше, он ощущал лишь усталое раздражение. Он ненавидел Ямы. Ненавидел эту зловонную грязь, и ещё сильнее ненавидел касаться этой грязи, что он считал ниже животных, собственными руками. Но дед, как и всегда, находил извращённое удовольствие в том, чтобы наказывать приемника именно подобными поручениями, заставляя его лично погружаться в эту мерзость вместо тех, чья прямая обязанность была рыться в отбросах. И потому он выполнял задание с той же неохотой, с какой сытый, холёный кот, привыкший к тёплому очагу и свежему мясу, вынужден ловить крыс в канализационной трубе.

Как только жнецы миновали её, девица даже не подумала отвернуться. Напротив, она бесстыдно принялась разглядывать воинов сзади, оценивая их мощные спины - и не только спины, - обтянутые черной кожей и броней, идеальную выправку уходящего строя, жадно ловя каждый их шаг. Проводив взглядом эту монументальную панораму, она похлопала по голове пса и тихо, заливисто рассмеялась. О, эта прогулка определенно становилась лучшей в ее жизни.

.....

Продвигаясь вглубь Ям, жнецы оставляли за собой тела тех, чьи души уже отправились в Каменную Долину. Они шли, наводя ужас одним своим молчаливым присутствием. Но образ странной девицы и её милого песика никак не выходил у воинов из головы.

- Это вообще что было? - глухо, со скрежетом раздалось из-под безликой маски идущего следом воина. Звук его голоса был похож на треск льда. - Псина у неё будто из самой бездны вылезла, а девка - из мест еще поглубже. Глаза мертвые, пустые, улыбка - как у бешеной. Эта тварь будто облизывалась.

Командир отряда, не замедляя шага, лишь крепче сжал рукоять тяжелого оружия.

- Потаскал может кто из местных, вот в себя и не пришла, - сухо бросил он в ответ. Голос прозвучал как низкий, вибрирующий гул.

Однако сам он, вопреки всем уставам и многовековой привычке, на секунду скосил взгляд назад, через плечо, в сторону покинутого переулка. Подобного он не делал никогда. Жнецы не оборачивались. Но сейчас что-то внутри черной брони скреблось и требовало вернуться.

В облике оборванки было всё в корне неправильно. Этот плотоядный, оценивающий взгляд... Нищие не смотрят на воинов Долины так, словно прикидывают, насколько глубоко можно всадить им клинок между сочленениями доспехов, искренне наслаждаясь самой перспективой. Командир перевёл взгляд на дорогу, мысленно пообещав себе запомнить этот переулочек. Отряд скрылся за поворотом, унося с собой тьму.

.....

Путь пролёг по крышам покосившихся лачуг, где гнилые балки скрипели под каждым шагом, словно шептали проклятия тем, кто смел на них ступить. Отсюда открывался лучший обзор.

Жнецы работали чисто, без лишней суеты выкашивая души тех, кому не посчастливилось оказаться на их пути.

Пёс укоризненно уставился на девицу своим мутным глазом.

- Сумасшедшая - хрипло выплюнул он, едва ворочая челюстью. - Я вечность живу, но подобного безрассудства ещё не видел.

Видел. Тут он, конечно, откровенно лукавил. В своё время это неугомонное дитя разве что за шиворот не вытащило несчастное божество с самого дна вязкой касаритовой реки. Будучи всего лишь пятилетней девочкой, она умудрилась сбежать с неприступных земель отца, когда гостила у него. Как эта кроха вообще ухитрилась пролезть сквозь ядовитые мертвые пустоши - одному Иблису ведомо, но картина тогда явилась миру потрясающая.

Будущая правительница великого государства преспокойно гуляла по изрезанному трещинами берегу в компании жутких тварей, малахоров, выползавших из отравленных вод на кормежку. Мало кто поверил бы, но эти клыкастые чудовища под её влиянием даже научились кое-как говорить. Правда, от стресса путали слова: выдавали тоскливое «Пока!» вместо приветствия, когда она только приближалась, и радостное, облегченное «Привет!» вместо прощания, когда дитя, наконец, отходило подальше. И эти же хищники преданно оттесняли девочку от обжигающей реки, напрочь позабыв о своих важных звериных делах.

- Боятся, что помру, вот и стерегут. Такие хорошие, - ворковала тогда малышка, пока жуткие создания обреченно жались друг к другу, стараясь не делать резких движений.

«Боялись, что выживу и решу переехать к ним на дно», - мысленно поправила себя повзрослевшая девушка. Эти воспоминания вызвали на её губах лёгкую усмешку. Застыв на месте, она сверлила немигающим взглядом удаляющиеся спины в тяжёлых чёрных доспехах.

Древнее божество тогда вальяжно вывалилось на берег... и тут же нервно задергало огромным черным глазом, оценив представшее перед ним зрелище. Подобной наглости хранитель не ожидал даже от дочерей Иблиса, коей, собственно, и являлась эта пакостница с растрепанными пепельными волосами. А та, восторженно визжа, уже неслась к его колоссальной туше, без умолку балаболя какую-то детскую чушь. Сожрать её он не мог при всем желании - одна кровь, одно неразрывное целое, намертво скованное узами Великого Древа. Девочка просто бы встала у него в горле. Поперёк. Осознание этого факта заставило глаз божества задержаться от безысходности с удвоенной силой.

Её отец к тому времени успел перерыть вверх дном весь мир. А когда, наконец, выследил беглянку, то застыл в первобытном ужасе. Его драгоценная дочь преспокойно сидела на самом

краю, беззаботно болтала ногами прямо в ядовитых черных водах и с неподдельной нежностью наглаживала жуткое, хтоническое диво по массивной, ошалевшей рогатой голове.

Впервые за бесконечно долгие века могущественный владыка сорвался на крик. Да так орал, что, казалось, содрогались небеса. Что касается бессмертного хранителя, то это сейчас у него что ни день, то последний. А неведомое ранее чувство паники поселилось в сознании, как у себя дома. Но тогда, впервые познавшее страх божество предпочло от греха подальше с опаской уползти обратно в ядовитую реку.

Владыка волок свое непутевое чадо за руку. Казалось, прямо на глазах, впервые за три тысячи лет, в густых каштановых волосах правителя проступила седая прядь. Вхар, Царь огненной Цэссы, яростно сверлил дочь взглядом. А та лишь невинно хлопала длинными ресницами, искренне не понимая, в чем проблема. Он требовал от ребенка нерушимой клятвы, умолял больше никогда не приближаться к смертоносной воде. Но разве существовал в этом мире хоть один мужчина, которого эта девочка стала бы слушать?

Дитя рвалось в мёртвые земли словно одержимое. И суровому Царю, до безумия обожавшему свою дочь, в конце концов не осталось ничего иного, кроме как смириться. Логика владыки была железной: раз уж девчонка не сдохла за два дня одиночных блужданий по ядовитым пустошам, значит, не умрет и впредь.

В те годы юная принцесса со всех ног бежала к своему огромному речному другу, предпочитая его общество компании всех кузенов и кузин. А спустя время и сам Касаритовый хранитель привязался к этому дитёнышу и можно сказать, полюбил его. Он ревностно оберегал девочку, делясь с ней великими тайнами и знаниями, о которых не ведала ни сама бездонная чаша мироздания, ни её всемогущая бабка. А она в ответ вываливала на рогающую голову свои самые сокровенные секреты и безумные идеи.

И вот, две безмолвные тени неотступно следовали за самой смертью, наблюдая за ней с высоты.

- Пойдём-ка отсюда. Мы уже достаточно насмотрелись, - глухо, но упрямо твердил пёс.

- Подожди. Мне интересно.

Фигуры в чёрных доспехах скользили по переулку, направляясь напрямик к осевшему, перекошенному дому старой ведуньи. К той самой лачуге, где под дырявой крышей всегда пахло сушеной полынью, а у очага было так уютно пережить затяжные ночные ливни во время вылазок. И сейчас ей совершенно не нравилось, как эти твари обступали знакомый порог.

Старая корга отличалась невыносимой брюзгливостью, но за щедрую плату неизменно выделяла госте натоленную комнату. Девица платила не скупясь, поэтому они терпели общество друг друга, выстроив в итоге весьма своеобразное взаимопонимание. На первый взгляд старуха казалась просто мерзкой жабой, но во всём этом проклятом месте, пожалуй, лишь её душа могла претендовать на звание относительно чистой. Она подкармливала вечно голодных местных сирот, пускала их на ночлег в лютые холода и молча лечила избитых девиц, торговавших телом на грязных улицах Ям. Эдакая святая покровительница среди этого болота.

И сейчас эта глупая, упрямая старуха с изрезанным морщинами, обветренным лицом бесстрашно шагнула навстречу неминуемому. Невнятно бубня что-то себе под нос, она встала

насмерть своей сгорбленной фигурой, заслоняя покосившуюся дверь лачуги от надвигающегося отряда.

- Бабка, ну не дура ли ты, а?.. - раздраженно выдохнула девушка, опасно свешиваясь с крыши.

- Да примет её душу Бездна... или куда там вас умалишённых забирают, - прохрипел бессмертный бог, вцепившись зубами в подол её плаща и пытаясь оттащить назад. - Своё она отжила. Уходим, Геда.

Хранитель касаритовых рек, как и владыка Цэссы, предпочитали называть её именно так - коротко и привычно. Полным именем «Асгетт» они пользовались лишь в те моменты, когда начинали злиться на неё всерьез. Судя по тону божества, до этого момента оставались считанные мгновения.

- Эту я им не отдам, - тихо, но твердо выдохнула Асгетт. На её блеклом лице медленно растянулся предвкушающий оскал. - Помоги мне.

- Кто бы мне помог... - обреченно заскулил бог, лязгнув зубами от досады.

Ему, великому хранителю душ, чьи пропитанные ядом могучие корни пронзали подземный мир насквозь, было невыносимо тесно в облезлой собачьей шкуре. Он был тем, кто веками хранил в себе души, не заслужившие стать прекрасными цветами на Великом Древе Иблис. А теперь вынужден был тявкать и блох чесать. Но ради этой ненормальной девчонки он был готов стерпеть и не такое.

Внизу, посреди грязной улицы, командир уже занес окутанный дымными тенями клинок. Лезвие двигалось плавно, неотвратимо, готовое в одно мгновение рассечь дряхлое горло старухи.

«Это лишь избавление от страданий, - холодная мысль билась в такт замаху. - Они всё равно подохнут, так к чему душам пропадать зря?»

Жнецы лишь забирали урожай первыми.

Рука уже напряглась для удара, когда ночной воздух с пронзительным визгом разорвался надвое. Смазанная черная тень врезалась по его ногам, а после пронеслась сквозь строй ураганном смерчем, с оглушительным лязгом раскидывая закованных в тяжелую сталь воинов в разные стороны, словно пустые деревянные кружки со стола в разгар пьяной драки.

Командир пошатнулся, повинуясь вбитым рефлексам, и мгновенно разорвал дистанцию, уходя в оборону. Лишь опустив взгляд, он с удивлением увидел, как на пальцах левой руки медленно набухает густая кровь. Подняв ладонь, сплошь покрытую сложной вязью ритуальных боевых татуировок, он обнаружил глубокий, рваный след от звериных зубов. Эта неведомая облезлая тварь умудрилась на ходу сдернуть тяжелую перчатку и стащить родовой перстень, едва не откусив ему палец вместе с костью. А сейчас эта псина, победно зажав массивное черное кольцо в окровавленной пасти, льнула к ногам той самой девки из переулка. Он мог бы поклясться: уродливая животина откровенно и издевательски ухмылялась, демонстрируя ему ряд гнилых клыков.

Под безликой металлической маской губы тронула ласковая, предвкушающая улыбка. Глаза командира мгновенно затопила глухая, клубящаяся чернота теней. Теперь оставалось лишь выпотрошить их обоих - медленно, растягивая каждое мгновение чужой агонии с особым, гурманским наслаждением.

- Хорошо бегаешь, жнец? - голос прозвучал откровенно насмешливо. Девушка небрежно оперлась о хлипкие, подгнившие деревянные перила мостовой. Ловко выудив кольцо из окровавленной пасти пса, она подкидывала бесценный артефакт в воздух, каждый раз безошибочно ловя его тонкими бледными пальцами.

- А как бегаешь ты, дрянь? - угрожающе прорычал командир. Живые тени плотным, колышущимся саваном окутали его плечи. Он сжал рукоять клинка, собираясь сделать один неуловимый рывок и снести дерзкой девчонке голову.

- Сейчас узнаешь, - скользнул по воздуху тихий, прохладный шёпот.

Затея потянуть время оправдала себя. Пока взгляды помятых Жнецов были сфокусированы на ней и артефакте, старуха и стайка перепуганных детей, что сидели в хижине, уже ушли в глубь Ям, скрываясь от верной смерти.

В последний раз небрежно подкинув черное кольцо, Астгетт крепко зажала его в кулаке и легко, словно ласточка, перемахнула через перила. А затем рванула с места. Она бежала с такой скоростью, играючи обгоняя мчащуюся следом псину, что командир удивленно приподнял бровь. Однако уже через мгновение его ступор перешел в жуткий, рокочущий смех, эхом прокатившийся по грязной улице. Он смеялся так, что у любого случайного свидетеля от ужаса кровь застыла бы в жилах.

- Ну давай поиграем, коль так желаешь, сука, - глухо пробасил он, срываясь на тяжелый, размеренный шаг, окончательно стирая из мыслей удравшую жалкую старуху.

На быструю смерть рассчитывать не придется. Он намеревался лично, шаг за шагом, загонять эту наглую девку по зловонным лабиринтам Ям до хрипа, до надрывного кашля, пока она сама в изнеможении не рухнет к его сапогам.

Предвкушая славную охоту на загнавшую себя в ловушку глупую зверушку, он неспешно, с пугающей грацией хищника двинулся следом. За его широкой спиной, словно крылья стервятника, жадно расправлялись голодные черные тени.

.....

Погоня стремительно неслась сквозь грязные лабиринты Ям. Фальшивому телу, созданному из морока, этот изматывающий забег не причинял вреда: плоть не ведала ни усталости, ни физических страданий. Девица расчётливо уводила преследователей прочь из города, направляясь к самому краю высокого утёса.

План был предельно ясен. Жаль только, что с этой оболочкой сегодня придется расстаться.

- Уходи, - приказала она псу, едва добравшись до каменистой пустоши у обрыва.

- Уверена? - пророкотал бог с нескрываемым хриплым азартом. Похоже, хранитель рек всерьез увлекся этой примитивной забавой. - Может, просто сожрём их?

- Я такое не ем, - усмехнулась Асгетт. - Всё, вон отсюда.

Огромный пёс с силой впечатал лапы, глубоко вспахивая когтями каменистую почву, а в следующее мгновение просто стек вниз, уходя в землю, как темная маслянистая лужа. Там, где он только что стоял, редкая чахлая трава с мерзким шипением превратилась в пепел - чистейший касаритовый яд не оставлял после себя ничего живого.

Оставшись в полном одиночестве на краю скалы, под которой зияла бездонная черная пропасть, Асгетт нетерпеливо застучала стоптанным сапогом по промерзшему камню. Пронизывающий ледяной ветер яростно трепал полы её рваного плаща.

- Ну и где ты бродишь? — рявкнула она в глухую ночную тьму.

От томительного ожидания сквозь жалкий образ уличной оборванки начал отчетливо проступать её истинный характер - властный, надменный и бесконечно упрямый.

Командир неслышной тенью шагнул на край плато и едва сдержал кривую усмешку. Его откровенно забавляло её надменное ворчание, но больше всего его забавляло то, что эта жалкая шавка даже не думала дрожать от ужаса. Видимо, до дурочки долго доходит.

Он приближался неспешно, неотвратно, лениво волоча за собой обнаженный клинок. Острое лезвие с противным, протяжным визгом скребло по камню, оставляя за собой длинную рваную борозду. Подойдя вплотную, не произнеся ни слова, одним резким, небрежным движением сдернул с нее капюшон, и в следующую секунду подсечка выбила землю у нее из-под ног. Тело рухнуло, ударившись с глухим хрустом, точно сломанная марионетка. Грубо вцепившись в ее короткие волосы, он безжалостным рывком запрокинул голову девки, заставляя смотреть на себя. Из-под маски его взгляд, пропитанный клубящимся мраком, медленно и плотоядно изучал каждую черту ее лица.

Её кожа была бледной, как у трупа. Тусклые, почти бесцветные серые глаза безжизненно смотрели на него из-под глубоких, болезненно-темных кругов. В ней не чувствовалось ни искры воли, ни капли скрытой силы - лишь пустой, измученный лишениями сосуд. И всё же...

Командир слегка повел носом: от девчонки не несло гнилью и смрадом трущоб. От её кожи исходил тонкий, дразнящий и совершенно неуместный здесь аромат дикой, кисло-сладкой ягоды. В остальном же - ничего примечательного. Не красавица, грязная, до крайности истощенная, с заострившимися скулами и потрескавшимися губами. Он ожидал встретить куда худшее убожество, но даже это жалкое зрелище не пробудило в его темной душе ни малейшего плотского желания.

Брать её силой он не собирался. Марать себя о подобный мусор было ниже его достоинства. Местную погань, как и тех, кто в ней копошился, он презирал. Однако за спиной уже явственно слышалось дыхание подросших воинов. Кое-кто из них вполне мог захотеть вдоволь развлечься со свежим мясом, прежде чем отряд двинется обратно в долину.

Брезгливо, словно отбрасывая смердящую пададь, командир швырнул девчонку обратно на камни. Тонкое запястье с тошнотворным хрустом подломилось под тяжестью сапога. Он не просто наступил - он медленно, с садистским наслаждением переносил вес, дробя хрупкие кости, пока побелевшие пальцы жертвы не разжались в невольной судороге, выпуская украденный родовой перстень.

Окружающий мир взирал на это с ледяным равнодушием. Тяжелое, затянутое серой пеленой небо, безжизненные скалы и стылый ветер, нёсший с собой лишь запах гнили, служили идеальными декорациями для места, где кусок металла всегда стоил дороже чьей-то жалкой жизни.

Стерев с перстня грязь, командир выпрямился и посмотрел на неё сверху вниз. Под маской его взгляд был холодным, как лезвие. Ни тени сожаления, ни проблеска жалости.

- Эта вещь, - его тихий, скрежещущий голос легко перекрыл завывания ветра, - стоит куда дороже, чем твоя жалкая шкура, тупая шлюха.

Он повернулся к замершему позади отряду:

- Кто-то хочет это взять?

Несколько воинов молча выступили вперёд. Шагнули к лежащей девушке нехотя, словно борясь с отвращением к столь жалкой оборванке.

- Развлекайтесь, - глухо обронил он, окончательно потеряв к ней всякий интерес и одним выверенным движением вонзил свой клинок глубоко в землю.

Металл жалобно звякнул, намертво прибив края её плаща к скале, словно распиная пойманную бабочку булавкой. Оставив девчонку у ног своих солдат, он плавно отступил в сторону, бережно возвращая кольцо на его законное место.

Девка, распластанная на камнях с вдребезги раздробленной кистью, вдруг разразилась громким, залиvistым смехом. Этот звук, звонкий и совершенно неуместный, эхом отразился от скал. В нём не было ни капли боли или отчаяния - только искренняя и почти безумная радость. Она смеялась так, словно уже видела финал этого грязного представления и в нетерпении предвкушала развязку.

- Я с подобной мерзостью не сношаюсь - презрительно и с откровенной издевкой было выплюнуто прямо в скрытые лица.

Из-под масок донесся низкий, утробный смешок, больше похожий на рычание голодных псов. Асгетт прекрасно знала, о чём они сейчас думали. В их извращенных умах уже мелькали грязные, жестокие образы: как они по очереди будут вжимать её изломанное тело в ледяные камни, с треском разрывая остатки плаща. Как станут вколачивать в неё своё презрение вместе с похотью, пока девчонка не захлебнётся хрипами и собственной кровью. Они предвкушали, как втопчут эту уличную дрянь ещё глубже - туда, где ей, по их мнению, было самое место - на самое дно зловонной сточной канавы.

Пусть это тело было всего лишь временной куклой, но осквернить его она никому не позволит. С этой старой бабки она потом лично и очень строго спросит за спасение, из-за которого она сейчас лишится такой дорогой и любимой игрушки. А после, она лично спросит со жнеца, даже если ей придётся залезть в их проклятую Долину.

Резко, с животной яростью Асгетт рванула всем телом. Плечевые суставы тошнотворно хрустнули, выворачиваясь из пригвожденного клинком плаща, а ткань с мокрым, противным треском лопнула и осталась на клинке. За долю секунды, преодолев оставшееся расстояние до самого пика, она резко обернулась к замершему в растерянности отряду. Под ногами сухо заскрипел и посыпался вниз мелкий щебень, исчезая в крошечной тьме без единого звука. Серые глаза прищурились, по-кошачьи. На потрескавшихся губах медленно расплзлась улыбка.

- Надеюсь, мальчики не в обиде? - с издевательской хрипотцой прошипела девица. - Уверена, с развлечением вы вполне неплохо поможете друг другу и без меня. Сверху вниз... Ну, вы и так знаете.

И подмигнув опешившим жнецам, не колебаясь ни единого мгновения, сделала обманчиво легкий шаг назад. Просто отпустила себя, проваливаясь в голодную черноту пропасти спиной вперед. Плотный, ледяной воздух мгновенно сомкнулся над ней, проглотив тонкую фигурку, словно жадная пасть чудовища.

Воины Каменной Долины стояли неподвижно, глядя в пустоту. Кто-то тихо, витиевато выругался. Развлечение, которое они уже почти ощутили кожей, ускользнуло прямо у них из рук.

Глава 2

Когда будущий Шах Каменной Долины снимал тяжелую матовую броню жнеца, он отнюдь не переставал быть воплощением смерти. Напротив, лишившись стальных пластин, он казался еще опаснее - словно матерый зверь, сбросивший лишний панцирь ради чистой, неуловимой скорости.

Наследник был дьявольски, порочно хорош собой той острой, хищной красотой, от которой у жертвы замирает сердце за мгновение до того, как лезвие перережет горло. Резкие, словно высеченные ножом скулы, идеально прямой нос. В профиль он выглядел еще более пугающе: безупречный излом челюсти, который переходил в твердый, четко очерченный, упрямый подбородок и чувственные, плотно сжатые губы, на которых застыло вечное пренебрежение ко всему живому. Из-под густых, вечно нахмуренных черных бровей и пушистых смоляных ресниц его взгляд резал мрак комнаты насквозь. Отливающие кроваво-красным глаза светились изнутри первобытной магией и дышали вековым равнодушием. Тёмно-кофейные влажные волосы были коротко выбриты по бокам, а рваные длинные пряди небрежно падали на лицо, частично скрывая этот леденящий, пристальный взор. На его безупречном лице выделялся металлический шарик пирсинга под нижней губой и россыпь серебряных колец в ушах. Вся его широкая грудь, мощные плечи и шея были забиты ритуальными татуировками. Темные чернильные узоры, среди которых отчетливо угадывались черепа, въелись в медово-бронзовую кожу.

Цина - нареченный именем прадеда, - терпеть не мог вычурную шелковую роскошь, предпочитая практичную одежду воина. Тёмные ткани туго обтягивали литые мышцы, а сложная вязь черных кожаных ремней, словно вторая броня, надежно обхватывала торс. На руках неизменно красовались плотные перчатки, поверх которых тускло поблескивали массивные родовые перстни.

Он сидел сцепив пальцы и упрямо перебирал в мыслях случившееся.

Этот мужчина привык к тому, что женщины рушатся к его ногам с жалкими мольбами, а не бросаются в самую бездну на острые камни. Будущий повелитель Долины сейчас попросту не мог выкинуть из головы эту драную девку. Её звонкий хохот, открытое презрение и абсолютное бесстрашие, неуместный запах и то, как она без единого колебания шагнула в пустоту - всё это царапало по обнаженным нервам. Воспоминания распаляли внутри не простое раздражение, а всепоглощающую темную злость.

Оказавшись на дне ущелья, он предвкушал, как вырвет душу этой гадины и вдоволь насладится видом кровавого месива на камнях. Однако вместо этого Цина нашел лишь то, что рассыпалось при малейшем прикосновении. Ни крови. Ни разорванных внутренностей. Ни единого следа души. Сначала он подумал, что проклятая псина опередила его и сожрала добычу - он уже ничему бы не удивился. Но чутье подсказывало иное: в этой пустой оболочке души не было изначально. Опустившись на колени, он зачерпнул рукой серые соринки. С тихим, почти издевательским шуршанием они просочились сквозь его пальцы невесомым прахом, стирая последние иллюзии.

Морок. Сильная, абсолютно неведомая ему магия, природу которой он не мог разгадать. Он привык играть с чужими телами, подчиняя их, но то были создания из костей и жил, выно-

шенные во чреве матери. Из чего было соткано *это* - Цина не мог представить даже в самых безумных фантазиях. А с фантазией у него проблем не было никогда.

Оболочка, что так искусно управлялась кем-то, теперь преследовала будущего Шаха в мыслях каждый чертов день. А въевшийся запах намертво забил его ноздри. Охотник остался с пустыми руками.

- Что же ты такое?... - сорвалось с его губ в пустую темноту, пока он смотрел как перстень гниёт и поспешно разлагается на его пальце, оставляя тошнотворный кисло-сладкий шлейф.

.....

Из глубокой, колышущейся тени в углу спальни неспешно, с грацией истинной владычицы, выступила статная фигура.

Царица Ца'трии, Висса выглядела поистине величественно. Время не имело власти над дочерьми Иблиса, оттого она казалась лишь умудренной жизнью родственницей с тысячелетним опытом, но совершенно не тронутой увяданием. Её кожа, напоминающая безупречный мрамор, была заметно бледнее, чем у внучки. Длинные русые волосы хитросплетением тяжёлых прядей укладывались в причёску, щедро усыпанную золотыми шпильками и венцами. В полумраке комнаты они мерцали, в точности повторяя форму сияющих листьев Великого Древа.

Наряд Царицы был данью уважения их первородному предку. Белоснежное, как ствол Древа, платье облегло стройную фигуру. На шее, золотой брошью в виде рогатого льва - герба их древнего рода, крепился тяжёлый красный плащ, что ниспадал за спиной кровавым водо-

падом. У самого пола ткань градиентом перетекала в непроглядную черноту - символ глубоких касаритовых корней, питающих их род.

О её безграничной власти безмолвно кричал не только этот священный наряд, но и тяжелый, всеведающий взгляд. Глаза сияли золотом - тем самым, древним диким огнем, что веками текло по ветвям Древа прородителя. И когда её губы тронула мягкая, обманчиво ласковая улыбка, показались острые клыки.

- Иблис Бен Касарит, приветствую тебя, кровь моя. Как погуляла?

Асгетт откинулась на шелковые подушки, даже не думая встать перед великой правительницей. Бабке лгать было бессмысленно - Висса видела её насквозь.

- Было весело. Поначалу. - честно отозвалась наследница.

Она прищурила свои хитрые медные глаза, усыпанные золотистыми крапинками. Этот глубокий, пронзительный взгляд, вместе с теплой, карамельно-золотой кожей она унаследовала от отца. А вот дикая, броская красота и роскошные длинные волосы - иссиня-черные у самых корней и переходящие в холодное, пепельное серебро на концах - достались ей от деда, Князя Катрата, Раду.

Если Вхар - Царь Цэссы, был воплощением роскоши, то Раду казался чистым проявлением опасной природы. Его тело, высушенное до идеального, литого рельефа, имело оттенок тёмного дерева. На этой смуглой коже золотые татуировки выглядели не как украшение, а как шрамы, сочащиеся древним колдовством: сияющая вязь тонкими ручьями иссекала его скулы, плечи и сходилась плотным узлом на животе. Лицо Раду, с его резкими, угловатыми линиями, дышало абсолютным, звериным спокойствием. Его пугающие глаза, лишённые белков и полностью залитые густым, расплавленным золотом, казалось, никогда не моргали. Он ози-рал пространство, словно сытый тигр свои владения. Платиновая, ослепительно светлая копна волос, широким каскадом спадала до самой поясицы. Две тяжелые, толстые косы у лица были стянуты массивными золотыми зажимами, которые при малейшем движении глухо стучали по его ключицам.

Никаких шёлковых одеяний или парадных доспехов - этот мужчина нёс свою силу обнажённой, и в залы Катрата он привносил отчётливый, тревожный дух диких лесов. Он всегда сидел едва прикрытый белоснежной тканью на бёдрах, а его могучий торс лениво обвивали кольца огромной чешуйчатой змеи. Хищная рептилия ластилась к его шее, словно признавая в хозяине существо куда более опасное, чем она сама. В его вальяжной позе сквозила готовность в одно мгновение, без единого лишнего вздоха превратить это тело в разящий клинок.

Как они вообще умудрились сойтись и нажить с Виссой детей, при этом ни разу не перегрызшись насмерть, оставалось для всех великой загадкой. Именно эта дикая, не знающая поводов порода деда теперь кипела в жилах принцессы, делая её столь же необузданной.

- Твой подарок был просто чудом. Жаль только, что с куклой пришлось попрощаться раньше времени, - Асгетт слегка склонила голову. - Сделаешь мне новую, бабушка?

Царица приглушенно рассмеялась. Звук её смеха напоминал шелест листьев, в которых таилась скрытая мощь ветров. Она подошла ближе к кровати, плавно покачивая бедрами. Тяжелый, выцветающий в черноту край её плаща мягко шуршал по толстому ковру.

- Потеряла куклу? Надо же. И кто же умудрился довести моё дитя до того, что ей пришлось развеять морок? - она опустилась на край ложа, внимательно разглядывая точёное лицо внучки, обрамленное серебряными прядями. - Неужели в Ямах научились отращивать зубы?

- На жнецов напоролась, представляешь? - невинная улыбка тронула пухлые губы Асгетт, на секунду обнажив острые зубки.

- Или это они напоролись на тебя? - в тон ей, с притворной наивностью уточнила Висса. В её золотых глазах вспыхнули искры.

Слова были излишни. Асгетт плавно протянула ей руку. Едва их кожа соприкоснулась, как образы минувшей ночи перетекли в разум царицы чистой, звенящей водой.

- Скверно, - тихо выдохнула Висса, разрывая ментальный контакт.

Она медленно поднялась на ноги, нежно, ободряюще погладила внучку по макушке и принялась мерно расхаживать по просторной, утопающей в тёплом янтарном свете спальне. Легкие пологи кровати едва заметно колыхались вслед её плавным, царственным движениям, словно сам воздух в комнате покорно расступался пред ней.

- Мне совершенно не нравится то, что происходит в Вольных землях, - заговорила Висса, и её глубокий голос зазвучал весомо, раскатисто. - Каменная долина со своими безликими вырожденками начали шастать по Ямам как у себя дома. Они оставляют за собой горы трупов, а эта брошенная плоть уже начала заражаться тленом из бездны и скоро начнёт вставать по её первому зову. Империя, которой уже тесно в собственных границах, потеряла всякий страх: она прёт в Павиру, как жирный вепрь в трясину, надеясь урвать лишний кусок земли, попутно не забывая гавкаться со "святыми" воинами Триты, что несут свою истину, словно пьяный проповедник. А скверна тем временем терпеливо прячется во тьме, копит силы и вдоволь упивается их глупостью. Слепые.

Висса резко остановилась и тяжело посмотрела на внучку своим пронизывающим насквозь взглядом.

- Скоро эта скверна вылезет наружу, - процедила она. - Великие дома вновь примутся с упоением вырезать друг друга, щедро кормя Бездну, и всё повторится в точности так же, как в те времена. Их роды и так истончились, а если они не остановятся, то от их хваленой крови не останется даже следа на их грязном полу. Но признаться, на них мне плевать. Их судьба предрешена их деяниями. За всё в этом мире приходится платить.

Она отвернувшись, подошла к высокому арочному окну и принялась задумчиво выстукивать ритм по холодному подоконнику. Массивные золотые кольца на её длинных пальцах издавали тихий, мерный звон, словно отсчитывая оставшееся этому миру время.

- Павира - наши ближайшие соседи. Одни из немногих, кто знает о нашем скромном существовании, - продолжала Висса, глядя на раскинувшийся внизу процветающий край. - Я хочу укрепить это добрососедство, отдав Вольные земли под их контроль, первоначально вышвырнув всех заблудших шавок с этой земли. Пусть напыщенные властители считают народ Павиры дикарями, вылезшими из грязи, но они теперь под нашей защитой, и с этим им придётся считаться. Когда полчище бездны пойдет жрать всё, что попадется на пути, мне ни жнецы, ни имперцы под боком не нужны. Пусть бездна пожрёт их на их собственной земле, а не топчется с этим гниющим мясом в зубах под моей калиткой.

Асгетт подалась вперёд, уперев ладони в колени и напряжённо вглядывалась в силуэт бабки, пыталась разглядеть её истинные мысли:

- Что ты удумала? - в голосе послышалась тревога, смешанная с невольным предвкушением.

- Подождём Великий Совет. Уже скоро... - на губах Виссы скользнула холодная усмешка. - Когда до бестолковой Империи дойдёт, что они не возьмут своими рогами ворота Павиры, за которыми будем стрять мы, они побегут на ковёр к Хранителям Храма Мира, что-бы жаловаться им на грязных ублюдков, кидая на стол переговоров свитки с требованиями и угрозами. Идеальное время для личного знакомства, не считаешь?

Висса подошла к кровати вплотную, заставляя внучку подобраться и сесть ровнее под давлением её тяжелого взора.

- Пора свыкнуться с этим телом, которое породило для тебя Великое Древо, - вновь заговорила она. - Пора брать силу, что принадлежит тебе по праву рождения. Пора признать: ты больше не капризное дитя, ты - будущая правительница. Венец на твоей голове будет тонок, но бремя его окажется невыносимо тяжелым, любовь моя. Начинай мириться со своей судьбой.

В воздухе неуловимо похолодело. Явилась та самая, редкая, леденящая кровь строгость, перед которой мгновенно отступала любая девичья спесь. Царица плавно, но весомо опустила ладонь на плечо внушки.

- Я выжгу дотла всю дрянь для твоей защиты если потребуется, ты знаешь это, - произнесла Висса, и в её глазах мелькнуло безжалостное пламя. - Но теперь, когда бездна уже стоит

на нашем пороге, я хочу чтобы ты оставалась под сенью Иблиса. В безопасности. Мы сильны, да... и жизнь наша долга - но отнюдь не вечна.

Асгетт была в корне не согласна, но перечить не смела. Только не ей. Будь на месте бабки тётка Артра или отец, она бы с огромным удовольствием отстаивала свою свободу часами, нагло скаля клыки и доводя их до чистого безумства. Но если уж сама Царица требует от неё смирения, значит, ей придётся его познать.

- Они не уйдут добром, - хмуро отозвалась девица, искренне разочарованная потерей чуть ли единственной отдушины в её жизни - её тайных вылазок в чужие края.

- Добром мы заплатим после кнута, - Висса коварно ухмылялась. - Пустоши нам этого добра предоставят не мало. В пещерах мёртвых земель хранится более чем достойная плата.

Асгетт тут же поморщилась. Она прекрасно знала, что лежит в тех подземных чертогах у самых границ. Кальс. Голубой, слепящий глаза минерал. Ей слишком хорошо было знакомо истинное, грязное происхождение этой дряни.

Пещеры на стыке Пустошей и Вольных земель были рассадником для полчищ ядовитых пауков. Десятки тысяч лет назад, когда Венец ещё не был скрыт пеленой забвения и тумана, отчаянные безумцы сотнями лезли в эти подземелья. Они надеялись унести с собой хотя бы крошечный осколок голубого камня, но выбраться живыми удавалось лишь единицам.

Сами пауки и порождали это проклятое «сокровище». Когда корыстолюбивые скитальцы попадали в ловушку, едкий паучий яд проникал в их тела, заживо кристаллизуя плоть и кости, медленно превращая бьющихся в агонии в голубые глыбы. А тот манящий, призрачный свет, что испускал готовый камень, был вовсе не магией недр - это слабо тлели остатки запертых душ, мучительно угасающих в этой вечной мерзости.

Для чужаков за пределами Пустошей кальс оставался самым желанным, недостижимым сокровищем. Злая ирония заключалась в том, что на деле этот трупный камень не стоил и одной ломаной ржавой монеты. Пока правители чужих краёв с гордостью вешали тяжелые ожерелья из голубого камня на шеи своих женщин, скупая когда-то украденные крупницы за баснословные, безумные деньги, в Венце эту гадость побрезговали бы взять голыми руками.

И это при том, что народы Венца в принципе было крайне сложно назвать безглыми созданиями.

Короткий, едкий смешок невольно сорвался с её губ, стоило Асгетт только представить эту абсурдную сделку. Но внезапная мысль о скором, неизбежном выходе из тени в истинном облике тут же заставила её сердце болезненно пропустить удар. Царица так решила и это не обсуждается. Чтобы прогнать липкую, непривычную тревогу, она резко потрянула головой, отчего пепельно-серебряные локоны рассыпались по её карамельно-золотым плечам.

- Мы прибудем на совет под гербом Павиры? - спросила Асгетт, косо глянув на бабу.

- Конечно, кровь моя.- успокаивающе произнесла Висса.

- А что жнецы? - наконец Асгетт задала вопрос, который, казалось, беспокоил её сильнее всего.

- А что жнецы? - вторила Висса, безразлично пожав плечами, словно речь шла о назойливой мошкаре.

Но все-же, при одном лишь упоминании выходцев из Каменной Долины, лицо царицы неизменно искажалось в брезгливой гримасе. Страха перед безликими воинами Висса не испытывала, отнюдь. Но сама мысль о чёрных, удушливых тенях, копошащихся под их доспехами вызывала отвращение. Она категорически не признавала саму природу их лишённой тепла крови. Для царицы они были уродливым искажением мироздания, противоестественной ошибкой, которой не должно быть места под солнцем. Ведь порождения долины были сотканы из самой ночи, что безраздельно правила в их землях.

- Пусть залезут обратно во тьму, откуда когда-то вылезли, - отрезала Висса. Но тут же неумовимо смягчилась, тепло улыбнувшись: - Отдыхай, милая.

Оставив на лбу внучки нежный, тёплый поцелуй, она плавно развернулась и направилась к выходу. Тяжёлый подол её плаща бесшумно скользнул за закрывшуюся дверь спальни.

.....

Точно борясь с невидимой тяжестью, Асгетт поднялась с ложа из струящейся ткани и преодолев внутреннее сопротивление, заставила себя взглянуть в холодную зеркальную гладь. В то же мгновение пальцы её судорожно сжались в кулак, а ногти до боли впились в ладони.

На неё смотрело отражение, которое она уже перестала считать своим.

Пленительные черты предстали перед ней во всём своём великолепии: чёткий, благородный овал лица, тронутый едва заметной россыпью золотистых веснушек, точёный, горделиво заострённый подбородок и высокие, плавно очерченные скулы. Тонкий нос и чувственный изгиб пухлых губ являли собой безупречное, совершенное оружие. То был бесценный дар, за который при желании можно было купить всё земное величие - от слепой верности несокрушимых легионов до золотых корон чужеземных владык.

Этот ресурс когда-то использовала её мать. И эта мысль обжигала изнутри. Асгетт испытывала презрение к самой возможности того, что её истинную, первозданную суть посмеют мерить ничтожной мерой похоти и плотского вожделения.

Позади себя, в призрачной глубине зеркального полотна, она узрела чужое присутствие. Касаритовый хранитель рек вальяжно сидел на её кровати, успев сменить свою собачью ипостась на облик обнажённого юнца. Собственной наготы древнее божество не стеснялось от слова совсем - стыд был неведом существу, чьи незримые корни веками покоились в загробных водах, лаская остывшие души на самом дне великой реки.

В этом обличье он казался пугающе похожим на Асгетт. Они смотрелись в этих янтарных покоях дворца Ца'трии как родные брат и сестра, рождённые одной великой силой древа Иблиса.

Только вот гипнотические глаза Бога до краёв были залитые чёрным ядом. Он нёс в себе потустороннюю суть реки: кожа его отливала мертвенной, лунной бледностью, тонкие уши заострялись кверху, а голову венчали тяжёлые, витые рога. По бледному лицу струились сияющие золотые линии, похожие на трещины в обсидиане. Два прекрасных, совершенных чудовища, замерших друг напротив друга.

- Не расстраивайся, Геда, - голос его был шипящий и глубокий. - Я принёс тебе подарок.

Он плавно, бесшумно поднялся с постели и, словно плывя по полу, приблизился к Асгетт вплотную. От его обнажённого тела веяло могильным холодом подземных вод и приятным ароматом ядовитой черной ягоды. Божество нежно обхватило её ладонь своими когтистыми пальцами, подняло руку принцессы чуть выше и скользящим движением надело на её тонкий девичий палец тяжелое кольцо.

Она опустила взгляд и обомлела.

Тяжелым, чужеродным грузом на её руке покоился массивный перстень. Черный металл, казалось, всё ещё хранил леденящую прохладу магии теней и едва заметно поблескивал в теплом свете спальни.

- Удивил так удивил... - ошарашенно выдохнула Асгетт, заворожено разглядывая черный трофей. Она судорожно попыталась понять, как это сокровище вообще ухитрилось здесь оказаться.

Божество мягко улыбался.

- Я сожрал кольцо этого щенка, - он лениво стукнул острым тёмным когтем по перстню на её пальце и протянул: - Палец у этого жнеца, к слову, был на редкость невкусным.

Нахмурившись, Асгетт пыталась сопоставить воспоминания. Что же тогда забрал жнец?

- Некоторые вещи лучше не знать, - будто прочитав её мысли, он глухо, утробно рассмеялся, обнажив ряд заточенных зубов, - Но уверен, мальчишка был в полном восторге от моего сувенира.

Жнецы оставили слишком много трупов на улочках Ям. И один маленький кусочек плоти с ядом касаритовых рек командир унёс с собой вместо желаемого.

Божество сделало шаг назад, плавно отдаляясь от неё:

- Хорошее колечко. Подобное может позволить себе лишь знатный род. Оберег. С ним воин никогда не будет знать страха получить смертельный удар. Отводит чужую сталь, бережёт жизнь хозяина.

Замерев на секунду, Асгетт заливисто, оглушительно рассмеялась на всю опочивальню. В воздухе звенел чистый, безумный восторг. Хорошая получилась партия.

Отсмеявшись, она резко стянула тяжелый матовый перстень и брезгливо швырнула его на комод. В эту же секунду её интерес к жнецам окончательно сменился на чистую ненависть. Носить на своем теле чужой артефакт, который к тому же болтался и был ей совершенно не по размеру, ей не хотелось. Единственное, чего она сейчас искренне желала, это при первой же возможности лично запихнуть этот перстень в одну очень мерзопакостную задницу.

- Хороший подарок, - Асгетт завалилась обратно в кровать, забираясь под бок к божеству, который уже успел улечься туда во всей своей бледной наготе.

Он лишь улыбнулся, глядя на неё своими чёрными глазами. Его когтистая ладонь бережно скользнула по её роскошным платиновым волосам, перебирая серебряные пряди. Он просто хотел её порадовать. Древнее божество не знало привычных чувств, но за годы привязанности уяснило одну истину: когда это дитя грустило, его собственное нутро выворачивало, словно от невыносимой, удушающей хвори. И сейчас, глядя на это счастливое, улыбающееся лицо, хранитель рек желал лишь одного - найти того безликого жнеца и заживо сожрать. Медленно. С костями и доспехами. Даже если придется долго и мучительно давиться.

Глава 3

Объединение с Империей дед считал мудрым и своевременным шагом. Цина же видел в этом лишь очередное проявление глупости - сделку, рождённую не расчётом, а наступающим старческим упадком. Каменная Долина и без чужой помощи могла бы поглотить Павиру за одну-единственную ночь.

Безродные дикари никогда не представляли для жнецов ни малейшей угрозы; они были слишком ничтожны, чтобы вызвать даже презрение. Но дело заключалось вовсе не в этом.

К чему им вообще сдались эти земли?

Жнецов совершенно не интересовали скудные ресурсы и края, что далеки от их границ. Беспородные женщины, с отчаянным безумием перерезавшие себе и своим визжащим выводкам глотки, лишь бы избежать неизбежного надругательства, ни вызывали у них даже мимолётного вожеления. А мужчин и юношей в рабство они не брали - слишком слабые и бесполезные.

Гораздо тревожнее было иное. За узкими границами этого мелкого, упрямого царства, простирались мёртвые земли, о которых даже древние карты предпочитали умалчивать: безмолвные, окутанные ядовитым маревом, где воздух сам по себе был ядом, а горизонт терялся в серой, безжизненной дымке.

Венец. Якобы так некогда именовалось это могущественное царство, чьё имя хранят лишь древние, пожелтевшие свитки храма Мира. По легендам, что так любят рассказывать матушки непослушным отпрыскам перед сном, его просторы цвели и вызывали зависть; ни одна война не могла сокрушить их, а древний народ, что жил как и жнецы - тысячелетиями, хранил свою кровь в строгой чистоте, отказываясь отдавать дочерей чужим домам и заключать браки с иноземцами.

Но затем пришла великая Кара Бездны.

Она пронеслась по всем землям подобно неумолимому тарану. Венец был стёрт с лица мира по воле Бога Касарита и погружён в ядовитые реки. Чтобы не отдать души Бездне, божество пожрало всё живое, что жило в тех краях.

С тех пор чёрные воды кишат телами, что превратились в проклятых чудовищ - искажённых, терзаемых вечным, неутолимим голодом. Конечно, никто никогда не видел этих созданий воочию. Всякий, кто осмеливался приблизиться к берегам, назад уже не возвращался.

Цина сомневался в правдивости древних свитков и уж точно не верил ни в какое божество, скрывающееся в ядовитом болоте. Но он вполне верил в то, что не испытывает ни малейшего желания узнать, какие именно твари могут выползти из этих вод на свет, если их потревожить. Хищник слишком хорошо знал цену собственной силе и понимал, когда даже самому могучему зверю следует хранить почтительное расстояние от чужих охотничьих угодий, дабы однажды самому не стать добычей.

Его дед, Равель, ныне правящий Шах, выслушал все доводы и вынес приговор, от которого не было отступления. Союзу быть. Империя щедро осыпала жнецов золотом, однако истинной ценой сделки стала не казна, а кровь. Имперская принцесса, чьё имя уже давно превратилось в легенду - совершенная, недостижимая.

Самому Цине было глубоко безразлично. Он давно пресытился покорной красотой и явно не испытывал ни малейшей потребности в брачных узах. Брак для него был не более чем политической необходимостью - инструментом для укрепления власти над Долиной. Жена окажется ослепительно прекрасной и высокородной, а значит, достаточно ценной, чтобы носить его имя и потрудиться родить ему наследника.

Вот только кровь не хотела разбавляться, яростно кусаясь. И потому потомство жнецов неохотно шло в этот мир: обычно оно дошло вместе с той, что смогла понести. Случаи, когда иноземкам все же удавалось выносить это бремя до срока, можно было пересчитать по пальцам одной руки. А чтобы сосчитать младенцев, сумевших сделать хотя бы первый вдох, хватило бы и одного пальца. В Каменной долине, несомненно, были женщины их собственной, чистой крови. Но - к прискорбию, в ничтожно малом количестве. Ночь предпочитала даровать им мальчишек, скупое пренебрегая дочерьми. И даже если принцесса сотворит невозможное, она все равно неизбежно подохнет в скором времени. Даже помогать не придётся. Никто в этом мире не жил так долго, как жнецы.

Только бы ему самому кто-нибудь не помог подохнуть.

Три года изнурительной, кровавой войны вместо одной-единственной победоносной ночи - вот какой подарок преподнесла им Павира. Тысячи имперских воинов стали ценой этой горькой иллюзии. Безликие жнецы, чьё ремесло сводилось к быстрой и беспощадной резне, превосходили любых воинов, а тем более - закованных в золочёные доспехи имперских рыцарей. Их полное отсутствие ума и блестящие латы лишь облегчали задачу тем, кто умел наносить удары в щели. Однако даже жнецы, непревзойдённые мастера теней, были неприятно удивлены.

Неорганизованные дикари, которые прежде хаотично и глупо сражались в мелких стычках в Ямах, внезапно явили миру пугающую военную тактику. Слаженно, шаг за шагом, словно научившись терпению, они начали вытеснять чужаков с границ Павиры, а затем и вовсе погнали их по территории Вольных земель, словно волки потрерёпанное сдато овец, оставляя за собой лишь выжженные поля и тлеющие трупы, аккуратно сложенные в молчаливые пирамиды.

Худые, высокие бойцы в лёгких, развевающихся накидках поначалу казались безликим воинам неинтересной и лёгкой добычей - жалкой дичью, которую не стоило даже пачкать клинки. Но когда эти дикари схватились за копья да взяли в руки по два изогнутых клинка и с безумной, почти священной яростью закружились в смертоносном танце, исход всей кампании начал стремительно и необратимо меняться, словно сама земля решила напомнить завоевателям, что не всякая кровь проливается легко.

Павирцы двигались неумолимо и безостановочно, сплетая вокруг себя живой стальной щит, из которого невозможно было вырвать ни одного бойца. Никто не мог приблизиться на расстояние удара - их строй оставался целостным, словно состоял не из плоти, а из острых шипов. Их выносливость превосходила всякое разумение, и хотя жнецы ещё могли бы спра-

виться с этим упорством, скорость и реакция павирцев превратились в непреодолимую преграду для воинов.

В ближнем бою жнецов спасала лишь тёмная магия, которую они призывали с отчаянным хладнокровием. Имперцев же не спасало ничего. Их косили целыми отрядами, словно бесполезную траву, и золото их доспехов лишь ярче сверкало под потоками собственной крови.

У будущего Шаха упорно не сходилась картина этой войны. Дикари не могли так драться. Будто кто-то направлял их клинки, кто-то тенью стоял за их спинами, диктуя правила игры. Цина раздраженно сжал кулак, и на его покрытых рисунками пальцах тупо заныл старый шрам от укуса. Вдобавок ко всему, эта проклятая тварь, ухитрившаяся стащить его родовой перстень и оставить взамен кусок смердящей плоти, намертво засела в мыслях.

Наследник Каменной Долины поминутно возвращался мыслями к каменистому обрыву, пытаясь разгадать эту аномалию. Тело морока, рассыпавшееся серым прахом, полное отсутствие искры души, не пойми куда пропавшая псина и этот въевшийся в ноздри, сводящий с ума запах...

Новости прилетели быстрее, чем он успел вернуться в родные земли. Воины Триты, словно сорвавшиеся с цепи псы, обрушились на приграничные провинции Империи с яростной, почти одержимой жестокостью. Вдохновившись подвигами Павиры, они выжигали сытые долины дотла, оставляя после себя лишь чёрные поля, усеянные обугленными трупами, и дымящиеся руины, над которыми ещё долго висел тяжёлый, сладковатый запах горелого мяса.

Обезумевшие от ярости и унижения имперцы не стали терпеть дальнейших потерь. Властитель ответил на это радикально и без промедления - он созвал Великий Совет. Закон был непреклонен: при звуке этого зова все государи и подвластные им князья обязаны были немедленно сложить оружие и явиться в священный храм Мира, дабы разрешить спор словом, а не сталью. Никто не имел права игнорировать призыв, не рискуя навлечь на себя гнев всех народов одновременно. Отказ от такого совета означал не просто вызов - это было равносильно объявлению войны всему живому.

Для Цины это означало лишь одно: война с Павирой временно затихает, и ему придётся сбросить пропитанные кровью доспехи, чтобы облачиться в тяжёлые парадные одеяния и сопровождать деда в этот фарс, именуемый миром. Будущий Шах раздражённо повёл плечом, и в полумраке покоев его глаза сузились в холодные, кроваво-красные щели. В Храме Мира соберутся все - имперские петухи в золоте, святая, мать их, сталь Триты, братья по оружию из Вархи, древние выродившиеся дома из Саривии, Владыка Павиры со своим отребьем...

Что-то в землях за пустошами начало меняться, и Цине это до бешенства не нравилось.

.....

Три года. Ничтожный, мимолетный срок для живущих тысячелетиями созданий. Но для Асгетт эти года тянулись безумно, невыносимо долго. Бессмысленное кровопролитие за границами пустошей она совершенно не понимала. Радовало лишь то, что воины Венца были неописуемо превосходны и слаженны в бою. Великая Цэсса с гербом огненного стихийного исполина, принадлежавшего её отцу - Царю Вхару - намертво укрепила рубежи Павиры, облачившись в их одеяния и взяв их стяги.

Пустынные воины по праву считались вторым из самых страшных и безжалостных орудий их земель. Бойцы раскаленных песков изо дня в день сражались с похождениями пустыни, что вылезали под покровом ночи. Бесстрашные, заколенные зноем несокрушимые воины были для Павиры главным щитом.

Первым же клинком Венца считался Катрат. Его глухие леса были окутаны удушливыми туманами, а топи делали их абсолютно непроходимыми. Эти земли взрастили существ, которые в своей свирепости были куда опаснее монстров из касаритовых рек. Ослепительные красавицы с пастью, полной острейших зубов, прямо во время боя легко меняли облик, превращая тонкие руки в длинные когтистые лапы. Они заживо могли рвать плоть врагов, насылая кошмарные, сводящие с ума видения на всякого несчастного, встретившегося им на пути и осмелившегося посмотреть в золотые глаза.

Женщина, что заменила ей мать, была родом именно оттуда. Древняя, как само мироздание, она растила Асгетт вместе с названной сестрой, Сабари.

Прекрасные творения Иблиса, с длинными, ослепительно белоснежными волосами, мать и дочь - как и всякая из Катрата - обладали тем совершенством, которое могло затмить любую чужеземную красавицу. А если не затмить, то попросту сожрать. В еде эти лесные создания привередливостью не отличались.

Дорогая матушка стала учить принцессу взывать к дару Великого Древа с того самого дня, как девочка уверенно встала на ноги. Дитя ещё не говорило, но уже училось охотиться и красться бесшумно, словно дикая кошка. Почти полное отсутствие брезгливости было закономерным итогом их совместной жизни.

.....

Во главе одного их легионов, преследовавших чужаков в Вольных землях, стоял Дарий. Княжеский сын, наследник плодородных равнин, где носились беспощадные ветра и вольные кони.

Первая сталь Просторов был красив. Он обладал той редкой, безупречной мужской красотой, которая внушала союзникам благоговение. Высокий, статный, с идеальной осанкой рожденного в седле всадника, он нес себя с врожденным достоинством.

Доспехи, сковывающие движения он не любил, предпочитая им свободные, глубокого черного цвета одежды из благородных тканей и тяжелый летящий плащ на одном плече, скрепленный круглой серебряной брошью. Его длинные, черные, ухоженные волосы шелковым полотном рассыпались по плечам, обрамляя точеное, словно высеченное искусным скульптором лицо. В глазах чистого зеленого цвета сквозило величие.

Но за этой обманчивой, изысканной утонченностью скрывался превосходный воин, получивший безупречное воспитание. Он сражался длинным, идеально сбалансированным копьем, лезвие которого пело в его руках, выкашивая ряды противников на дистанции, недостижимой для их мечей. В его движениях не было хаоса или грязной ярости - каждый выпад, каждый разворот оружия казался выверенным, благородным, почти церемониальным жестом.

Его магия полностью подчинялась этой безупречной дисциплине: удушливый зеленый смог, который он призывал по щелчку пальцев, расстилался по земле идеальным, плотным ковром. Эта ядовитая дымка мгновенно заволакивала поля, забивая легкие всего живого, заживо выжигая изнутри. Но в этой войне воинам Венца подобная сила не требовалась, они и так сокращали противников сталью.

Молодой наследник, всего-то четыреста лет от роду, был одним из самых близких наставников девочки. Именно от него, завороченно наблюдая за изящными тренировками, Асгетт впитала эту фанатичную любовь к длинным копьям. А теперь этот безупречный элитный всадник оказывал принцессе явные, вполне недвусмысленные знаки внимания. Она же, при виде его благородных жестов лишь закатывала глаза, едва сдерживая ироничную улыбку.

Сидя в парадном зале дворца Ца'трии в тяжелом резном кресле, она лениво слушала доклады о грядущем Великом Совете. Царица действительно как в воду глядела.

Слева от Асгетт восседал Дарий, как всегда безупречный, холодный и собранный в своих темных одеждах. А прямо по центру, вальяжно и тяжело откинувшись на спинку центрального трона, расположился её отец.

Вхар - царь Цэссы, дышал неподъемным, царственным зноем. В его облике не было ни капли утонченного аристократизма Дария - только давящая, сытая роскошь самого богатого южного дома. Одевание царя, состоящее из свободных бежевых тканей, было распахнуто на груди, открывая мощный смуглый торс. Длинные каштановые волосы ложились на плечи тяжелыми волнами. Божественно красив. Не удивительно что её мать когда-то ослушалась бабку, и завладела этим демоном.

Вхар любил золото и носил его с вызывающим, варварским извращением: бесчисленные тонкие цепи путались у него на груди, запястья закрывали массивные резные наручи, а пальцы с чёрными, острыми когтями были сплошь усыпаны перстнями. Лениво смотрели глаза, залитые раскалённой медью. У них с Асгетт был одинаково хитрый разрез глаз, да и нрав во многом совпадал. Вот только характер у владыки Цэссы был совершенно несносным.

- Где твоя бабка? - возмутился он, и его глубокий, вибрирующий голос эхом разнесся под высокими сводами залы.

- Не бабка, а Асеки Иблис бен Касарит, - не поворачивая головы, ровным тоном поправила Асгетт, лениво рассматривая свои ногти.

- Я так и сказал, - царь раздраженно качнул головой, отчего золотые серьги в его ушах негромко звякнули.

На самом деле он уважал божественную суть царицы. Но у него был другой бог. Вхар буквально был его порождением, сыном чистого, первобытного огня - беспощадного, карающего пламени пустыни. И потому ему изначально было свойственно это пренебрежение к чужим авторитетам.

В этот момент тяжелые двери залы бесшумно разошлись, и в помещение плавно всплыла царица Висса в своем традиционном белоснежном платье и красном плаще. Подол её плаща, черный, как корни, мягко скользнул по мрамору.

- Хвала великому Иблису, явилась! - шумно выдохнул Вхар. - Я тут почти закончился, пока ждал тебя.

- Когда ж тот день придёт, когда ты закончишься, - холодно и иронично отозвалась царица, даже не замедляя своего шага. - Одно меня искренне радует в твоём здесь нахождении - это собрание закончится быстро. А не как обычно, на рассвете второго дня.

Висса остановилась у подножия тронов и окинула царя Вхара золотым взглядом:

- В одном помещении с тобой больше двух часов может провести только самый сильный духом. И это, заметь, если ты вообще рот открывать не станешь.

Вхар лишь оскалился в ответ, сверкнув идеальными длинными клыками, и подался вперед:

- Сильна ли ты духом, старуха?

- О, помилуй. Я и часа не выдержу. - парировала царица, и на её губах заиграла тонкая ухмылка. - Нервы с возрастом не к черту. Не мне тебе рассказывать.

- С вашими ебучими собраниями... Думал, приду позже, как раз закончите, а вы даже не начали.

Массивный, седовласый великан Ликой вошел в залу тяжелой, грохочущей по мрамору поступью, явно пребывая в скверном расположении духа. Его начищенные до блеска доспехи тускло поблескивали, а аккуратная серебряная борода сердито топорщилась. Следом за ним, бесшумно и грациозно скользя в тени отца, шла Митэя, двоюродная кузина Асгетт. Единственная дочь князя Илеи, одетая в струящееся, легкое серое платье. Глаза княжны были пронзительного, кристально-голубого цвета с золотой обводкой, а локоны были заплетены точно золотая корона. Серебряный медальон на тонкой шее мерцал в такт ее дыханию, выдавая скрытую внутри магическую искру, способную превратить любого в вечный лёд.

Ликой окинул взглядом присутствующих, остановил взор на наставнике Асгетт и осклабился.

- Дарий, дорогой! Как хорош, а, Владыка? - громогласно обратился названный дядя к её отцу.

- Хорош, - лениво подтвердил Вхар, перебирая кольца на смуглых пальцах

- Да-а-арий... Ух, красавец, - протянул Ликой, вальяжно подходя ближе. - Так ты мне уже нравишься, ни дать ни взять. Сколько душ забрал у горного хребта?

- Я не считал, Князь, - ровным, бархатным голосом отозвался Дарий, даже не шелохнувшись под этим давящим авторитетом. Его зеленые глаза оставались совершенно спокойными.

- Привратница! - рявкнул Ликой, оборачиваясь к затененному углу залы.

Из тени бесшумно выступила служительница Иблиса. Окутанная в ритуальные золотые одежды, она сверкнула скрытым взглядом и безэмоционально, холодно отчеканила:

- Восемьсот двадцать три. Но должен был забрать больше.

- Ну ты посмотри на него. Жеребец! - князь Илеи восхищенно хлопнул себя ладонями по окованным сталью бедрам. - Ещё и скромный! Не хотел на фоне других бахвалиться. Ты ж мой сладенький.

Дарий приглушенно, устало вздохнул, слегка качнув головой, отчего длинные шелковистые пряди его темных волос скользнули по плечам.

- Князь, я начинаю тебя бояться, - невозмутимо заметил он, хотя в его тоне прорезалась тонкая ирония. - Мне уже в моменты уединения твой оскал из кустов мерещится.

Ликой громогласно рассмеялся, и этот треск ломающихся костей в его голосе заставил задрожать золотые подвески в ушах царя Цэссы.

- Кстати говоря, этот племенной красавец отказался от... от скольких девиц он отказался?

- От семидесяти шети, - бесстрастно отозвался ровный голос привратницы из-под капюшона.

- От семидесяти шести! - взревел Ликой. - Там такие кобылы породистые были, что только поводья держи да ноги свесь, сами куда нужно поскачут. А этот всё на дикую и необъезженную смотрит, вместо того чтобы ей в рот... удила вставить. Семьдесят шесть!

Асгетт, сидевшая в своем кресле, медленно прикусила изнутри губу, пряча ядовитую ухмылку. Она прекрасно понимала, в чей огород сейчас был брошен этот камень. Митэя, стоявшая чуть поодаль, лишь едва заметно хмыкнула, скрестив руки на груди и наблюдая за отцовским спектаклем.

- О, прошу, не обращайтесь на меня внимания, - Дарий тихо и обреченно прикрыл ладонью глаза, понимая, что Князя уже не остановить.

- Умён, высок, красив. Воспитан! Слышали такое слово? - Ликой зашагал по залу, активно жестикулируя тяжелыми руками. - Чистейшая, кипящая древняя кровь, но при этом спокоен, умеет укрощать свой нрав. И горяч, если нужно укротить чужой! Один из лучших воинов, что наравне сражался с лучшими и учился у лучших. Хоть и силен как тот... этот самый, при этом не-е-жен. Или что там вам, девкам, ещё нужно? Да будь я девицей, я бы прям тут ему отдался, такой он уже хорошенький!

- А как же любо-о-овь? - со смешком протянула Митэя, вальяжно оттолкнувшись от колонны. Она прекрасно знала о холодном равнодушии своей младшей кузины ко всем этим ухаживаниям и намеренно пыталась увести опасный разговор в другое, шутовское русло.

- Любовь? - Ликой резко остановился, и его седая борода воинственно дернулась. - Что от твоей любви останется, когда ты будешь детей рожать своему ободранцу, или кого ты там мне присунешь? Наследников, что на него как отражение водной глади похожи будут. Ждать

будешь его в постели, пока он под звёздным небом других трахает и сказки им о любви рассказывает. Те сказки, что он до этого рассказывал тебе. Тут сказочников по молодости - воз и телега, и нихрена не маленькая. Один лучше другого, хоть басни пиши. На ходу выдумывали, да так складно, что сами Боги верили.

Князь весомо припечатал ладонью по рукояти своего оружия:

- Клятва! Вот это уже совсем другой разговор. А похоть сказочника, что так любит дарить мимолётное в обёртке любви, покинет его уже к утру. Так что же у тебя останется в итоге? Пыль.

- А если у него член не такой? - задорно поинтересовала Асгетт, издевательски вскинув бровь и косясь на стремительно бледнеющего от безупречного воспитания Дария.

- Какой не такой? - искренне возмутился Ликой, округлив свои глаза. - Великая мать, да он у всех одинаковый! Или думаешь, где-то есть волшебный?

Вхар на своем троне не выдержал и громогласно, раскатисто расхохотался, отчего тяжелые золотые цепи на его смуглой груди заходили ходуном. Асгетт же стиснула зубы, изо всех сил стараясь сохранить царственное выражение лица, хотя внутри неё так же клокотал дикий смех:

- Ну, может, там не дуб вековой, а прутик ивы? - не унималась она. - Как же таким наследников делать, коль так?

- Вы ведь все так скачете этих наследников делать, что аж волосы назад! - громынул Ликой, всплеснув руками. - Хрен догонишь, хрен найдёшь. Сук примотает. А если уж КТО-ТО снизойдёт до продолжения рода... ну-у... как-то намолим мы уже тех наследников. Вот все соберёмся и намолим!

Князь сделал весомую паузу, картинно оглядев притихшую залу:

- Если бы я сейчас говорил как отец сына, соверши мой отрок подобные деяния, я бы сказал, что он... ИДИОТ! Но как отец дочери, я говорю, что надо брать! Потому что ТАКОГО идиота мы больше нигде не найдём.

- Прямо сейчас брать? - ядовито поинтересовалась Асгетт, лениво переведя на него свои медные глаза.

- Прямо тут! Кстати о кустах. Всё у него там прекрасно. Я проверил. Так что можешь не переживать. Что смотришь? Для тебя старался, всю задницу ободрал, пока по репейнику ползал, - Ликой утробно рассмеялся, подмигнув наследнице Венца. - Вот такой. Жеребец!

- Вот такой, - внезапно подала голос царица Висса, выходя на середину залы и совершенно бесстрастно разводя ладони, показывая пальцами явно больший размер. - Что смотришь, зять? Мы в тех кустах, в которые ты меня за шиворот тащил по тому самому репейнику, вместе сидели. Пить меньше надо.

В главном зале Ца'трии на секунду повисла оглушительная, гробовая тишина. Вхар даже рот приоткрыл от такого откровения, а Ликой ошарашенно переводил взгляд с ухмыляющейся Виссы на замершего Дария.

- В упор не помню... - наконец пробормотал седовласый титан, растерянно почесав серебряную бороду - А ну-ка...

Князь Илеи шумно подался вперед, буквально наступая на бедного наследника, намереваясь залезть ему в штаны.

- Стоять, - холодно и отчетливо отрезал Дарий. Он наконец поднял голову, осадив наступающего на него одним лишь царственным жестом руки. В его голосе не было паники - только стальная выдержка Первой стали Просторов, привыкшего командовать легионами. Ликой на секунду замер от такой дисциплины.

- Тишина, - звучным, не терпящим возражений голосом оборвала балаган Царица. Она плавно опустилась во главе массивного стола, и её белоснежные одежды величественно расправились.

Она окинула присутствующих пронизательным взглядом, задерживаясь на каждом чуть дольше положенного.

- Великий Совет начнётся через два дня. Принцесса, сегодня ты отправишься в Храм Мира. Кому-то из нашего дома необходимо присутствовать на их вечерней молитве. Так как я на дух не переношу эти унылые песнопения, подобное сомнительное развлечение отныне часто будет входить в твои прямые обязанности.

Асгетт с таким чувством закатила глаза, что ей пришлось приложить немалое усилие, чтобы вернуть их на положенное место. Она даже чуть откинулась на спинку кресла, будто сама мысль о храме Мира физически её утомила.

- Не делай такое лицо, - Висса усмехнулась. - Оно у тебя всё равно недостаточно трагичное для мученицы.

Асгетт промолчала. Только медный взгляд её на миг стал острее, словно под тонкой кожей терпения уже проступило лезвие.

- Знаю, знаю, ты всю жизнь именно этого и желала, - царица хитро улыбнулась, обнажив острые кончики клыков. - Стоять среди служительниц, слушать, как храмовые певчие тянут одну и ту же ноту до тех пор, пока душа не начнёт сама искать выход из тела... Мечта, а не вечер. Заодно погуляешь, развеешься. На отпрысков великих домов поглядишь, со спины. Вдруг приглянется чей-то...

- Не начинай... - глухо и уныло прервал Вхар и устало потер переносицу.

Разговоры о мужчинах, коих с завидным упрямством совали его дочери чуть ли не силой, начинали царя откровенно утомлять. Ему искренне нравился благородный Дарий. Более того, он лично тренировал жеребчика. Но при этом его вполне устраивала отрешённость дочери к противоположному полу. Успеет ещё девка влезть во все эти узы по самую шею.

Сама же Висса, которая в последнее время втайне начала подозревать свою драгоценную кровь в любви к девицам, после слов царя Цэссы решила благоразумно и очень красноречиво промолчать. Она лишь сделала крошечный глоток из своего кубка.

«Кровь густеет и требует новой», - отрешённо подумала царица, глядя на зятя. Трагическим и жестоким доказательством этой истины послужила судьба матери Асгетт - Башши, чья жизнь оборвалась при родах. Это стало невиданным, оглушительным горем для их рода. Башши с самого начала знала, чем всё закончится. Два огненных рода, разница между которыми крылась лишь в ярости их пламени. Две древние силы, что сплелись воедино - и этим неистовым жаром дотла выжгли жизнь из той, что взрастила их общий плод. Дар провидения ясно показал ей грядущую смерть, но она всё равно зачала это дитя, упрямо пойдя наперекор воле самой Виссы.

Царица понимала: раз её дочь осознанно пошла на такую жертву, значит, так было пред-
решено самим Древом. Иблис никогда не дарил подобную силу просто так. Это было одновременно величайшим благословением и страшным проклятием.

Проклятием стала безвременная потеря обожаемого дитя. Даром - рождение внучки. Воистину, за всю историю в этих землях ещё не пробуждалось такой силы. Такова была непомерная цена её появления. Дети и так даровались потомкам Иблиса в муках. И чем дольше девицы противились продолжению рода, продолжая ждать столетиями лучшей табуретки, чтобы поудобней присесть - тем более кровавую дань они после платили за потомство. Царица больше не собиралась платить эту цену, и уж тем более не желала подобной участи для своей любимицы.

Она была уверена, что красивее этой девицы мир ещё не видывал. Но принцесса доводила до раздражения, до желания схватить её за плечи и развернуть к зеркалу: смотри же, дурочка, какое оружие тебе выдали боги.

Но юное дарование, разумеется, гнушалась собственной красоты. Её взгляд скользил сквозь шелка, ленты, парадные украшения и чужие восторги - она выискивала любые намёки на очередную беду, в которую можно было влезть с головой. Митэя же, её старшая внучка, в этом плане была куда умнее.

Она прекрасно знала цену своей внешности. Знала, как чуть склонить голову, чтобы серьги поймали свет. Как улыбнуться не слишком широко, но достаточно, чтобы молодой воин забыл, зачем пришёл. Как позволить ресницам опуститься на миг дольше положенного, как говорить тихо - так, чтобы мужчины сами наклонялись ближе и потом считали это собственной идеей.

Красота, по мнению Митэи, была не даром. Дар - это то, что можно растратить по глупости. Красота была инструментом. Монетой, которую принимали в любом зале, у любых ворот и почти в любой постели. И если уж судьба вручила тебе такое прекрасное личико, следовало пользоваться им как подobaет.

Она бросила последний взгляд на внучку, поправила складку на рукаве и улыбнулась - мягко, почти по-матерински.

- Я всё подготовила, ступай. Взрослые ещё немного поговорят о делах.

Глава 4

Пространственные переходы ордена Хранителей работали безупречно.

Без вспышек, без грохота, без торжественных завихрений воздуха, которыми так любили хвастаться маги помельче. Они просто размыкали саму ткань мироздания - тонко, аккуратно, почти вежливо, словно отодвигали перед гостем тяжёлую занавесь. Секунду назад над головой шумела раскидистая крона Великого Древа, а в следующее мгновение в лицо уже дохнуло вековой прохладой пантеона.

Холод здесь был особенный. Не зимний и не подземный - храмовый. Настоянный на камне, благовониях, старом золоте и тысячах молитв, которые веками впитывались в стены.

Асгетт невольно задержала дыхание.

Перед ней раскрывался главный зал священных чертогов: высокий, строгий. Колонны уходили вверх так далеко, что терялись в сумрачной голубизне сводов. Между ними висели длинные полотнища с вышитыми символами древних богов - неяркие, выцветшие от времени, но оттого лишь более весомые. Под ногами тянулся пол, испещрённый тонкими прожилками серебра; в этих линиях угадывались то корни, то реки, то трещины на старой карте мира.

Другим властителям, чтобы попасть на Великий Совет, приходилось проделывать путь куда менее изящный. Они стягивали войска к границам, выслушивали оскорбительно вежливые расспросы на контрольных рубежах, исходили желчью перед закрытыми заставами и, сжав зубы, ждали высочайшего позволения Хранителей на активацию сложной системы переходов. Их послы мерзли в пограничных павильонах, их маги спорили с храмовыми писцами о печатях и допусках, их воины бряцали оружием ровно до тех пор, пока не вспоминали, что на землях храма Мира даже цари обязаны говорить тише.

Но для Венца из Пяти Ветвей эти законы не писались.

Венец не просил дороги - ему её открывали. Не потому, что боялись. Во всяком случае, не только поэтому. Отношения между дочерьми Иблиса и Хранителями храма издавна были тёплыми, почти родственными; настолько древними, что никто уже не помнил, где в них заканчивалась дипломатия и начиналась кровь или клятва. Их связывали старые войны, забытые договоры и имена богов, которые в разных землях произносили по-разному, но всё равно узнавали с первого звука.

Как и всякая, коей предстоит носить сан Асеки Иблис бен Касарит, Асгетт уже посещала эти священные чертоги раньше. В детстве - чтобы склонить голову там, где требовал обычай. Позже - чтобы проявить должное уважение к древним богам храма, которые, если говорить прямо, были её богами. Тут они были не главными. Не первыми. Не теми, чьи имена произносили в доме перед рождением, смертью и войной. Тут её боги были лишь тенью. Но всё же достаточно почитаемыми, чтобы не отворачиваться от их алтарей.

Древо Иблис - божество жизни и душ, что однажды расцветут вновь. Его ветви держали над миром золотой свод, его огнево густой смолой текло в крови потомков, а его цветы рас-

крывались там, где душа была готова вернуться. Не той же самой - нет, такие глупости оставляли храмовым утешителям, - но очищенной, перемолотой временем, обретшей новый корень, новое имя, новую плоть.

А под Древом, в темноте, куда не доставал ни солнечный свет, ни милосердие молитв, уходили корни Касарита.

Касарит был богом смерти - не величественным. Его ядовитые корни держали тех, кто уже никогда не возродится: души предателей, душегубов, клятвопреступников и тех несчастных, чья сущность истончилась настолько, что новый цветок из неё уже не мог подняться. Там, в чёрной глубине, смерть не карала и не прощала. Она просто удерживала.

И в этом, пожалуй, заключалась вся суть веры Иблис бен Касарит: жизнь не отрицала смерть, а смерть не враждовала с жизнью. Дерево тянулось вверх только потому, что корни уходили вниз. Цветение было возможно лишь потому, что под ним лежала тьма, принимающая всё, чему больше нельзя возвращаться.

Хранители же, как и вся Трита, молились сёстрам-богиням - Ведающей и Карающей. Одной, что знала сокровенное и помнила забытое. Другой, что приходила следом, когда знание уже не могло спасти. Они верили истово и без тени сомнения: в их жилах течёт кровь этих богинь, и сами они - прямые их потомки.

В храме их имена произносили с благоговением. В Трите - с голодной, фанатичной преданностью. Но истина лежала гораздо глубже: сёстры не стояли над Древом и не были богинями в том смысле, в каком их привыкли величать. Они сами были детьми Древа - его порождением, его волей, его кровью.

Вернее сказать - дочери Иблиса и были ими.

Не избранницами. Не отражениями божественной воли. А её живым продолжением - плотью от плоти Древа, памятью его и судом его.

Хранители же, как и все иные, обитавшие за пределами пустошей, были травой, взошедшей на почве, вскормленной под тенью Иблиса. Увы - большая часть этой травы давно обратилась сорной: растущей вдали, жадной до света, но утратившей память о корне. Народы Венца, напротив, были ветвями и листьями, густо усеявшими могучую крону. А стволом, держащим всё это величие, была правящая царица.

И даже если великое древо однажды начнёт умирать, гниющие листья без остатка отдадут свою силу ветвям, а ветви - исполинскому стволу. Но если и он обратится в труху, в самой глубине, под надежной защитой древних корней, уцелеет один крошечный росток. И даже на мертвой, выжженной дотла земле он когда-нибудь обязательно взойдёт.

У каждого своё место.

И потому, входя под своды храма Мира, Асгетт всегда склоняла голову безупречно низко. Почти достаточно, чтобы скрыть усмешку.

Здесь молились её богам.

И, в некотором смысле, ей самой.

И всё же каждый раз, ступая под своды святилища, она чувствовала одно и то же: раздражающее, почти детское желание выпрямиться, поправить рукава и не дышать слишком громко.

Эти стены умели напоминать даже самым гордым, что до них здесь уже молились, предавали, клялись и прощали. И будут делать это ещё долго после того, как очередной Великий Совет превратится в пару сухих строк в храмовой летописи.

.....

После невыносимо бесконечной молитвы, что закончилась лишь на рассвете, Хранители лично провели принцессу через тайные узлы, минуя общие залы, галереи и прочие места, где высокородным гостям полагалось чинно сталкиваться друг с другом под присмотром десятка лишних глаз. Её разместили в самых роскошных покоях храмового комплекса - скрытых от посторонних, утопающих в прохладе белого камня, шёлке, золоте и благовонном полумраке.

До официального начала Совета оставался один день и девица могла бы наслаждаться всеми благами храма Мира в абсолютном уединении.

Если бы, конечно, не один наглый спутник.

Божество увязался за ней вопреки всем правилам приличия, здравого смысла и, вероятно, сразу нескольким священным запретам. Он счёл забавным прийти в храм, где молились ему и его детям, - и теперь развлекался тем, что с видом оскорблённого гостя находил недостатки буквально во всём.

- Вино разбавлено, мясо пережарено, а от ароматических масел в этих чашах у меня разовьётся чесотка, - пожаловался он, лениво ковыряя когтем дорогую резьбу на стене. - В касаритовых реках грязь и то была душевнее.

Асгетт скользнула взглядом по блюдам.

Насчёт мяса она была полностью согласна. Она предпочитала, чтобы оно ещё немного бегало по тарелке - или хотя бы убедительно делало вид, что недавно могло. Эту пересушенную подошву есть было попросту невозможно. Благо, еда им требовалась не так уж часто.

Бог тем временем поддел когтем крошечный завиток резьбы, отколол его с тихим хрустом и задумчиво рассмотрел.

- И кто это делал? - спросил он с искренним отвращением. - У мастера были руки или храмовые обеты запрещают пользоваться пальцами?

- Потерпи. Скоро придут имперцы. Выберешь себе кого-нибудь пожирнее и успокоишься, - Асгетт, стоявшая перед огромной кроватью, устало вздохнула.

Перед ней, на бархатной подставке, уже покоилась ритуальная маска - тяжёлая, глухая, полностью скрывающая лицо. Тёмный металл почти не отражал света, лишь тускло ловил дрожание свечей по краям. Узкие прорезы для глаз казались слишком строгими, а внутренняя сторона пахла старой кожей.

Древний, нерушимый закон был прост: до официального объявления Великого Совета, все без исключения правители и их князья, наследники и свита обязаны были носить закрытые одеяния и маски. Никаких лиц, гербов, родовых цветов, узнаваемых украшений. Никто не имел права знать, кто именно проходит мимо него по коридорам дворца, молится в соседней нише или стоит за спиной у окна.

Лишь во время ритуала всё становилось явным. Маски клали на длинный стол в середине зала, одну за другой, и только тогда Властители называли свои имена, земли и регалии. До этого мгновения в храме существовали не личности, а тени будущих переговоров - равные, безликие и, как надеялись Хранители, достаточно сдержанные, чтобы не вцепиться друг другу в горло раньше времени.

Служители говорили, что этот обычай учил смирению.

Асгетт же полагала, что причина была куда проще: так орден избегал кровной мести, случайных дуэлей и драк ещё до того, как властители успевали сесть за стол переговоров. Под маской можно было пройти плечом к плечу с врагом своего дома - и узнать об этом лишь тогда, когда убивать его становилось уже крайне невежливо.

Времени в запасе оставалось достаточно, и она решила посетить купальни в полном уединении. Ей жизненно необходимо было охладиться: едва она увидела, какие именно вещи царица велела собрать ей в дорогу, по телу тут же разлилось злое, обжигающее огнево.

Принцесса всерьёз обдумывала возможность ходить вовсе без одежды. В этом, по крайней мере, было бы больше честности, потому что от присланных тряпок не было ровным счётом никакого толка.

Одеяния, бережно уложенные в дорожные сундуки, были сотканы из тончайшей, невесомой и пугающе прозрачной белой ткани. На первый взгляд - храмовая скромность, чистота, благочестие. На второй - издевательство, достойное царицы.

Свободные рукава, струящиеся юбки, умопомрачительно глубокие вырезы и неприлично высокие боковые разрезы, оголяющие бёдра при каждом шаге, - эти платья почти ничего не скрывали. Ткань льнула к телу от малейшего движения, подчёркивала изгибы, ловила свет и становилась ещё прозрачнее там, где приличие требовало хотя бы капли милосердия.

Асгетт мрачно посмотрела на одно из платьев, зажатое в пальцах. Если закон храма Мира требовал закрытых одеяний, то царица, очевидно, решила истолковать это требование как можно более творчески. Формально ткань присутствовала. Практической пользы от неё не было никакой.

Она слишком хорошо разгадала затею. Коварная бабка, признававшая только собственные законы, явно рассчитывала, что в таком виде её внучка станет главным развлечением дальних коридоров храма: если её не пустят там по кругу, то точно будут провожать взглядами и мысленно раздевать, хотя царица и без того почти избавила всех от лишней работы.

Одна из служительниц, Вита'е Арбрис, сжалась и даровала несчастной собственный ритуальный плащ с капюшоном - плотный, грубый, грязно-соломенного цвета. Из всего этого безобразия он был единственной вещью, которую Асгетт готова была признать пригодной для жизни.

Платья же она продолжала перебирать с таким выражением лица, будто царица прислала ей не дорожные одеяния, а личное оскорбление, заботливо сложенное в сундуки.

- Поганая бабка! - яростно прошипела Асгетт, отбрасывая в сторону очередную тонкую тряпку.

Белая ткань невинно вспорхнула в воздухе, скользнула по краю ложа и осела на пол почти прозрачным облаком.

- Не «поганая бабка», а Асеки... - начал Бог Касарит, развалившийся на диване с видом существа, которому чужой гнев заменял хорошее вино.

Он улыбался во весь рот - широко, хищно и совершенно счастливо.

- Я так и сказала, - отрезала девица, даже не повернувшись.

Она ещё несколько мгновений смотрела на содержимое сундука, будто пыталась взглядом поджечь эти жалкие лоскуты вместе с замыслом бабки, а затем резко перевела глаза на божество.

- Ты можешь её сожрать?

Божество заинтересованно приподняло голову.

- Могу. Костлявая правда... Но если очень сильно желаешь...

- Желаю.

Схватив ритуальную маску и накинув на голое тело шелковый халат, который просвечивал на свету как решето и разумеется, был белым, Асгетт взглянула в зеркало. Свободная, струящаяся ткань белым туманом легла на ее плечи, глубокий вырез едва прикрывал грудь, а украшения на сосках проступали под тканью так отчётливо, будто царица лично позаботилась и об этой мелочи. Плащ не спасал положение, потому что полы халата при каждом шаге издевательски скользили по бедрам, заставляя рычать принцессу от досады.

Служительницы храма навязались проводить девушку до самых дверей и настойчиво, с приторными улыбками, предлагали посетить ещё и сегодняшнюю вечернюю молитву. Асгетт отнекивалась всеми правдами и неправдами. Наконец отвязавшись от настырных провожатых, она с облегчением выдохнула, твёрдо решив, что просидит в воде до тех пор, пока не покроется чешуёй или не превратится в жабу - лишь бы её больше никто не трогал.

Купальни встретили наследницу Венца благословенной прохладой. Огромные чаши из белоснежного мрамора были до краев наполнены чистой водой, над которой поднимался едва заметный, прохладный пар, пахнувший диким лотосом и мятой. Она с тихим стуком опустила маску на бортик, сбросила плащ и ненавистное просвечивающее одеяние и плавно скользнула в воду. Холод сомкнулся вокруг тела мягко и властно, забираясь под кожу, остужая злое огнево в крови. Запрокинув голову она закрыла глаза и почувствовала, как отступает раздражение, уступая место покою.

.....

Стемнело. Кажется, прошла целая вечность, когда девица решила наконец вылезти - или, скорее, не очень грациозно выползти - из прохладной мраморной чаши. Освежающий, резкий запах мяты намертво впитался в её карамельно-золотую кожу и мокрые серебряные волосы. Коротко выжав тяжелые пряди, Асгетт накинула прямо на влажное тело длинный халат, завязав его небрежным узлом на талии и потянувшись за маской замерла, когда прямо за её спиной неожиданно раздался тихий голос.

- Здравствуй, дитя.

Она резко обернулась.

«Это всё потому, что ты мало молишься, бесстыдница», - ехидно пропел внутренний голос. Он прозрачно намекал, что отбить колени на нудной ночной молитве сейчас было бы настоящим спасением, а не наказанием.

Высокая фигура в серой мантии стояла и преграждала дверь.

- Что за юное, прекрасное создание? Интересно, чья же это кровь?

- Лиха лесного, - нагло отрезала Асгетт.

Ей сейчас хотелось бежать, как перепуганной горной козе, оставляя за собой характерный след, но гордость и остатки здравого смысла удержали её на месте.

Ну конечно. Тени Первозданных, Раа'сиРа'ми.

Кто же ещё.

Асгетт никогда раньше не видела их воочию. Эти святые признавали только собственные храмы и обычно по чужим обителям не шлялись. Зато наслышана она была достаточно. О белоснежной как мел, коже, словно каждая из них вылеплена из воска; полупрозрачные, выцветшие зрачки, в которых будто остыл любой огонь желания; голоса - хрупкие, шуршащие, напоминающие сухой шёлк, скользящий по столетней бумаге. И главное - они умели смотреть на свежую кровь так, будто в тёмной влаге уже читали выписанный судом приговор: сколько осталось ударов сердца, сколько вдохов, на какую чашу склонится чья-то жизнь.

Пиявки.

У неё на них будто имелась врождённая непереносимость. Она чуть склонила голову, изображая почтение настолько оскорбительно, насколько могла.

- Неужто это сами Раа'си Ра'ми? Те, что по собственной воле пришли в это место греха, а нерушимой верой своей до краев наполнили эту недостойную обитель? Чем же заслужено подобное благословение? Что вы вообще тут делаете? Заблудились?

- Великий совет обязывает присутствовать всех, - раздался скрипучий голос другой женщины, явно старше первой.

Она медленно, с величавой неторопливостью выступила не пойми откуда, будто сама тень арки сгустилась и обрела плоть. Её мантия была чёрной.

- Чудо, не иначе, - издевательски протянула Асгетт и всплеснула руками, ничуть не заботясь о том, что халат при этом опасно съехал с плеча и едва не позволил её груди лично поприветствовать святых. - Когда ж это вы начали беспрекословно следовать чужим догматам? Нужно немедленно вписать это великое событие в золотые трактаты. Помнится, у Вита'е Арбрис целых четыре свободных часа в сутках. К чему им праздный сон? Теперь они могут с пользой потратить это время на молитву, восхваляя этот, поистине, знаменательный день. Приветствую вас. Искренне надеюсь, что тут вы получите достаточно удовольствия.

- Каков нрав, - голос старшей, чёрной тени проникал в самые потаенные уголки купален. - Неудивительно, ведь невиданный прежде союз древней крови, словно боевой клич, течёт в этих жилах. Великие дома так любят бахвалиться своей родословной, но по сравнению с этим густым вином их кровь - лишь подкрашенная, разбавленная вода.

Она медленно принялась к замершему воздуху:

- Кисло-сладкий яд со звериной хищностью, упрямство могучих ветров и, полагаю, сами Богини, что крепко вплели свои хитрые нити в это наследство? Очень опасная смесь. Но эта кровь - лишь капли, что легли узором гравировок на лезвии. Сам же клинок выкован совсем из иного материала. Основа в красоте и тонком стане - что всякого заставит этот клинок желать. Уверена, даже камни, что веками неподвижны и безразличны, при виде вас начнут двигаться навстречу.

Женщина сделала плавный шаг, её черный подол зашуршал по мрамору. Она улыбнулась, едва заметно - не губами, а голосом.

- Основа в своенравии и мятежном характере, что всякого заставит захотеть этот клинок подчинить. Да только найдётся ли такой могучий воин? А на дне этих насмешливых, бездонных глаз, что словно омут затягивают, неоспоримым правом повелевать всем, на что упадёт взгляд, таится само дикое огнево, что есть сердцевина. И горит то пламя не маленьким костром, а неукротимым лесным пожаром. Так юна. Прекрасна настолько, что едва вспомнишь и одну, что хоть едва бы сравнилась с ней. Не связана узами брачной клятвы. Чиста. Сокровище, что снаружи, что внутри. То ли прятать вас нужно получше, чтобы идиоты не соблазнялись, то ли всем показывать, чтобы завидовали.

Она склонила голову - медленно, с пугающе безупречной учтивостью.

- Приветствуем. Для нас честь.

На губах принцессы расцвела острая улыбка.

- А вы пронзительнее, чем кажется на первый взгляд, - протянула она, окинув чёрную фигуру медным взором. - Неужто в ваших краях ещё осталась истинная сталь, а не только тупое, негодное железо

Старшая Раа'си Ра'ми в чёрной мантии тихо усмехнулась. В этом звуке не было обиды - лишь признание удара:

- Как ни прискорбно это признавать, очень мало. Оттого она и столь ценна. Но смею заметить, ваш кузнец куёт непревзойденно, да ещё и наверняка каждый раз превосходит сам себя.

- Чтобы стать по-настоящему хорошим клинком, наша сталь сама выбирает мастера, что приложится к ней, - ответила Астетт.

- Сталь воистину превосходна, и не наглядеться, сколько ни любуйся, - продолжала тень в чёрном одеянии - Сталь, что не принимает удары, а наносит их первой. Живая. Сталь, что никогда не заставит в ней усомниться. Как, впрочем, недурна и наша сталь, что не боится ни огня, ни сколов, ни сокрушительных ударов. Та самая, первозданная сталь, которую всё ещё можно отыскать среди дрянных клинков.

Девушка начала в ускоренном порядке воскрешать в памяти все уроки тётки по словесному фехтованию:

- Ваши клинки - это множественность тел при единстве идеи, лишенной творца. Ибо вложена в это оружие лишь одна, пусть и прочная, но бездушная сталь. Словно отражение одного в бесконечности многих, они не имеют ни изящества формы, ни удобства рукояти. Какой клинок ни возьми, он заставит плечо ныть от непослушания, а твердая рукоять оставит лишь кровавые мозоли. Так к чему же девичьей ладони оружие, что не принесёт удовольствия?

В повисшей тишине шорох ткани прозвучал неожиданно резко.

- Девичья ладонь попросту ещё не знала столь грубой силы, - женщина в сером, что до этого безмолвно стояла у двери, начала медленно подходить ближе. - Ей неизвестно, как свыкнуться с тяжестью такой стали, ибо это придёт лишь с опытом. А отсутствие драгоценных камней и мягкой кожи на рукояти просто не радует взор, что наверняка привык к «изысканной» красоте.

Медленно, выдерживая дистанцию, Асгетт стала обходить массивную мраморную чашу по кругу. Её тихие шаги эхом отражались от каменных стен, пока она старалась оказаться как можно дальше от двух неотступных святых. Девица искоса поглядывала на воду в купели, подумывая о том, чтобы попросту в ней утопиться - лишь бы избежать продолжения этого разговора.

- Девичья ладонь предпочитает оружие, что ляжет продолжением руки, словно верный союзник, а не мучительным бременем, с которым нужно через силу свыкаться. - лениво парировала Асгетт.

Она небрежно повела плечом, всем своим видом демонстрируя смертельную скуку, пока мокрый халат предательски прилип к спине, смазывая весь эффект высокомерия.

- У нас есть лишь право предлагать, пока нам позволяют, и искренне надеяться на добрую волю. Как отрадно, что этот мир всё ещё полнится сталью. Уверена, вам уже сразу после Великого совета начнут настойчиво предлагать все эти... изящные, маленькие и тонкие клинки, что, несомненно, идеально подойдут под столь крохотную девичью руку, радуя её послушанием и лаская ладонь. Даже швы в устье ножен не растянут. Но тут явно нужно что-то побольше. Так молю, утолите же наше любопытство. Какой клинок в союзе с вашей рукой принёс бы вам удовольствие? - Раа'си Ра'ми в серой мантии явно потешалась над ней.

- Вы мне начинаете нравиться. Но, увы, моя рука не планирует размышлять о подобных союзах ещё десятки лет, ибо с удовольствием она пока вполне неплохо справляется сама. И вам размышлять об этом, право, не стоит. - ответила Асгетт с самым невозмутимым видом, параллельно лихорадочно пытаясь сообразить, что ближе: дверь или окно, в которое можно было бы выйти с минимальным ущербом для достоинства и халата.

Хотя, да боги с ним, с тем халатом. И с достоинством тоже. Просто выйти. Прямо сейчас.

- За эти годы даже наш суровый клинок можно обучить искусству приносить не только боль, но и удовольствие. В тёплой девичьей руке он смог бы стать немного податливее, послушней... - женщина в серых одеяниях шла за ней по кругу, нарочито медленно сокращая дистанцию.

Запутанность уверток в речах уже пробила свод и уверенно стремилась к небесам.

Асгетт остановилась, вздохнула и смерила собеседницу откровенно скептическим взглядом:

- Позвольте поинтересоваться, а за всю историю мироздания хоть один ваш клинок стал немного податливее и послушней в «тёплых» руках ваших девиц?

- Нет, увы. Девичьих рук-то у нас... почти и не осталось, - притворно вздохнула серая тень, ни на секунду не выходя из образа, - Да и клинки предпочитают рукам лишь девичьи ножны, в которых они твердеют. Но вот в ваших руках... Но ежели вы пожелаете ощутить эту истинную твёрдость стали, вы вольны вставить клинок и в свои ножны.

- Как бы ножны от удовольствия по швам не пошли. - «ну вот. Заразилась.» - пронеслось в девичьей голове.

Принцесса неожиданно для самой себя начала получать извращенное удовольствие от этого странного диалога. Паника окончательно испарилась, уступив место азарту.

- Ножны растянутся, со временем. По размеру того большого клинка, что в них войдёт. Нужно лишь немного смирения, за ним всегда следует награда. - серая тень произнесла это с таким непроницаемо-благочестивым видом, будто зачитывала выдержку из священного писания.

- Поверю на слово. Ах, госпожа, как умело вы направляете скромные девичьи мысли в сторону греховных помыслов, - Асгетт издевательски приложила ладонь к груди, изображая крайнюю степень смущения. - Как же приятно встретить того, кто способен доставить удовольствие не только своим большим клинком, но и правильно подвешенным языком. Редчайшее умение для обделенных такими талантами краёв. Надеюсь, вы передали этот дар своим потомкам?

Она выдержала паузу, наслаждаясь произведенным эффектом:

-И как же отратно, что «великие» мастера всё ещё делают поистине подходящие и смиренные для этой стали саркофаги. По размеру. Даже растягивать не придётся, ибо изначально они рождены принимать эти большие клинки во всю их грозную длину. Так пусть же они там и хранятся. Желательно - никогда оттуда не вылезая.

- К чему ей наше оружие, когда она способна сечь словом. А её клинок будет побольше любого другого, если вдруг наши воины решат достать свои и помериться размером, - с хриплым смешком подала голос Раа'си Ра'ми в чёрной мантии.

- Надеюсь, не из штанов. - невозмутимо обронила Асгетт, хотя уголки её губ предательски дрогнули.

- Хоть смирением предки её и обделили, благоразумно отдав всё нам, но вот непокорного огня влили с избытком. Даже в ножны вставлять не придётся, любой клинок примет истинную форму прямо в её руке. Спасибо, что уделили нам время - тихо и с явным удовольствием подытожила серая тень, плавно склонив голову.

- Я бы вам поклонилась, да прошу простить, спина болит после долгой ночной молитвы, - девица наконец дошла до дверей, оборачиваясь к ним в последний раз. - Боюсь, соверши я такой поклон, назад меня не сможет разогнуть ни один великий клинок, даже если он весьма стремительно войдёт в мои ножны. Госпожи.

Маску и плащ, заблаговременно подхваченные, она натягивала прямо на ходу. Асгетт выпорхнула из купален так стремительно, словно шальная муха, что долго билась о стекло и наконец-то нашла открытые ставни.

«Иди и молись. Прямо сейчас.» - билась в голове единственная здравая мысль, пока она неслась по темным коридорам. И молиться желательно до самого начала Великого совета.

Исключительно на коленях и ни в коем случае не поднимая головы.

Глава 5

Совсем не по царски Асгетт плелась к молитвенному залу по полутемным переходам, искусно обходя шумные компании прибывших гостей Храма. Окутанные полумраком залы кишели фигурами в закрытых личинах. Чужаки сбивались в тесные стайки, чтобы неумолкая сплетничать и делиться первыми впечатлениями от съезда. Прошмыгнув мимо очередной кучки высокородных дев, Асгетт за эти недолгие секунды узнала столько важных тайн, что едва сдержала едкий смешок под своей непроницаемой маской.

Из их шушуканья она во всех подробностях выяснила как выглядят и какие анатомические особенности скрывают у себя в штанах молодые наследники запредельных земель, какие из заграничных принцесс считаются первыми красавицами, у какой из них грудь висит ниже второй, и ещё множество абсолютно бесполезных, глупых подробностей чужой жизни.

Брезгливо хмыкнув, она свернула с главного маршрута и углубилась в дальний конец храмового комплекса. Здесь, в пыльном полумраке глухих коридоров, не было ни единой живой души - по крайней мере, по её мнению. Она двигалась совершенно бесшумно, лишь влажный шелк халата под плащём едва слышно шелестел, то и дело распахиваясь и оголяя бёдра при каждом шаге.

Из темноты за спиной донеслось:

- Эй, служанка.

В другой ситуации Асгетт бы и ухом не повела, проигнорировав оклик. Но служанок в этих чертогах отродясь не водилось - Храм обслуживали исключительно служительницы Вита'е Арбрис и орден Хранителей. Ей стало уж очень любопытно, какая ещё, к иблисовой матери, служанка ухитрилась тут нарисоваться.

- За мной, - говор был неприятный, привыкший повелевать.

Крупный мужчина сделал шаг вперед, уставившись на нее сквозь прорези маски. Он явно обращался именно к ней.

На всякий случай Асгетт оглянулась через плечо.

«Он что, пошутил?»

- Ты, - громила раздраженно рявкнул, нарушая гробовую тишину коридора. - Видишь здесь кого-то еще?

Озадаченно проморгавшись, она рассматривала массивную тушу наглеца. В его облике крылось что-то неправильное, И это «что-то» выходило далеко за рамки обычной невоспитанности.

В очередной раз Асгетт прокляла свое неумное любопытство - и в очередной раз перед ним капитулировала. Ладно, служанка так служанка. В такие игра она ещё не играла.

.....

Принцесса даже бровью не повела под своей маской, когда массивные двери за её спиной с глухим стуком захлопнулись на тяжелый засов, а дорогу назад моментально перегородили двое рослых мужчин в закрытых наглухо одеяниях. Лишь сухо и емко подытожила у себя в голове:

«Дерьмо. Вот и помолилась.»

Глядя на девицу, стоявшую на коленях между ног развалившегося на диване внушительного мужчины в самом конце зала, Асгетт уже мысленно присоединялась к этой неистовой молитве. И делать это она будет усердно, до самого начала Великого Совета - исключительно на коленях и ни в коем случае не поднимая головы.

Вот только под этим таинством она, как будто бы, имела в виду нечто совсем иное.

В скрытом от посторонних глаз зале храма Мира стоял удушливый, тошнотворный смрад. Запах дорогого хмеля мешался здесь с тяжелыми испарениями пота. На глубоких, обитых темной кожей диванах вальяжно расположились гости из чужих земель. Судя по характерному поведению, присущему лишь самым богатым и высокомерным, Асгетт имела сомнительную честь лицезреть элиту какого-то великого дома. Наплевав на священные законы, половина этих ублюдков уже предалась разврату.

Прямо на низком длинном столе из резного камня, что стоял посередине залы, трое пьяных высокородных гостей остервенело, со звериным хрипом овладевали какой-то девицей. Та не сопротивлялась, но и удовольствия явно не получала - лишь тихо хныкала под одобрительный гогот собравшихся.

Цина лениво наблюдал за происходящим хаосом, пока какая-то шлюха покорно доставляла ему удовольствие, судорожно вцепившись пальцами в его ноги. Из-под его маски на только что вошедшее свежее мясо взирали красные скучающие глаза.

- Пусть развлечет нас, - обратился он подвластному ему воину - Эти уже выдохлись.

Короткий жест ладони, обтянутой черной кожей, заставил тело марионетки, заполненное мраком, прийти в движение. Воин, что привёл служанку, подошел и почти нежно отстегнул плащ, который тут же тихо сполз на пол. А в следующий миг, грубо схватив девку за горло, он повалил её спиной на стол.

Что-то эта игра переставала быть забавной. Проклиная в душе себя и бабку с её прозрачными тряпками, Асгетт пыталась понять, что ей делать.

Убить их всех она не могла - древний закон Храма чтился ею. Позволить себя опорочить, а после, если её не убьют, позвать Хранителей? Нет, после такой грязи она уже никогда не отмоеся. Начать орать как умалишенная? Во-первых, сквозь массивные двери её никто не услышит. А если и услышат, то вряд ли те, кто захочет помочь. Наплевать на запрет и попросту

поджечь тут всё и голову не дурить? - есть вероятность спалить за компанию половину храма, вместе с гостями. Со всеми гостями. И служителями.

Когда тяжелая, покрытая жесткими мозолями ладонь громилы бесперемонно скользнула под тонкий, струящийся шелк халата, её обдало удушливой волной брезгливости. Но в следующее мгновение злость хлынула по венам обжигающим пожаром. Этот огонь мгновенно выжег всё лишнее, растворил сомнения, оставив в висках лишь кристально чистую, пульсирующую мысль.

Она грохотала знакомым, скорым на расправу отцовским голосом:

- «Вот видишь, как замечательно? Все померли - и никаких больше проблем».

И тут же поверх этого гула скользнула вторая мысль. Остужающая. Она зазвучала мягким тоном любимого дяди:

- «Ты - клинок в бархатных ножнах, девочка. Не хочешь пачкать лезвие - бей плашмя».

Нельзя из-за гнева выпустать ту силу, что таится в ней. Слишком много чести. Для этих господ у неё есть кое что другое.

Из её горла, вибрируя от сдерживаемой силы, вырвался первый звук. С губ сорвался напев - тихий, зловещий, шипящий, балансирующий на грани дикого, глухого рыка. Слово в слово, как когда-то учила матушка Кула:

Черной реченьки вода

И темна, и глубока

Унесло тебя течение

Далеко от берега...

Громила замер над ней и начал медленно сползать со стола. Правда, Асгетт рассчитывала на куда более зрелищный эффект - как минимум на кровавую пену изо рта или конвульсии. Окружающие притихли, отрываясь от своих непотребств. Воспользовавшись заминкой, Асгетт приподнялась на локтях и резким движением сорвала маску с ублюдка.

Белки его глаз полностью затопил густой, маслянисто-черный туман, стирая зрачки. Мир вокруг словно замер. Вот оно что. В этом грубом теле уже прочно обосновался Жнец.

«Мечта, а не вечер, всё как бабка и пророчила».

Пухлые губы дрогнули, и на ее лице медленно растянулся хищный оскал. Одним резким движением она сорвала с себя маску, обнажая лицо, сделала глубокий, судорожный вдох и запела вновь. Её голос набрал чудовищную силу, заставив сам воздух в комнате зазвенеть и завибрировать тяжелым, осязаемым гулом, от которого задрожали стены:

Бездонный яд в её глазах

Лунный сад на сияющей коже

Шепчут губы не уходи

Прильни головой к моей груди...

Освобожденный взгляд - пронзительный, гипнотический и лишенный всякого сострадания - мгновенно пригвоздил марионетку к месту, окончательно забирая тело под абсолютную власть её глаз. Она зарылась пальцами в его жесткие, сальные волосы на затылке. Ладонь ощутила всю тяжесть обмякшей головы, когда девушка потянула ее на себя, заставляя его безвольно уткнуться лицом в изгиб своей шеи. Запрокидывая голову, она продолжала петь баюкающим полупешотом, в котором сквозила опасная нежность:

В сладкий сон он уйдет без следа

О супруге забыв навсегда

Холод пальцев ее как лед

Поцелуй искушение и мёд...

Яростно припав к его губам, Асгетт навалилась на него всем телом. Её рука жестко зафиксировала голову мужчины, не давая отстраниться и силой заставила его колени подогнуться. Он тяжело, со сдавленным хрипом, словно набитая песком тряпичная кукла, осел на холодные плиты пола, увлекая ее за собой.

Этот поцелуй не имел ничего общего с нежностью - целовалась она отвратительно и неумело. Её учили совсем иному искусству: ласкать чужой слух сладкими речами, а не дарить ласки чужим устам.

Физический контакт был лишь мостом. Настоящая битва развернулась внутри. Вот что она действительно хорошо умела, так это слой за слоем перекраивать чужой разум, выжи-

гая старые воспоминания, наводя там свой собственный, царский порядок. В глубине чужого сознания магия жнеца мгновенно оцетинилась в ответ, глухо и свирепо сопротивляясь вторжению. Две чуждые, несоизмеримые силы столкнулись в безмолвном, смертельном поединке, но исход был предрешен: в этой голове мог остаться только один победитель.

Опустошенная оболочка окончательно обмякла. Массивное тело с глухим стуком повалилось навзничь на плиты пола, а остекленевший, пустой взор уставился в потолок, больше не отражая ни единой мысли.

В этот же миг по залу прокатилась волна судорог. Высокородная шваль разом задержалась, хрипя и отчаянно пытаясь прояснить рассудок. Каково это - чувствовать, как внутри черепной коробки закипает и буквально плавится собственный мозг, превращая связные мысли, гордыню и воспоминания в серую, бесполезную кашу?

Цина резко мотнул головой: сука не просто вышвырнула его из тела марионетки, а нагло забила острые, раскалённые иглы прямо в его разум. Каждое мгновение отдавалось в висках тяжелым, пульсирующим молотом.

Имперская свита и привезенные ими куртизанки, словно разом прибитые обухом по голове, начали валиться на пол - с диванов, столов и постов у двери. Все до единого. По всей видимости, подниматься сегодня они больше не планировали.

Грубым движением оттолкнув шлюху, обмякшую от действия марева между его ног, и не спеша запахнув полы темного одеяния, скрывая обнаженную плоть, он начал медленно подниматься. Расправились широкие плечи, и грозная фигура, окутанная осязаемыми темными волнами поднимающегося гнева, начала стремительно заполнять собой пространство залы. В глазах всё плыло.

«Неплохо сходил в гости к имперцам, - мрачно подумал он. - Остынь. Тебя разбили на твоем же поле, так что умей принимать поражение достойно.»

Только вот в последнее время его слишком часто щелкали по носу в его же играх. Терпение, копившееся веками, окончательно иссякло. Плевать на правила. Эту дерзкую служанку он собирался разорвать на кровавые куски.

Асгетт нарочито медленно повернулась к жнецу. Ее взгляд лениво скользнул по помещению: непристойное сборище бесстыдно раскидалось по полу в самых нелепых позах.

«Пить меньше нужно. Как маленькие, ей-богу»

Её глаза запылали безумием, а на губах блуждала одержимая улыбка. Изящным, молниеносным движением выхватив стилет из ножен лежащего на полу воина, она легко вскочила на стол и пошла прямо по каменной столешнице навстречу поднявшемуся жнецу. Шаг за шагом, сокращая дистанцию под его яростным взором. Она еще не закончила песню:

Он всё борется, но тонет в ней...

Она приближалась, глядя на него исподлобья сквозь пряди растрепанных, упавших на лицо серебряных волос. Ее взгляд - лихорадочный, был прикован к его высокой фигуре. Тонкие пальцы медленно, почти ласково поглаживали шероховатую рукоять оружия.

Переступив через тело голой девицы, бесчувственно растянувшейся на столе, Асгетт раздраженно подумала: - «Ну ты посмотри на него... Стоит как каменный, хоть бы пошатнулся».

Нужно было подойти ближе. Еще ближе. Прикоснуться к нему.

Голос разума кричит

Давай убей...

Плавно, словно змея, соскользнув с низкого каменного стола, она подошла к жнецу вплотную, уперлась ладонью в его широкую грудь и с неожиданной, сконцентрированной силой толкнула назад, заставляя опуститься обратно на мягкий диван. Он тяжело дышал, его челюсти под маской были сжаты до скрежета - он отчаянно боролся с волнами дурманящего наваждения, которое она непрерывно посылала в его разум.

Силен, выродок. В этой закаленной боями голове она точно не сможет навести свои порядки - мозги ему явно отбили ещё до неё. Но вот «удовольствия» она собиралась обеспечить ему сполна.

Оседлав его, Асгетт крепко сжала колени, фиксируя свое положение, и начала нарочито медленно, дразняще двигаться. Не прерывая песни, она запустила ладонь под его капюшон. Тонкие пальцы скользнули, огладив тугие канаты вен на его напряжённой шее, лениво оттягивая ворот темного одеяния, чтобы оголить пульсирующую кожу под ним:

Он стонет

Даа

Ещё ещё

Быстро бьются бедра в такт её...

Цена, что уже почти покорился непреодолимой власти ее рук, что сквозь самую кожу овладевала его волей, взвился. В нём боролись ярость и вынужденное наслаждение. Его пальцы в жестких кожаных перчатках стальной хваткой впились в её бедра. Грубо он притянул её к себе, заставляя двигаться стремительнее и прижиматься к его паху еще сильнее. Швы кожи безжалостно врезались в ее нежную плоть, оставляя горящие красные борозды, но Асгетт лишь

торжествующе улыбнулась, чувствуя как его сопротивление окончательно ломается. Он делал лишь то, что она милостиво ему позволяла.

Клыки блеснули

И вонзились с болью...

Она резко, в один миг отпустила его волю и со всей силы, по-звериному вгрызлась в его шею. Жнец утробно зарычал от неожиданной вспышки боли. Схватив эту дрянь за длинные волосы, он рванул их от себя, пытаясь отодрать дикарку от своего тела, но та присосалась намертво. Казалось та планировала сожрать его заживо, упиваясь вкусом его холодной крови.

Сполна наигравшись этой вспышкой насилия и приставив к его горлу стилет, Асгетт наконец перестала терзать израненную плоть. На ее губах остался металлический привкус, а по татуированной шее жнеца медленно потекла багровая струйка, исчезая под воротом его одеяния. Сталь стилета холодила кожу у самого кадыка, заставляя его замереть и ловить каждое ее движение. Прильнув к самому его уху, почти касаясь губами мочки, она тихо, ласково и интимно прошептала последние строки:

Смешался вкус

Страсти с нежной болью

В глухой реке чужих не примет дно

Он станет прахом под зловещей властью

Оставив кости там где так темно...

В огромном зале они остались только вдвоем. Ну и эти - там, на полу.

Асгетт больше не призывала силу. Притомилась. Но об этом ему знать вовсе не обязательно. Да и хватит с него на сегодня впечатлений, а то ещё, чего доброго, войдёт во вкус.

Тело жнеца под ней содрогнулась, а грудь загнанно вздымалась, пока он сжимал в кулаке намотанные волосы и по-прежнему придерживал другой рукой её бедра, даже почти нежно.

«Фу, какая дрянь, - Асгетт изо всех сил боролась с искушением прямо сейчас сплюнуть на пол вязкую слюну. - Говорила же мне бабка: не бери в рот всякую гадость».

Поборов этот позыв и слегка наклонив голову набок, глядя сверху вниз на тяжело дышащего мужчину в маске, она поинтересовалась:

- На ком я сижу, позвольте узнать?

- На наследнике Каменной Долины, госпожа-а, - прошипел он с сочащейся издевкой.

Госпожой он ее, разумеется, не считал и близко. В его хриплом голосе не было ни капли страха: он без колебаний назвал свой титул, прекрасно понимая: девчонка отсюда своими ногами уже не выйдет.

Демонстративно неохотно он убрал забытую ладонь с ее задницы. Следом наконец разжал пальцы, выпуская ее серебряные волосы, но напоследок резко дернул руку, вырывая с корнем несколько прядей. Девка даже не пискнула.

Цина отчаянно боролся с закипающим гневом. Его тело все еще мелко потряхивало, а взор никак не желал фокусироваться, расплываясь сквозь прорези темной маски. Он тщетно пытался разглядеть ее лицо, уставившись прямо в эти горящие медные, чертовски хитрые глаза. Первобытное желание убивать рвалось наружу, готовое окутать всю залу удушающим черным мраком, но ледяная сталь, все еще прижатая к его горлу, успокаивающе советовала не дергаться. Он знал, что мог бы без особого труда перехватить её запястье и выбить оружие.

Вот только такой силы он ещё не встречал за все свои пять столетий жизни. И потому сомневался, что успеет заткнуть этой твари рот до того, как она вновь завоюет свою проклятую песню. Слишком много сил ушло на битву за оболочку марионетки. А теперь приходилось воевать со своим собственным сознанием, возвращая ему контроль и ясность.

В зале, где недавно гремел пьяный хохот, висела оглушительная тишина.

- Какая честь, - ядовито протянула девица, и в ее медных глазах вспыхнули веселые, опасные искры. Она приподняла брови, ни на толику не отводя лезвие кинжала от его горла. - И как же быстро его устами я была вознесена до госпожи. Глядишь, еще немного на вас посижу, и сама дочерью какого-нибудь царя стану.

Она тихо, дразняще рассмеялась, и этот мягкий, грудной смех прозвучал в замершем пространстве как откровенная пощёчина.

Прикидываться душой она искренне любила - а может и являлась ей, поди разбери. С дурочек в этом мире спрос меньше. Поэтому Асгетт из всех сил постаралась сохранить невозмутимое, почти невинное выражение лица.

Этот низкий, скрежещущий голос она узнала сразу, едва первые звуки сорвались с его губ. Жнец из Ям Вольных земель, да ещё и будущий правитель Долины. Ей сегодня везло, как никогда в жизни. Осталось только об саму бездну споткнуться, чтобы уже наверняка.

- Не знаю, как насчёт дочери царя, но если вы, госпожа-а, - жнец вновь выплюнул это обращение с показным почтением - ещё немного поёрзаете на моём члене, то точно в скором времени станете женой Шаха. - под маской пряталась улыбка, и едва ли она была нежной.

Взор его наконец начал проясняться, прогоняя туман, и перед ним предстало поистине занимательное зрелище. Эта бестия была красива. Очень. Подобная внешность казалась чем-то незаконным - эдакая запретная реликвия, обитающая в этом храме. Знал бы раньше - давно посетил бы эту святыню. Пожалуй, даже бы уверовал. Кому они там вообще молятся? Каким-то богиням? Дайте две.

Глаза жадно скользнули по ее подтянутому, гибкому телу: тонкая талия, упругие бедра и весома грудь, полностью оголившаяся из-за недавней возни у его шеи. На сосках девушки маняще поблескивали тонкие золотые украшения. И в этот момент запоздалая мысль наконец настигла его разум - на нём сидела вовсе не служанка.

- Ух. Жена самого Шаха, - Асгетт коварно сощурила глаза и подалась вперед, бесстыдно и плотно прижимаясь к характерному, твердому бугру между его ног.

Она и так по уши в болоте и упорно продолжала идти на дно, так что стесняться было поздно. А терять уже нечего.

- Какие же чудеса ваше естество умеет творить. А будущему Шаху Каменной Долины досталось ещё что-то выдающееся, помимо каменного члена?

Признаться, там действительно было нечто выдающееся. Скрывать очевидное было глупо - Жеребчик Дарий явно уступал. Если бабка не набрехала, что-бы её не спугнуть.

- Точно не каменное терпение, - ответил жнец, и его низкий голос завибрировал - Всякое видел, но чтобы столь прекрасная девица скрывала такую красоту под маской - впервые. Все «служанки» тут настолько хороши?

- Сходи ещё полови. - предложила Асгетт, наклонившись ближе к его маске, ничуть не заботясь об обнаженной груди и халате, уже сползшем на бедра на манер юбки. - Всякое видела, но что-бы высокородный сынок скрывался в чужом теле - впервые. По красивому личику выбирал, потому что твоё красоты никогда не знало, жнец?

Вновь полезла её спесь и надменный тон. Приговор она подписала себе еще в тот момент, когда вошла в эти двери, так что теперь можно со спокойной совестью развлекаться.

- Так сними маску девочка, взгляни. Может тебе и это, не знавшее красоты лицо понравится? - он завёл ладонь между лезвием и своим горлом, медленно отводя сталь в сторону.

Если бы девчонка действительно хотела, она могла бы до сих пор играть с его головой. Но она этого не делала. Значит - попросту не могла. И это знание разожгло в нём тихое, тёмное желание проверить пределы её внезапной беспомощности.

Вторая рука скользнула выше, нагло и уверенно исследуя каждый изгиб ее тела. Пальцы по-хозяйски сомкнулись на груди, грубо сжимая мягкую плоть. Бёдра Цины чуть приподнялись - медленно, намеренно - и он сильнее вжался в неё, заставляя кожей почувствовать, как сильно она на него действует.

- К чему же калечить будущего Шаха, милая, если мы можем подарить друг другу наслаждение? - вкрадчиво прошепта он.

- О, поверьте, господи-ин. - процедила сквозь зубы Асгетт, напрягая руку, которая сжимала оружие. - Вам уже более чем достаточно.

Лишь коротко усмехнувшись, Цина перехватив её свободную руку и зафиксировал тонкое запястье словно в стальной замок. Не оставляя девочке ни единого шанса на сопротивление, он силой принудил её ладонь опуститься вниз и прикоснуться к плотной ткани, которая опасно натянулась от бешеного желания.

- Разве может быть член того, кому достаточно, таким твёрдым? - за маской расцвела ухмылка.

Не дожидаясь ответа, он рывком увел стилет от своего кадыка и швырнул его прочь. Железо в отместку скользнуло по шву перчатки, прорезав кожу и оставив на ней тонкую алую линию.

- Поосторожнее, великий Шах... не стоит кусать то, что не сможешь проглотить. Потом сплёвывать придётся, - голос Асгетт стал ниже, почти бархатным, а пальцы сжались вокруг его плоти с такой отчаянной силой, будто она действительно хотела оставить в его памяти самые яркие и незабываемые впечатления.

Оставила... Жнец издал низкий, протяжный стон, от которого по её спине медленно прокатилась волна холодных мурашек. Звук был настолько сытым, порочным и откровенным, что она едва удержала маску безразличия, готовая в любой момент вытаращить глаза.

«Он совсем одуревший», - мелькнуло у неё в мыслях. У неё решительно всё шло как-то не так. С самого рождения.

- Сплевывать будешь ты, девочка. - хрипло пообещал мужчина.

Его маска слетела в сторону и в следующее мгновение он впился в её губы. Зубы с силой ударились друг о друга, а дыхание смешалось в рваном, судорожном ритме, став общим. Обычно он брезговал лезть в чужой рот, но сейчас желание оказался сильнее привычки.

Он жестко направлял её руку, полностью подчинив её движения. Он заставлял сжимать и ласкать себя через ткань, одновременно сминая её губы и зарываясь пальцами в волосы, пока девочка отчаянно пыталась отстраниться, упиравшись свободной рукой в его твердую, как гранит грудь.

Острая боль расцвела во рту, мгновенно наполнив его солоноватой кровью. Цина отпрянул, почти до хруста сжимая девичью ладонь на своей плоти. Дикарка прикусила ему язык.

- Вот так сплёвывать, господин? — тихо спросила девушка, захлопав длинными ресницами, пока тёмные капли оставляли на подбородке жнеца полосы, лениво стекая вниз.

Тонким пальцем она медленно провела по его нижней губе, собирая багровую, кровавую росу.

- Или...все-же лучше глотать?

Перехватив её руку у самого лица, Цина медленно, не отрывая взгляда от её манящих, медных глаз, слизал кровь с её кожи. Он провел прокушенным языком по чувствительной подушечке пальца с почти порочной нежностью. Любая другая тварь на её месте уже была бы мёртва. Но эта... эта так просто не отделается.

Опустив вниз её руку и легко перехватив оба тонких запястья одной своей широкой ладонью, он намертво зажал их на своем торсе.

- Глотай, - его низкий голос вибрировал у самого ее лица, а хищная улыбка обнажила ряд ровных, испачканных кровью белоснежных зубов.

Он вновь подался к её губам, и в этом поцелуе больше не было пощады. Язык проникал глубже, настойчивее, заполняя её рот вязкой влагой. Прервавшись на краткий миг, Цина зубами рванул жесткую перчатку и нагло, с размаху припечатал обнаженной рукой по ее ягодицам, заставив девчонку вздрогнуть. Шелк халата жалобно зашуршал, когда его пальцы проникли под ткань. Проведя ледяной ладонью по вспыхнувшей от удара коже, он повел руку ниже, под самые бедра, и с силой их сжал, до боли оттягивая плоть.

Под злобное шипение девицы его пальцы медленно очерчивали круги на самом нежном, уязвимом месте её тела. С трудом заставив себя разорвать поцелуй, оставляя её измазанные кровью, раскрасневшиеся губы, он прильнул к набухшей груди. Жадно вбирая в рот плоть вместе с тонким золотым украшением он слегка прикусывал металл. В нос ударил дурманящий аромат мяты, исходящий от её кожи.

Асгетт до белых костяшек сжала кулаки, изо всех сил упираясь в его твердый живот. С тихим, задушенным стоном она тщетно пыталась спасти сокровенное от его наглых пальцев. Ублюдок. До умопомрачения красивый ублюдок лез туда, где его совершенно не ждали. Вот теперь по её венам хлынуло настоящее, первобытное огнево.

Отпустив грудь, Цина повел языком по шее, к подбородку.

- Какая ты стала горячая... Нравится? - выдохнул он и вновь безжалостно вцепился в её губы, полностью игнорируя полыхающие гневом глаза и готовый сорваться с уст протест.

«Нравится, ага, прям пылаю. Буквально.»- думала Асгетт, примеряясь, какую его часть тела поджечь. Руки опасно нагревались. - «Интересно, а в каменной долине водятся евнухи? Или этот станет первым?»

Выползшая, словно из-под самого дивана, тёмная фигура в мантии Хранителя храма Мира беззвучно возникла за спиной жнеца. Длинная, неестественно гибкая рука, будто отдельное живое существо, медленно скользнула по его плечу. В воздухе мгновенно разлился тяжёлый кисло-сладкий запах ягоды, будто кто-то раздавил спелые плоды прямо на полу.

Знакомый шлейф ударил в ноздри одновременно с чужеродным движением на теле. Цина выругался про себя и инстинктивно отпрянул от девицы, прекращая насилие над её ртом.

- Вот это вы разошлись, детки - раздался сзади совсем недобрый мужской голос.

Цина хотел развернуться, но незнакомец позади него действовал на опережение. Сильная рука молниеносно сомкнулась на его горле, а локтевой сгиб, словно стальной хомут, вдавился в кадык, наглухо перекрывая доступ к воздуху.

- Советую не двигаться, щенок, - голос за спиной тихо прошептал прямо в ухо, - я сегодня очень злой... и очень голодный.

- О, я вполне сама справлялась - Асгетт победно улыбнулась, уже предвкушая развязку.

- О, я заметил. Чего ж меня не позвала? Мне, может, тоже хотелось? - поинтересовался бог, с откровенным весельем разглядывая из-под капюшона всё это безобразие.

- На этих коленях больше нет свободного места, - Асгетт расплылась в блаженной, сияющей улыбке, глядя на дорогого друга.

Мысль о том, что ей не придётся потом выслушивать верещание родни из-за спаленного дотла храма, очень грела душу принцессе.

- Тоже мне проблема. Я сзади пристроюсь. - божество провело длинным языком по щеке жнеца, заставив того дёрнуться и напрочь позабыть о недавнем возбуждении. - Сзади жнеца, разумеется.

Картинно окинув взглядом валяющиеся на каменных плитах тела, божество резюмировало:

- На безрыбье и рак рыба.

Явно выбрав клинком в глаз и признавая полную капитуляцию, жнец медленно разжал пальцы, освобождая запястья девицы, и послушно приподнял руки. Его взгляд оставался намертво прикован к девушке. Кажется, он начал что-то понимать.

- Оставь, - спокойно произнесла Асгетт, плавно слезая с колен жнеца. - К чему калечить будущего Шаха, если мы уже доставили друг другу столько наслаждения?

Соскользнув с него на пол, она по-дружески хлопнула наследника Долины по колену, словно между ними только что произошла обычная, вполне приятная встреча.

- Хорошего вечера, Господи-ин. - за улыбкой сверкнули клыки - Думаю, мы сможем благоразумно забыть это маленькое недоразумение и впредь не доставлять друг другу лишних проблем?

Асгетт чуть прищурилась, голос стал ниже и насмешливее:

- Ну а если вдруг наслаждения всё ещё мало... продолжите сами. Сверху вниз. Вы ведь и без меня прекрасно всё знаете.

Она игриво подмигнула мужчине, небрежно накинула висящий на поясе халат на плечи и, развернувшись, направилась к выходу, позабыв о плаще служительницы. На нём мирно спал тот, кто привёл её в это прекрасное место.

Бог Касарит отпустил жнеца, и пока тот пытался вспомнить как дышать, с лёгкой грацией перелез через спинку дивана и, спустившись на пол, будто ничего не произошло, неспешно двинулся следом за Асгетт.

Откинувшись назад, обессиленно, но с явным удовлетворением на лице, Цина хрипло проговорил, не отрывая взгляда от уходящих спин в одеяниях блудницы и хранителя храма:

- Скажешь своё имя и род? - голос его звучал низко и надтреснуто.

Девка из Ям. И ей сейчас удалось его по-настоящему заинтересовать. А в этом мире мало что могло вызвать у него подобное чувство.

- Ты у всякой служанки имя узнаешь, Жнец? - спросила она у самой двери, обернувшись на прощание.

- Только у тех, которые воруют мои вещи, - он едва заметно наклонил голову, приносясь к тяжелому кисло-сладкому аромату.

Воздух в зале стал настолько плотным, что дышать сделалось практически невозможным. И дело было далеко не в извращенном удовольствии от удушья.

Бог сердито зыркнул на жнеца из-под капюшона. Вполне по-настоящему обидевшись на неблагодарного, он недовольно поинтересовался:

- А то, что ты получил взамен, тебя чем, собственно, не удовлетворило? Я, между прочим, старался! - его бубнёж вызвал у Асгетт тихую усмешку.

- Наследнику Каменной Долины сложно без перстня. Видишь, как подкосило несчастного без защиты? Мы всё вернём, не переживайте, о великий Шах... - Асгетт отвесила поклон такой глубины и почтения, какого от нее не удостоивался ещё не один живущий.

Спину мгновенно свело. Домолилась. Пытаясь сохранить остатки грации, она с трудом разогнулась, заглянула прямо в его горящий багровый взор и, искусно пародируя бабкин царский тон, произнесла:

- У тупой шлюхи не может быть имени и рода. Я из Павиры, господи-ин.

И сполна насладившись тем, как будущего Шаха передернуло, а его губы скривились от чистейшего отвращения, она развернулась к двери. Асгетт отодвинула засов и вышла навстречу спасительной прохладе пустых коридоров. Мечта сбылась. Ты сразилась со жнецом.

Глава 6

Стремительно мерив шагами коридор, девушка отчаянно молилась богам - на всякий случай всем сразу, и ныне живущим, и давно забытым, - лишь бы эта ночь обошлась без новых катастроф. Красные, наполненные презрением глаза жнеца будто преследовали её, но она упорно пыталась обогнать все навязчивые мысли.

- Ну как он тебе? Хорошо постарался? - Бог буквально лип к ней по пути в покои, смотря из-под капюшона наглыми, любопытными глазами.

- Иди в бездну, - огрызнулась Асгетт, даже не повернув головы.

Сладкое послевкусие от недавнего триумфа стремительно выветривалось. На смену ему подступало дрожащее, почти осязаемое раздражение. И, что злило сильнее всего, горячая, тяжелая истома, разливающаяся внизу живота. Тело предательски хранило память о каждом прикосновении, о каждом вздохе, которые разум отчаянно пытался вычеркнуть.

«Вот какие у тебя теперь пристрастия, наследница?» - внутренний голос ехидно скользнул по сознанию, смакуя каждое слово, словно пробуя на вкус. - «Или это оттого, что в детстве ты слишком часто падала с деревьев головой вниз?»

Высокомерный ублюдок, пусть даже самый ослепительно красивый, всё равно оставался высокомерным ублюдком. Асгетт вбивала эту мысль в разум, словно гвоздь под ударами тяжёлого молота.

- Вот только там меня еще не было, - хмыкнул бог, ничуть не задетый ее тоном. - Но ты точно туда попадешь, если продолжишь быть такой невыносимой.

Он откровенно забавлялся. А затем буднично, словно размышляя о погоде, добавил:

- Нужно было заиметь от него дитя.

Асгетт замерла так резко, что божество со всего маху влетело ей в спину, охнув. Она медленно повернулась.

- Эта ледяная, паршивая кровь... - процедила она, и в ее голосе явственно послышался скрежет стали.

- Как в сухую землю зайдет, - бесперемонно перебил ее бог, задумчиво склонив голову набок.

Смерив нахальное божество тяжелым, обещающим скорую расправу взглядом, Асгетт развернулась и молча двинулась дальше по коридору. Шаги ее стали еще шире. Единственное, чего она действительно сейчас страстно желала - оказаться за закрытыми дверями купальни. побыстрее смыть с себя чужие запахи, удушливые ощущения прошедших часов и навсегда запечатать память, чтобы больше никогда не возвращаться мыслями к подобному непотребству.

.....

Чертог, которому сегодня суждено было принять Великий Совет, поражал своим масштабом. Казалось, под его вековыми сводами без труда могло бы укрыться население целого города. Вдоль массивных стен тянулись ряды резных кресел, предназначенных для многочисленной свиты тех великих домов, что стояли во главе государств и княжеств.

В самом сердце этого колоссального пространства покоился каменный стол невообразимых размеров, изогнутый безупречной дугой, прерываемой лишь узким проходом. А в самом центре этого рукотворного кольца безмолвно возносились кверху каменные ступени. На них уже замерли Хранители храма Мира, которым сегодня предстояло стать живым воплощением беспристрастного разума, призванного вызывать к порядку и умирять гордыню.

За столом постепенно собирались венценосные особы: цари и их вассальные князья, наследники и искушенные в интригах советники. Здесь концентрировалась сила, готовая расколоть мир: те, кому суждено было яростно обвинять, и те, кому предстояло до последнего вздоха защищаться. Империя, обуреваемая гордыней и не желая дожидаться официального начала Совета, с вызовом бросила на каменную твердь целый перечень жестких, ультимативных требований к Павире. И точно такой же сокрушительный и бескомпромиссный список лег перед послами Триты.

Два толстых свитка безмолвно покоились на гладком камне. Никто из присутствующих даже не помышлял сорвать с них сургучные печати: все искренне боялись удушиться в бескрайнем полотне имперских претензий. Единственным соседом этих зловещих документов было оружие - фамильные клинки, тяжелые кинжалы и ятаганы, которые по незыблемому уставу Храма грозным стальным рядом выстроились перед своими хозяевами. Правители лично отвечали за покорность приближенных. Каждый из них был обязан проследить, чтобы его свита безропотно рассталась со сталью. Ведь если в этих священных стенах прольется хотя бы капля крови, кара падет на головы самих властителей. В ту же секунду Хранители перестанут быть милосердным голосом разума, обратившись в безжалостных судей.

Все представители великих домов предстали перед Советом без доспехов. Под простыми тканями плащей скрывались изысканные одежды, а под ритуальными масками - лица, искаженные потаенной злостью и благородной скукой. Ни сакральный закон, ни закрытые одеяния не смогли сдержать лавину взаимной ненависти. Словно дворовые псы, извечные враги безошибочно находили друг друга по одному лишь запаху.

Пока половина имперской свиты, едва воскресшая поутру после ночного забытья и тщетно пытающаяся вспомнить хоть что-то, с яростным упорством изрыгала витиеватые оскорбления и пустую браваду, Трита демонстрировала поистине святую непоколебимость.

Делегация Триты - хладнокровно, размеренно и уже в сотый раз, в малейших подробностях разъясняли оппонентам, куда именно и с какой скоростью им надлежит отправиться. И лишь немногочисленная свита Павиры, состоящая всего из трех безмолвных фигур, замерла в абсолютной неподвижности. Окутанные гробовым молчанием, они терпеливо ждали, когда фарс уступит место истинному началу.

Затянувшееся безмолвие этой троицы Цина списывал на первобытную дикость: эти животные, скорее всего, попросту не владели всеобщим наречием.

Он сидел и презрительно шурился на беснующегося соседа. Вот бы и Империя наконец познала этот полезный дар - помалкивать. Голова раскалывалась на части, внутри черепа словно ворочались тяжелые камни. Стараясь не делать лишних движений и сдерживая нервный тик, он из-под прикрытия маски наблюдал за собственным Шахом. Его дед, Равель, раздражающе барабанил пальцами по каменной столешнице.

Девки среди павирской свиты не оказалось. Её он бы учуял. Цина тщетно силился изгнать воспоминания ушедшей ночи, но те настырно лились в подломанный разум. Гадину хотелось прирезать, и совсем больше не хотелось поймать. Она испачкала собой и своим происхождением его самолюбие. Как подобная диковина, наделенная столь сильным даром, умудрилась уродиться среди безродных дворняг, его не заботило - видимо, раз в столетие и сухая палка цветёт. Он просто ждал, стараясь сохранять терпение. Это терпение должно было стать его броней - защитой от глупости, которая заставила бы его схватиться за рукоять, едва эта павирская тварь переступит порог зала, и не распять ее собственным клинком прямо на каменном столе. Мысль о том, чтобы пролить кровь в святыне манила его, заставляя пальцы судорожно сжиматься в кулаки.

Ненавидел. До кровавой пелены в глазах ненавидел всю эту пададь из Павиры и Триты с их грязной, плебейской кровью - отбросы, с которыми ему сегодня придется делить один стол. Ненавидел этот Храм, куда ступил впервые в жизни, с его молитвами и ложными боже-ствами, перед которыми его заставили склонить голову при входе, и перед которыми наверняка заставят преклонить голову при выходе. Ненавидел Империю с её глупыми, недалёковидными решениями - ведь именно из-за них они все оказались в этом месте. Но сильнее всего он ненавидел эту шлюху - ту самую, которую еще вчера так страстно, до дрожи желал. Шлюху, которая посмела переиграть его. Уже во второй раз.

Цина протяжно, болезненно застонал, откинув голову на жесткую спинку кресла, зажмурив глаза.

- Что с тобой, мальчик? - дед наклонил к нему голову, и сквозь прорези его маски блеснули алые глаза.

- Все в порядке, мой Шах, - Цина с трудом разжал кулаки, пальцы в которых уже онемели и болели от напряжения.

- Сейчас все присутствующие здесь равны, нравится нам это или нет. Усмири себя.- дед говорил едва слышно, но его тихий голос казался древним, точно сам камень этих стен.

Правящий Шах Каменной Долины выказывал относительную снисходительность к чужой крови. Несомненно, в собственном величии он не сомневался, считая себя выше всего сущего и ранее существовавшего, однако не опускался до того, чтобы предаваться долгим размышлениям о чем-то там происхождении. Ему было плевать. От этой мысли Цина медленно, но верно начинал закипать.

- Они никогда нам не станут равны.

Под столом Равель вцепился в запястье внука, заставив того поморщиться от боли. Тон главы рода был полон горького разочарования и скрытой угрозы, обещающей большие неприятности:

- Замолчи. Забылся, мальчишка? Придется напомнить: ты не дома.

- Я вас понял, мой Шах. - Цина сделал легкий поклон головы.

Старик выпустил его руку. Вальяжно откинувшись на спинку кресла, правитель Каменной Долины добавил ледяным тоном:

- Трахать имперских девок накануне помолвки с принцессой - глупый просчёт. Оставь свои мысли о шлюхах, хотя бы пока мы не закрепим этот союз. Я достаточно ясно выразился?

Цина покорно кивнул. И правда, хватит думать о шлюхах.

- Начинаем, - голос одного из Хранителей прогремел по залу. - Всем занять свои места.

Ругань наконец утихла, и свита послушно заняла кресла вдоль стен. За столом переговоров воцарился порядок: по восемь мест было выделено для делегации каждого государства - строгий, веками не менявшийся регламент. Все, кто должен был сегодня восседать здесь встали в полный рост. В зале воцарилась звенящая тишина. Все замерли, ожидая заветного слова Хранителей, позволяющего снять маски. Не перед собравшимися врагами и союзниками. Их имена и истинные лица предназначались богам, незримо взиравшим на них из темноты под куполом.

Прошла минута. Две. Пять. Десять. Тишину начал пререзать недовольный ропот, глухо доносившийся из-под масок. На местах, где полагалось стоять представителям Триты, не хватало двоих. Делегация Павиры и вовсе отсутствовала в полном составе - лишь их безмолвная свита спокойно восседала в дальнем конце зала, не шевелясь. В огромном помещении начала стремительно повышаться температура.

.....

Асгетт шла следом за прибывшей матушкой, разглядывая её спину. Ей отчаянно хотелось обогнать женщину, которая внезапно стала невыносимо медлительной.

- Нас наверняка уже ожидают. - тонко намекая на необходимость ускориться, выговорила она.

- Это не наши проблемы, - одним плавным, быстрым движением Кула развернулась и поймала подбородок наследницы Венца в замок из пальцев. Она заставила Асгетт поднять голову. - Привыкай, Иблис бен Касарит. Та, кто рождена править, всегда приходит последней. Чужое ожидание - не твоя забота.

Лик Кулы было безупречным, лишенным возраста и живых эмоций. Под её золотыми глазами залегли темные тени - ритуальные отметины а на лице - украшение. Жуткое и одновременно изящное костяное сплетение. Острые наросты, напоминающие тонкие ребра и лапы насекомых, выходили будто из скулы и виска, оплетая ухо. Её шея была заключена в воротник из переплетенных костей и окаменевших сухожилий. Это ожерелье выглядело так, словно оно проросло сквозь плоть, заменяя собой кожу и мышцы. Волосы - прямые, тяжелые, мертвенно-белого цвета, были зачесаны назад и удерживались тонким, едва заметным костяным обручем.

- Они не моя паства, матушка, - тихо, но твердо ответила Асгетт.

Она невольно залюбовалась этой дикой красавицей из лесов Катрата. Платье Кулы мало чем отличалось от собственного наряда наследницы Венца, только вот юбка той была изрезана на длинные, полосующие воздух лоскуты. При каждом шаге ткань расходилась, показывая сильные бедра и наглядно демонстрируя окружающим, чем женщина отличается от мужчины. Кула никогда не стеснялась своей наготы. Напротив, в гробу она видала эти приличия, пред-

почитая при любой возможности сбрасывать одеяния и нагишом бегать по лесам. Так было куда удобнее охотиться.

Разжав пальцы, матушка отпустила лицо дочери, на котором красовалась тонкая металлическая нить, изящно пересекающая переносицу. Вдоль щек спускались длинные цепочки, которые обвивали мочки ушей и уходили вниз. Эти украшения - строгая дань уважения традициям Катрара. Подобные цепи символизировали связь с предками и покорность законам крови.

Обхватив ладонь Асгетт, она уверенно повела её за собой. Проявилась странная, почти кошачья нежность: на ходу Кула мягко, едва ощутимо ласкала её пальцы, на которые были

надеты массивные, золотые кольца, переходящие в длинные, изогнутые металлические когти, плотно облегающие фаланги.

- К счастью, - сказала Кула, считавшая, что выше дочерей Иблиса только небосвод. - Тебе такие паршивые овцы в стаде не сдались.

Они вышли в широкий коридор, ведущий к массивным дверям зала, где вот-вот должен был начаться Великий Совет. Здесь их уже поджидали с тяжелыми белоснежными плащами и золотыми масками. Венец явно не намеревался следовать общим правилам и надевать такие же обрядовые атрибуты, как и все остальные. В честь чего это?

Накидки держали те, кого царица Висса отправила для поддержки Павиры: тётушка Артра и её старший брат Миракс, приходившийся Асгетт родным дядей. Лучше этой парочки на дипломатическом поприще говорила разве что сталь. Что же до Кулы... Асгетт не сомневалась: та шла на Совет лишь ради одного сценария. Если переговоры зайдут в тупик, она просто всех сожрёт.

- А чего-то более... скромного не нашлось? - Артра недовольно оглядела откровенное платье племянницы, задержав взгляд на змее, обвинявшей её талию.

- Это твоя мать выбирала, - Асгетт изящно покружилась, заставив цепи на запястьях тихо звякнуть, демонстрируя все прелести наряда.

Платье, разумеется, было сшито из лёгкой полупрозрачной ткани - безупречного, чистого белого оттенка. Глубокий вырез на груди переходил в изящные драпировки, подчеркивая хрупкость плеч и шеи. Высокий разрез, бравший начало от самой талии, при каждом шаге дразняще уходил вниз, оголяя бедро. И всё же этот наряд, по сравнению со сквоззящими лоскутами Кулы, выглядел почти целомудренно. Белизна ткани обманчиво шептала о чистоте, хотя сам фасон кричал о прямо противоположном.

- Прекрасное платье, - мгновенно подвела к итогу Артра, покосившись на брата из под маски.

Сомневаться во вкусе царицы, который почему-то внезапно стал извращенным, она не посмела. По крайней мере, вслух.

- И правда, замечательное, - тактично подтвердил дядя Миракс. Он мысленно порадовался, что маска скрывает его изумленно взлетевшую к самой линии волос бровь. - Матушка как всегда удивляет своим поистине царским вкусом.

У дверей замер сам владыка Павиры в окружении советников, с ног до головы закутанных в такие же белёсые одеяния. Но по-настоящему Асгетт удивило другое: прямо за ними неподвижно высились две тени Первозданных. На фоне светлой толпы Раа'си Ра'ми в своих чёрно-серых мантиях казались провалами в пустоту.

- А эти две что тут забыли? - она шагнула ближе к тетушке, понизив голос до шепота.

- Сегодня мы все на одной стороне, - чеканя слова, проговорила Артра. - На стороне тех, кого будут обвинять. И потому войдем вместе. Надевайте накидки.

Взглянув на Раа'си Ра'ми, Артра поджала губы. Они с братом уже успели поговорить со святыми. Те впились, словно сомнения в душу. Разговор удовольствия не доставил, слишком уж хитры и назойливы были тени. Но идея выступить единым фронтом была здоровой. Столь дотошный и упрямый альянс гарантированно вымотает Совет, заставив всех присутствующих свернуть обсуждение как можно быстрее. Ведь вскоре их всех ожидает что-то куда интереснее.

- Какая приятная компания сопровождает нас под ликами Богинь, - Раа'си Ра'ми в черной мантии отвесила церемонный поклон.

- Мы тоже безмерно рады встрече, - проговорила безмерно радостная Артра, подходя к дверям, из-за которых уже доносилось возмущение. - Что ж, приступим.

.....

Ровно в тот момент, когда представители Великих Домов уже мысленно потянулись к оружию, створки дверей с грохотом врезались в стены. Судя по силе удара, вошедшая следом фигура в белом открыла их пинком. Позади нее в зал неспешно прошествовали еще девять силуэтов. Двое из них были укутаны в мантии Теней Первозданных, остальные - в такие же белоснежные плащи. Похоже, этим не совсем достопочтенным господам забыли объяснить здешний устав. Впрочем, не Цине было судить невежд: на все эти предписания он клал ровно то же, что и вновь прибывшие.

Подойдя к столу и заняв место представителей Павиры, фигура небрежно сбросила накидку и стянула с лица маску из чистого золота. Металл с резким стуком брякнул по каменной столешнице, заставив слабодушных вздрогнуть. Оглядев присутствующих пронзительным взглядом, гостя не села, а буквально воцарилась в кресле и надменно произнесла:

- Ну, давайте уже, снимайте. Долго нам ещё ждать вашего откровения?

Незнакомка оказалась женщиной - молодой, безупречно красивой и давяще высокомерной. От ее тона собственная спесь Цины на мгновение пошатнулась. «А так можно было?» - озадаченно подумал он.

Представители Империи, возмущенные присутствием нахальной бабы за столом на сугубо мужских переговорах, едва не взвизгнули. Однако по-настоящему всех озадачило другое - молчание Хранителей. Ни единого замечания, ни тени упрека. И хотя этот орден никогда не выбирал сторону, их немое одобрение подобной дерзости заставило многих усомниться в их хваленной беспристрастности.

Следом подтянулись остальные. Заняв предписанные места в древнем кругу, они единым, отточенным жестом сбросили тяжелые ритуальные облачения. На свет явились пять мужчин и ещё четыре женщины - абсолютно безоружных. Последние были единственными представительницами своего пола во всем этом колоссальном зале, если не считать храмовых служительниц, Вита'е Арбрис, скрывающихся во мгле нефов. Именно на них, на этих женщин, сейчас в немом шоке взирали все присутствующие. По залу прокатался тихий, свистящий выдох удивления. Советники Империи испуганно переглянулись, словно ожидая, что своды храма рухнут от подобного святотатства.

Однако истинным центром всеобщего притяжения стали двое: почти голая женщина в причудливых шейных украшениях и юная, полуобнаженная сереброволосая девица. Золотые когти и тонкая цепочка, тянувшаяся змейкой по великолепному лицу юной красавицы, намертво приковывали к себе взоры. Сама же девица равнодушно окинула зал ленивым взглядом и замерла, глядя в никуда сквозь полуопущенные ресницы, демонстративно игнорируя чужое липкое любопытство. Но если эта юная особа казалась чем-то экзотически съедобным, запретным деликатесом, тем, что безумно хочется распробовать, смакуя каждый оттенок вкуса, то сидевшая рядом с ней женщина выглядела той, кто сама способна перекусить каждым в этом зале - неторопливо, не оставив даже костей.

«Тварь, до чего же хороша», - мысль ударила под дых, заставив Цину на мгновение замереть. Он пытливо, с почти болезненным восхищением скользил взглядом по её лицу, изучая её черты при полноценном, ярком освещении. Эти едва заметные россыпи веснушек на карамельно-золотой коже... Этот омут по-настоящему медных глаз, усыпанный крапинками чистейшего золота, в которых хотелось утонуть прежде, чем вырвать их.

Слепящее, удушливое желание пустить ей кровь, разорвать эту хрупкую плоть на куски, неохотно отступило в тень. Лишь на жалкую долю секунды. Ровно на столько, чтобы позволить хищнику вдоволь насладиться красотой своей жертвы.

Из всей делегации Павиры на ногах остался лишь один мужчина. Его поза выражала абсолютное спокойствие. Мышцы Цины рефлекторно напряглись, стоило ему внимательнее приглядеться к чужаку. Знакомый отлив прядей, уловимые черты лица - сходство было слишком очевидным. Воспоминание о мягком весе девичьего тела на его коленях и о том, как эти самые пряди скользили по его пальцам, обожгло Цину изнутри, заставив сильнее стиснуть челюсти. Высокомерная гостья, первой ступившая в зал, этот мужчина и наглая, полуобнаженная девка - все они явно были мазаны одной кровью.

Высокая фигура мужчины излучала суровую грацию. Длинные серебристые волосы, небрежно перехваченные на затылке, тяжелыми литыми волнами спадали на широкие плечи. Он замер вполупоборот, облаченный в безукоризненно строгий темный мундир, чью мрачность разбивал лишь холодный блеск золоченых наплечников. Однако все это меркло перед его взглядом: узкие, пронзительные глаза светились диким, янтарным огнем, словно у затаившегося зверя.

Тяжелую тишину разорвал безупречно поставленный голос:

- Мое имя Миракс. Сегодня я буду говорить от лица властителя Павиры, Сура.

Из его узких, жестких губ этот короткий манифест прозвучал невероятно притягательно. Мужчина плавно опустился в кресло по правую руку от самого Владыки Павиры и едва уловимым, величественным жестом велел Совету продолжать.

Имперская сторона тут же разразилась протестами - мол, почему не пойми кто смеет говорить за правителя земель? Однако этот выпад все проигнорировали. Самые сообразительные и искусные в политических играх умы быстро осознали глубину нанесенного оскорбления. Варвары не просто демонстрировали пренебрежение этикетом. Они презирали чужую культуру и принципиально отказывались ломать языки о всеобщее наречие, считая его грязной скверной, недостойной их уст.

Владыки поочередно представлялись, открывали лица, распахивая накидки, а затем занимали свои места вместе с приближёнными. Делегация Вархи восседали рядом с имперцами, безмолвно демонстрируя им полную лояльность. Эти прирожденные палачи мало чем отличались от самих жнецов - безжалостные, лучшие в своем деле наемные убийцы, способные бесследно сливаться с темнотой.

Делегация Саривии, пришедшая из залитых солнцем земель, напротив, то и дело бросала пристальные, изучающие взгляды в сторону Павиры. По логике вещей, им не должно было быть до происходящего ровным счетом никакого дела: столетиями, сквозь кровь, разруху и пепел чужих войн, Саривия сохраняла абсолютный, нерушимый нейтралитет. Однако теперь, судя по тому, каким тяжелым взглядом наследный принц этого древнейшего царства буквально пожирал сребровласую павирскую девчонку, впервые в истории могло сотвориться немыслимое чудо.

А то, что святая Трита уже спелась с Павирой, было очевидно даже последнему идиоту. Тени Первозданных, Раа'си Ра'ми, наглядно подтверждали это своими ухмылками. Эти женщины вовсе не были уродливыми чудовищами, какими их расписывали в слухах. Напротив, они манили взгляд. Но крылось в их облике, в текучей пластике движений, нечто настолько странное и жуткое, что у любого нормального мужчины по спине пробежал холодок, заставляя инстинктивно и безгласно передернуться.

- Мы слушаем Империю, - слова прозвучали сухо и бесстрастно, тяжело скатившись по холодным каменным ступеням, где возвышались Хранители храма Мира.

Грузная фигура Императора качнулась, когда он, наконец оторвал тяжелый взор от правителя Павиры и едва заметно кивнул своему советнику. Это был до омерзения противный, тощий мужчина, задрапированный в невероятно дорогие, кричащие ткани. В его высокий воротник были вшиты редкие камни Кальса, чей блеск подчёркивал статус владельца. Вот только стоило женщинам Павиры заметить эти драгоценности, как их губы одновременно растянулись в таком устрашающем, хищном оскале, что несчастный советник моментально потерял всю храбрость. Он поспешно отвел глаза, решив больше не ронять взгляд на дикарскую

делегацию - задача почти невыполнимая, учитывая, что он должен был обращаться непосредственно к ним.

Уголок губ Цины дрогнул в презрительной усмешке.

«Надо же, как глазки загорелись - высокомерно пронеслось в его мыслях, пока он наблюдал за ней. - Интересно, как быстро эта девка раздвинет ноги перед первым встречным, который осыплет её подобной роскошью? Наверняка ещё до того, как последний камень коснётся её тонкой шейки.»

По правде говоря, он всегда был уверен, что цена павирских баб куда ниже.

Он с показным пренебрежением скользнул по девице оценивающим взглядом и тут же резко отвернулся, вперив тяжёлый взгляд в имперцев, мысленно поклявшись больше не удостаивать дикарей ни единым взглядом.

Пустой звук, а не клятва.

Вопреки доводам рассудка, его глаза предательски, с каким-то мазохистским упрямством возвращались к ней. А эта дрянь за все время даже не соизволила повернуть голову в его сторону! Всё её внимание было приковано к смазливому принцу Саривии. И, судя по искрам этого безмолвного, едва уловимого диалога взглядов, они уже успели мысленно раздеть друг друга и прийти к выводу, что вполне друг другу подходят.

«Вот же блядство», - мысленно сплюнул Цина. В груди тяжёлым, удушливым варевом вновь закипала черная ярость. Этот лощёный юный наследничек Саривии явно имел и средства, и власть, чтобы осыпать дикарку всеми благами мира, возвысив безродную девку до самых немыслимых вершин.

Цине было плевать на её возвышение. Пусть забирает. Но только после него. Желание было первобытным и грязным: грубо присвоить, сломать эту надменность и выжечь на ней свое клеймо прежде, чем до ее кожи дотронутся выхоленные, благородные ручки этого мальчишки.

От одних лишь мыслей о том, как он овладеет этой грязной павирской девкой, раздутое эго Цины с треском рвалось по швам. Внутри шла ожесточенная война между тошнотворным отвращением и темным, пульсирующим вождением. Его поражало как же быстро неприязнь мутировала в животную жажду. Ей хватило лишь безупречного лица и тела, чтобы в прах растоптать все его устоявшиеся принципы и вековые предпочтения.

Из этого наваждения его вырвал дребезжащий, фальшиво-елейный голос имперского советника. Собрав остатки мужества и стараясь смотреть исключительно на Хранителей над головами павирцев, тощий вельможа наконец заговорил, оглашая волю своей короны. Каждое его слово так и сквозило скрытым ядом, превращаясь в муки для слуха.

.....

Из его уст лилась искусная скорбь: он вещал о бедствиях Империи, терпящей урон от рук дикарей, чья власть простерлась над Вольными землями. Торговые пути перерезаны, караваны блуждают в обход, а гордое имперское воинство предано не земле а огню и поруганию. Однако в этой речи не нашлось места правде. Разумеется, он не проронил ни слова о том, что эту кровавую войну развязала сама Империя. И уж тем более - что на Вольных землях величественное государство промышляло торговлей бойцами для арен, беззащитными женщинами и детьми. Грязная изнанка политики, которую сочли сущей мелочью для взора Хранителей и присутствующих.

Миракс вполголоса переводил владыке Павиры самые абсурдные и любопытные моменты имперской речи. Владыка, длинноволосый молодой мужчина, когда-то наверняка был красив. Теперь же его лицо напоминало карту жестоких сражений: оно было усеяно шрамами - от тонких серебристых нитей до грубых багровых рубцов, стягивающих кожу у самой скулы.

Голос Миракса звучал ровно и монотонно, но в глубине его глаз плясали искорки мрачного веселья - он явно наслаждался каждым переведённым словом, даже не удивляясь чужому лицемерию.

Артра устало тёрла переносицу, пытаясь утихомирить Кулу. Та искренне не понимала, зачем терпеть, если можно не терпеть. В её звериных глазах застыло недоумение пополам с раздражением - эмоции, слишком простые и честные для этого зала, полного притворства. Артре стоило немалых трудов объяснить ей, что ломать хребет имперцам прямо сейчас - далеко не лучший дипломатический ход и нужно немного подождать. Совсем чуть-чуть.

Трита на этом фоне казалась скалой - неподвижной, невозмутимой: она лишь терпеливо ждала момента, когда оратор перейдёт к прямым нападкам на них. Но имперец вещал без остановки - его голос, густой и тягучий, словно патока, заполнял зал, обволакивал присутствующих липкой пеленой пустословия, и конца этому потоку не предвиделось. А впереди ждала ещё более изнурительная пытка - свитки с официальными требованиями, чей исполинский объём внушал искренний ужас. Они громоздились на столе, точно надгробные плиты, и один лишь вид этих туго перевязанных пергаментов заставлял Кулу тихо, но очень многообещающе рычать сквозь зубы.

Асгетт, в которой наследный принц Саривии своим немигающим взглядом успел прожечь настоящую дыру, наконец-то соизволила обратить внимание на настырного поклонника. Стоило ей повернуть голову и встретиться с ним глазами, как глубоко внутри вдруг что-то звонко щёлкнуло. словно сорвало старый, заржавевший замок. До неё с ясностью дошло: именно в эту самую секунду в ней проснулся совершенно новый интерес к мужчинам. Правда, исключительно к невероятно красивым представителям этого пола, если уж не кривить душой.

Он выглядел как ожившее изваяние древнего бога: безупречные пропорции лица, четко очерченные губы и безупречная, волевая челюсть. Контраст между его ореховыми волосами, загорелой кожей и светлым, пронзительным взглядом завораживал. Тяжелая золотая парча и глубокий изумрудный шелк его парадного костюма сидели на нем идеально, облекая широкие плечи. Распахнутый ворот открывал взгляду рельефные ключицы и крепкую шею. Покручивая

тяжелое кольцо на пальце, он не разрывал зрительного контакта ни на секунду. А затем уголки его губ дрогнули в едва заметной, бархатной улыбке, и он чуть склонил голову - безмолвный, будоражащий знак одобрения.

- Какая хорошая кровь. Древняя, - с едва уловимым сладострастием выдохнула Тень Первозданных в чёрном одеянии.

Перед взором предстало лицо женщины, разменявшей не один век, но сохранившей ту редкую красоту, которую время не решается разрушить, а лишь гравировать благородными линиями. Седые волосы безупречно обрамляли бледную кожу, выгодно оттеняя массивный головной убор. Высокие, острые как клинки скулы придавали её бледному лицу царственную суровость. Тонкие губы, упрямо сжатые в бескровную линию, выдавали железную волю, не терпящую возражений. Но подлинным магнитом служил её взгляд. Глубоко посаженные, непроницаемо-тёмные глаза смотрели сквозь присутствующих, словно прозревая саму суть мироздания. В её застывшей маске - одновременно холодной полуулыбке и бесконечной печали - сквозила тяжелая, вековая мудрость и читалось бремя древних знаний и мрачных тайн, которые живым лучше никогда не будить.

- Этот клинок тяжёл, дитя... Но если твои пальцы лягут верно, он будет рубить по твоей воле, - продолжала вкрадчиво шептать тень.

Раа'си Ра'ми, восседавшая бок о бок с наследницей Венца, безошибочно проследила за её замороженным взглядом и не удержалась от мудрого комментария. Жалкое бление имперского советника её совершенно не занимало. Эта политика казалась ей мышиною возней; на всё происходящее в этом зале у неё имелась своя собственная, непреложная и поистине святая истина.

- Думаете? - голос Асгетт сочился откровенной язвительностью, когда она приподняла бровь, бросая вызов старшей.

- Уверена, - женщина ответила без малейшей заминки. Её губы дрогнули, и по лицу скользнула едва заметная улыбка - быстрая и бесшумная, словно ночной ветер, перебирающий пески дремлющих барханов.

Она перевела внимательный взгляд на делегацию Каменной долины. Там, среди суровых мужей, царило глухое, давящее молчание. Они сидели неподвижно, словно были высечены из той же безжалостной горной породы, что и их неприступные крепости.

- А вот эти клинки уже не перековать... Их не исправит ни пекельный огонь, ни само время, - негромко продолжила Раа'си Ра'ми. В её тихом шёпоте вдруг явственно послышался лязг металла, скрежещущего по граниту. - Но именно среди них можно сыскать самую острую, самую безжалостную сталь. Сталь, которая с одинаковой легкостью пустит кровь и врагу, и своему владельцу.

Асгетт принципиально не смотрела в сторону жнецов, отгородившись от них невидимой стеной, но слова женщины пила жадно.

- Жизнь такова, дитя, - меланхолично подвела итог тень Первозданных, плавно, словно отползающая рептилия, отстраняясь от девушки. - Чтобы заполучить идеальное оружие, беспрекословно послушное твоей воле, его придется выковать самой, в собственном пламени. А потому не примеряйся к чужой рукояти. Мерь по глубине своих ножен. Больно будет в любом случае, таков закон плоти. Весь твой выбор сводится к одному: стиснуть зубы и перетерпеть эту разрывающую боль единожды, чтобы потом черпать в ней безграничное удовольствие, или же позволить чужой стали терзать тебя бесконечно.

Липкие, навязчивые мысли о ножнах и крови, посеянные тенью Первозданных, отступили, когда тётушка решительно поднялась со своего кресла. Очередной пассаж имперца прошёл мимо ушей девушки, но воинственный настрой Артры намекал: невидимая черта только что была пересечена. Кажется, они с Кулой всё же сошлись во мнении, что пора начать убивать.

- Что ты несёшь, советник? - властный, грохочущий голос тётушки ударил по ушам присутствующих, заставив многих вздрогнуть.

С неё явно хватит. Лимит выдержки был исчерпан до дна. Раз уж вся эта разодетая публика так жаждет небылиц, Артра с превеликим удовольствием выйдет на сцену и устроит им

представление. Главной и единственной её целью сейчас было полное, абсолютное уничтожение источника этого отвратительного голоса, который выедал ей мозг.

- Истину. Сядь на место и молчи, женщина, - с презрением выплюнул Император, словно на язык ему попала грязь.

Его расплывшееся, полное лицо исказила гримаса нескрываемого, почти физического отвращения к чужой дерзости.

- Истину? Во всём потоке, что грязной рекой излился из рта вашего подданного, не проплыло ни единой чистой истины. Как жаль, что в вашей великой Империи - Артра изящно развела руки, и её светло-русые локоны волной посыпались по спине, - правят не женщины, а мужчины, в коем теле из двух голов, хорошо если работает хотя-бы та, что снизу.

От такой неслыханной наглости у присутствующих перехватило дыхание, и зал сковало оцепенением. Шах Каменной долины выразительно изогнул густые брови и с легкой, почти одобрительной усмешкой качнул головой: Павира определённо умела впечатлять.

Багровея от ярости, над массивным столом начал медленно подниматься сам Император. Его глаза метали молнии - он готовился обрушить всю сокрушительную мощь своего монаршего гнева на потерявшую страх нахалку.

- Сядь, Государь, - спокойный голос принца Саривии ударил как хлыст, заставив владыку осечься. - Ты неужто с женщиной воевать собрался?

- Золотые слова. Неужели для великого властителя здесь не найдется дичи покрупнее? - с откровенной издевкой протянул Миракс. Его губы растянулись в жутковатом, зверином оскале, а во взгляде заплесало пламя неподдельного азарта.

- Хранители, это же уму непостижимо! Чтобы какие-то немытые дикари и их распоясавшиеся женщины смели... - срываясь на жалкий визг, заверещал советник. Он затравленно озирался, отчаянно ища защиты у хозяев святыни.

- Сядьте. На место. Оба, - этот голос не был просто громким, он обладал архаичной мощью. Зычный, рокошующий бас самого главы ордена храма Мира обрушился на зал, мгновенно раздавив жалкий лепет имперца и впечатав присутствующих в кресла.

Речное божество непостижимым образом возвышалось прямо на центральном пьедестале главного Хранителя. Как подобный абсурд вообще мог произойти, Асгетт понятия не имела и, если уж на чистоту, знать совершенно не желала. В уме она истово молилась Иблису лишь об одном: чтобы настоящий лидер ордена оказался жив. Касариту молиться не было ни малейшего смысла. Какой прок взывать к этой сутулой собаке, если вот он - стоит собственной персоной и нагло лыбит морду из-под глубокого капюшона, явно наслаждаясь хаосом? Асгетт подалась вперёд, с силой опершись ладонями о гладкую столешницу. Игра началась. И она не раздумывая делала ставку на свою тётку.

Глава 7

- Не хватит и вечности, что-бы рассказать всё то, что хранит чаша, на дне которой златыми нитями истины оседает первородная колыбель мировоздания.

Слова Артры лились непрерывным потоком, не давая слушателям ни секунды, чтобы осмыслить масштаб услышанного. Она шла вокруг стола так близко к представителям великих домов, что задевала их кресла. Её голос не просто звучал - он тяжеловесно бил в сводчатый потолок. Оглушительное эхо рикошетило от каменных стен и с размаху вбивалось в барабанные перепонки, начисто выжигая саму способность мыслить.

От этой вибрирующей звуковой пытки Цина был готов завывать в голос. Он стиснул зубы с такой силой, что во рту появился привкус крови от крошащейся эмали.

«Святые Богини и Великие Боги, умоляю, помогите», - эта жалкая, отчаянная мольба иступленно билась в его сознании, заглушая боль. Под этим акустическим гнетом весь его цинизм и богохульство испарились в секунду. Он уверовал.

- Сосуд исписан ядоносными сказами, которые можно вплести, словно лозы, в любой диспут. А свитками, что заполнены от края до края великой мудростью, можно укутать все земли. Или, вызвать неподдельную тошноту даже у самых искушённых садовников, что так умело стелят ковры из ложных истин.

Воистину, к горлу подступала тошнота - густая, пульсирующая, вызванная невыносимым напряжением. Но даже сквозь эту физическую муку, Цина, вопреки собственным предубеждениям, ловил себя на мысли; для дикарки, чье место в грязи, эта женщина демонстрировала слишком изощренный интеллект. Это был заточенный, гибкий и таящий в себе угрозу ум.

Он скользнул потемневшим взглядом по фигуре сребровласой девчонки, и губы его тронула кривая усмешка. Теперь он отчетливо видел корни её дерзости. Стало совершенно ясно, в кого эта девка уродилась с такими длинными клыками и языком.

- Мне сполна дали испить из чаши, что-бы заполнить то, что пусто, тем, что не помешало бы. А после, завернули в шкуру барана, из которой я впитала его крайне противоречащую здравому смыслу упертость и, как вы уже поняли, полное отсутствие инстинкта самосохранения. Боги же одарили меня весомой ссудой времени и, увы, интеллектуальным беспутством. И потому я сейчас трачу эту ссуду на кого-то, вроде вас. Но не буду лгать, моя крайне мерзопакостная натура не может упустить возможность получить удовольствие.

Страдания публики действительно приносили ей искреннее, почти порочное, возбуждающее наслаждение. Она закрыла глаза и сделала глубокий, шумный вдох. Казалось, она физически впитывала каждой клеточкой кожи тот густой, вибрирующий коктейль из напряжения, которым сейчас был пропитан воздух зала.

- Но вот в чём вопрос, есть ли подобная ссуда у вас? Впрочем, это уже не важно. Ведь уже через пол часа от моей безостановочной мантры, слабые духом сорняки, в состоянии полной протрации и дурноты, начнут прыгивать с балконов храма, в надежде спастись. А через час

тут останусь только я, моих благие намерения нести истину целую вечность и... гирлянда лозы. Из повесившихся на ней тел.

Теперь она говорила ровно, безжизненно, словно зачитывала приговор:

- И потому, во избежании непоправимого, что за два часа этого балагана, уже кажется неизбежным, настоятельно прошу прекратить распылять из своего рта истину, что словно маяк, манит опьяневшие умы в ловушку удушья ядовитых ветвей, извращенно забивая гортань, оседая саваном отравы.

Артра коварно улыбнулась, продолжая обходить стол, направляясь к узкому проходу:

- Пыль коварной истины мне не страшна, во мне яда побольше, чем в любом из вас. А шею своей лианой передуть у вас не получится. Умение бесконечно и томительно содрать помещение пустыми речами выработало полезную способность подолгу обходиться без воздуха. Интересно, а каков предел вашего дыхания?

Встав в самом центре прохода, Артра тяжело оперлась на края огромного стола. Ее правая рука с силой вцепилась в столешницу, где восседал Шах Каменной Долины, а левая - там, где замер Император. Нависая над ними, словно судья, она поочередно одарила каждого долгим, пронизывающим взглядом и продолжила говорить:

- Ибо если ещё раз вы сойдёте с поля переговоров и отклонитесь в сторону окутанных дурманом лесов... Я вам эту истину, словно соцветия цикуты, в самую глотку пропихну. Так глубоко, как ни один ваш мужчина со своим большим самомнением и маленьким стеблем никогда бы не смог затолкать. А от яда цикуты, словно от искусственной любовницы, кою ваш гнилой цветник никогда не удостоивался лицезреть, вы получите такое немыслимое удовольствие, коего вам не сможет даровать даже самый искусный лист сансевиерии на бархатном пути в ваши сады наслаждения. Правда посмертно. Но за эти ощущения, за эти мгновения...смерть - ничтожно малая цена, не так ли?... Истина, господа. Пейте. По капле.

Тени Первозданных взирали на Артру с родительской гордостью - так, словно именно они веками натаскивали её в изощренном искусстве выжигать чужой разум кислотой ядовитого красноречия. Да и сам владыка Каменной Долины откровенно залюбовался этим зрелищем. В непроглядной глубине его древних, повидавших крах империй глаз мелькнуло нечто совершенно немыслимое... искреннее уважение.

- Она высечена из того же камня, что и наши женщины, не находишь? - негромко, с затаенным восхищением обронил Шах, обращаясь к внуку и ни на секунду не отрывая взгляда от беснующейся представительницы Павиры.

- Чем же? - на лице Цины отпечатался настолько откровенный скептицизм, что его, казалось, можно было потрогать руками.

Шах в ответ лишь усмехнулся и с размаху, увесисто шлепнул внука по ноге. Наклонившись к самому его уху, старик обдал Цину горячим дыханием и понизил голос до хриплого шепота:

- Яйцами, мальчик мой. Которые, сдаётся мне, будут покрепче и побольше твоих.

Коротко, беззвучно хохотнув, Шах обнажил зубы в довольной хулиганской ухмылке, и заговорщически подмигнул своему наследнику.

Если уж дед Равель ставит в один ряд эту женщину с их матерями и сёстрами... Вывод напрашивался сам собой: старый властитель окончательно выжил из ума. Однако Цина совершенно не спешил предаваться скорби. Судя по тому, с какой скоростью его собственные мысли скатывались в бездну, очень скоро он и сам составит компанию главе рода в этом коллективном сумасшествии.

Он мазнул цепким взглядом по лицам присутствующих, мгновенно считывая расклад. С одной стороны - налитое дурной кровью, багровое лицо Императора, чьи желваки ходили ходуном от едва сдерживаемого бешенства. С другой - расслабленные, донельзя довольные ухмылки саривийцев, которые откровенно смаковали каждую секунду этого публичного унижения монарха.

Хранители же, молча проглотившие дерзкие выпады в адрес имперской короны, хранили безмолвие, а павирцы демонстрировали полное бесстрашие. В их расслабленных позах читалась абсолютная уверенность тех, кто уже прочитал последнюю страницу истории и знает исход всех будущих войн.

Взгляд Цины скользнул дальше и споткнулся о повелителя Вархи. Владыка шурился тяжело, по-волчьи. Так смотрит зверь, ожидавший растерзать беззащитную овцу, но внезапно осознавший, что перед ним из тьмы восстало шестилапое, клыкастое чудовище.

Властитель Вархи источал неправильную, искаженную ауру, от которой веяло хтонической жутью. Мозг Цины еще не успел облечь тревогу в слова, а тело уже среагировало: мышцы натянулись, как корабельные канаты, а древние, первобытные инстинкты взвыли о угрозе.

- Что-то не так, мой Шах, - едва слышно выдохнул Цина, подавшись к деду ровно настолько, чтобы слова растворились в воздухе, не достигнув чужих ушей.

- Знаю, - отрезал Шах глухим тоном, отсекающим любые расспросы.

Старик остался неподвижен. Ни дрогнувший мускул, ни изменившийся взгляд не выдали его внутреннего напряжения. Он продолжал неотрывно следить за залом, казалось, полностью игнорируя внука. Но Цине этого было достаточно: он безошибочно понял, что дед тоже учуял в воздухе отчетливый металлический привкус надвигающейся бури.

Артра тем временем медленно прошла взором по каждому в этом зале. Когда её взор скользнул по делегации Вархи, губы женщины тронула мягкая, снисходительная улыбка - так мать смотрит на провинившееся, непутевое дитя. Замерев посреди прохода и приковав к себе всеобщее внимание, она плавно перевела взгляд на Павиру и Триту:

- Цветы завяли, зубы показаны, - её голос прозвучал негромко, но разнесся по всему залу.

- Полагаю, настало время перейти к сути, не находите? Открывайте свитки.

Все присутствующие посмотрели на свёртки с абсолютно одинаковым выражением лиц и с одной-единственной мыслью: «А может, ну его в бездну?»

Атртра, выразительно закатив глаза к сводчатому потолку, решительным шагом миновала ступени Хранителей. Сорвав тяжелую сургучную печать со свитка с требованиями для Павиры, она эффектно взмахнула руками, швырнув край пергамента вниз. Задумка была поистине грандиозной, но реальность внесла свои коррективы.

Окованные металлом края с оглушительным грохотом брякнули о каменные плиты, и свиток, словно живой, резво покатился через весь зал длинной ковровой дорожкой, упорно не желая останавливаться. Лицо тётушки, ошарашенно провожающей взглядом эту бесконечную бумажную реку, вытянулось и стало настолько комичным, что Асгетт пришлось до боли закусить губу, спасаясь от неуместного приступа смеха. Вслед за первым свитком по каменным плитам с сухим шелестом пронеслась точно такая же простыня, предназначенная уже для Триты. Она легла параллельным курсом, усеивая пол текстом.

- И не отсохла же у кого-то рука столько... мараť бумагу, - совершенно искренне и на весь зал поразила Атртра, задумчиво рассматривая масштабы исписанного пергамента.

Однако, стоило ей опустить взгляд, как её величественная снисходительность мгновенно испарилась. Глаза женщины сначала изумленно округлились, а затем сузились, словно в этих строчках притаился её кровный враг. Яростно щурясь, она едва ли не носом уткнулась в бумагу, отчаянно силясь расшифровать убористые каракули, нацарапанные издевательски мелким, абсолютно нечитаемым бисерным почерком.

На лицах представителей Триты синхронно отразилось точно такое же глупое, беспомощное замешательство. А вот юный принц Саривии и вовсе с легким сердцем наплевал на строгий этикет. Проигнорировав предостерегающе вскинутую руку своего царя, он проворно нагнулся, юркнул прямо под тяжелый стол и вынырнул уже с другой стороны. Встав ногами аккуратно между раскатившимися свитками, он с любопытством заглянул в текст. Секунду спустя гулкую тишину зала разорвал его смех - чистый, звонкий, мальчишеский и до безумия заразительный.

- Я искренне прошу прощения, - подала голос старшая Раа'си Ра'ми, и её мягкий шёпот мгновенно разнёсся под сводами. - Не подскажете ли, любезные, чьё перо породило этот шедевр? Мы, признаться, понятия не имеем, что это за язык.

- Признаться, достопочтенная, сие безобразие и мне не под силу разобрать, - насмешливо, с легкой досадой протянула Атртра.

Сложив руки за спиной в обманчиво расслабленном жесте, она неспешно двинулась вдоль бесконечной бумажной простыни. Атртра шагала так, словно прогуливалась по весеннему саду, при этом отчаянно высматривая в море нечитаемой писанины хоть что-то отдаленно напоминающее знакомые буквы.

Асгетт нагло косилась в свиток Триты, уже прикусывая изнутри щёку, чтобы сдержать рвущееся наружу веселье. Расслабленно откинувшись в кресле, она впервые за всё время перевела взор на наследника Каменной Долины. В этом взгляде читался откровенный вызов - дерзкий, прямой, лишенный даже намека на девичье смущение.

Приемник Шаха, казалось, только и ждал этого момента. Он ответил ей улыбкой - торжествующей, дразнящей, откровенно упивающейся всеобщим замешательством. Его глаза сощурились, и из-под густых черных ресниц полыхнуло искушающее алое пламя. Желваки едва заметно перекатывались под кожей острых скул: он явно прилагал немалые усилия, чтобы не растянуть свои полные, манящие, чувственно очерченные, словно созданные для греха губы в еще более широкой ухмылке.

«Вот же змей, - прозвучало в голове, пока по её спине пробежала волна мурашек. - Откусить бы ему что-нибудь ради приличия». Разумеется, сама Асгетт ни секунды не сомневалась в том, какая именно плоть пала бы жертвой.

Строки вились по пергаменту на забытом, мертвом языке Ночи. Его тайны знали только наемники Вархи и суровые жнецы, веками делившие одну мать-тьму. Мудрецы-Хранители, зарывшись в свои бездонные архивы, несомненно, взломали бы этот шифр. Вот только на кропотливый перевод ушли бы долгие, мучительные недели. И в этом крылась гениальность плана: по незыблемым законам храма Мира, пока брошенный вызов лежал на столе, а спор считался открытым, никто из присутствующих не имел права сделать и шага за порог. Капкан захлопнулся, превратив святыню в роскошную, душную клетку.

- Мы зачитаем вслух, избавьте себя от лишних тревог, - с мерзкой, масляной ухмылкой протянул имперский советник. - Из уважения к вам мы выделим лишь ключевые пункты. Примите наши искренние извинения за это недоразумение. Понимаете, мы были уверены, что вы... ну, скажем так, не обучены грамоте. А раз так, то какая разница, на каком языке составлен свиток?

Замысел Империи шился белыми нитями. Спектакль для дураков: советник зачитает пустяковые уступки - клочки земли, квоты на ресурсы, горстку рабов взамен погибших солдат. Они бьют на то, что никто не станет гнить в этом зале ради сверки каждой строчки. На деле же в свитках крылись условия для тотального рабства Триты и Павира, а вовсе не для мира. Ловушка, в которую они должны были ступить добровольно. Неописуемо жестокие тиски, на которые Империя жаждала получить слепое согласие. Чтобы сразу после совета, заключив союз с наёмниками из Вархи, победным маршем пройти по землям врага, сея чуму и смерть. А если Трита и Павира рискнут созвать новый Великий Совет, этот свиток станет неопровержимым доказательством: враги сами подписались под своей участью.

Девять великих государств. Столько Империя уже сожрала с помощью этой уловки. Те соглашались на любой позор, потому что им нечего было выставить против ненасытного чудовища. Но у Павиры и Триты монета была другой - они пока сполна откупались сталью, всаживая её по самую рукоять в брюхо имперцев. Именно поэтому врагам пришлось так изощрённо исхитриться теперь.

Опустив глаза, Асгетт принялась неспешно, с нежностью выводить невидимые круги металлическими когтями по каменной столешнице. Тихий скрежет металла о древний камень заставил ближайших соседей поежиться.

- Хранитель, подойди, - велела она. Её голос прозвучал негромко, но настолько отчетливо и властно, что не допускал ни малейших промедлений.

Главный Хранитель неспешно спустился по ступеням, увлекая за собой длинные, шуршащие шлейфы раскатанных свитков. Коротко, по-стариковски шикнув на юного принца Саривии, топтавшегося прямо на документе, глава ордена - а в действительности само древнее божество касаритовых рек - скалился во тьме капюшона. Улыбка была настолько ликующая, что у него едва не сводило щёки. В сознании бессмертного сладким эхом отдавался мотив забытой молитвы, которую когда-то пели ему его дети:

Под сплетением древних древ

В царстве вечной немоты

Спит рогатый древний зверь

Царь преданий и черты

Души мёртвых он сзывает

И пасёт в чёрных волнах

Слог бессмертный берегает

Что чужд призрачным умам

Боже наш в веках забытый

Первый стих и корень жил

Путь во тьме глухой, сокрытой

Нам сквозь мрак ты укажи...

Тот, чьё рождение случилось на стыке первозданных эпох, знал природу каждого звука, ведь все языки рождались при нём. Неудивительно, что тайны мёртвого языка Ночи он открыл принцессе ещё в детстве. Девочка бредила безликими жнецами, а потому она поглощала знания с таким рвением, что несчастное божество уже стократ проклял свое решение. Благо, корпеть над свитками, осваивая чтение и письмо, маленькая паршивка категорически не желала.

Куда больше ей нравилось просто чесать языком. Да и чем, в конце концов, ещё развлекаться будущей правительнице? Не крестиком же на холсте вышивать, ей-богу.

- Переведи только самое интересное, о великий Хранитель, - с явной, неприкрытой насмешкой тихо скомандовала Асгетт. Изящным движением она откинула мешающие волосы за спину.

- Вот так всегда ко мне и обращайся, - донесся из-под плотного капюшона довольный шепот древнего Бога. - И руку поцелуй для приличия.

- А больше тебе ничего не поцеловать? - ехидно изогнув бровь, поинтересовалась девушка. На её губах заиграла откровенно плутовская улыбка, далекая от этикета.

- Ну не при всех же, бесстыжая, - довольно прошипел Касариту.

Он буквально упивался растерянностью и паникой, которые медленно расползались по залу от их тихой беседы. Воцарился абсолютный ментальный тупик - никто не понимал ровным счётом ничего. Сам глава священного ордена стоял скорючившись полубоком вполуприсядку у стола и увлечённо что-то втолковывал девчонке, активно тыкая пальцем в свитки.

Только представители Павиры сидели относительно спокойно. Немного окосели, правда, поглядывая на это, но вполне держали лицо. Бедняги, они же до этой минуты понятия не имели, что прямо перед ними возвышалось их собственное Божество.

- Позволено ли будет узнать, чем именно вы собираетесь заняться? - сухой, ровный голос Шаха нарушил повисшую тишину.

- Переводить собираемся, Властитель, - небрежно бросила Асгетт, скользнув по нему быстрым, оценивающим взглядом.

Старик буквально источал угрозу. Высокомерный, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, словно трещинами на древнем камне, он казался слишком красивым для своих тысячелетий. Она мысленно хмыкнула: в лучшие годы этот дедок, без сомнения, мало чем отличался от своего преемника. Порода-то одна.

Вслед за словами девушки представители Каменной Долины и Вархи разразились дружным, раскатистым хохотом, заставив имперскую свиту болезненно поморщиться. Этот смех был полон мужского превосходства. Они откровенно сомневались что её скудного ума хватит на то, чтобы распутать тайны истлевшего, мёртвого наречия.

- Я ни в коем случае не принижаю глубоких познаний почтенных Хранителей, - с изящным, едва ли не шутковским полупоклоном продолжил Шах, когда смех поутих. - Наверняка глава ордена со временем выдаст нам вполне сносный перевод. Но к чему терять драгоценные дни? Не будет ли разумнее обратиться к советам и языку «Великой Империи»? Всё же, это именно они диктовали условия советникам Вархи от первого до последнего слова.

Божество попросту проигнорировало деда. Ещё бы он тратил своё драгоценное внимание на всякие старые мухоморы! А вот неестественно добрая улыбка и дьявольский прищур властителя Каменной Долины откровенно действовали Асгетт на нервы. Не желая уступать,

она растянула пухлые губы в точно такой же притворной гримасе и сощуриив глаза до тонких щелочек, заговорила - плавно, на безупречном древнем наречии:

- Зачем мне просить о снисхождении Империю, если под боком есть «Великая Каменная Долина»? Скажите-ка мне, господин, - умышленно урезав титул великого Шаха до рядового обращения, Асгетт обвела замерших жнецов взглядом. - Во фразе «мы надругаемся над каждым жителем Павиры, от ущелья Руты до северных земель» каков, по-вашему, точный порядок действий?

Шах резко облокотился о стол, подавшись вперед, будто пытался получше разглядеть девочку. Наглая улыбка в миг слетела с его губ, и лицо старика превратилось в абсолютно непроницаемую, каменную маску.

Цина уставился на деда, словно ища спасения и умоляя сказать, что это лишь слуховая галлюцинация. Но чуда не произошло. В этот момент он предельно четко осознал: его снова где-то очень виртуозно и невероятно красиво развели.

- Я считаю огромным допущением, что здесь не указано, с кого именно воинство начнёт в первую очередь, - яд сочился из гортани Асгетт, переплавляясь в слова. - Кого же они предпочитают больше: стариков, женщин, младенцев? Или может быть, мальчиков? Будьте так любезны, расскажите о вкусах солдат, господин. Вы-то наверняка знаете.

Представители Долины окаменели. Зал заполнил лишь свистящий звук воздуха, который они яростно втягивали ноздрями. Металл на столе принял зловещий, антрацитовый оттенок, покрываясь шевелящимися, живыми тенями. Делегация Вархи заозиралась на своего владыку, но тот ответил лишь жуткой, перекошенной улыбкой. В его глазах плясала призрачная белая дымка, а взгляд обещал скорую и мучительную смерть.

«Отлично сработано, наследница. Вызверивать чужаков и наживать смертельных врагов - твоя лучшая привычка», - мысленно съязвила Асгетт, отсекая себя.

Вместо ожидаемой вспышки гнева Шах вдруг разразился хриплым, каркающим смехом, от которого у многих по спине пробежал неприятный холодок. Он небрежно обвел взглядом свою делегацию - напряженную, ошетилившуюся, словно стая гиен перед прыжком. Усмехнувшись, старик бросил им с нескрываемой подначкой, безукоризненно выговаривая слова на языке Ночи:

- Ну что, великие воины? Поведайте же девице, чего застыли?

Челюсти нервно заходили ходуном, а пальцы сжались в кулаки. Вся делегация как по команде уставилась в одну невидимую точку, упорно играя в молчанку. Никто не смел даже пискнуть. Открыто рассуждать о подобном в присутствии Шаха, да еще и после его насмешки, было бы самоубийством.

- Какие праведники, ты только погляди, - Шах с наигранным восхищением покачал головой. - Наши великие воины наверняка свято блюдут обеты безбрачия и ни в коем разе не марают руки развратом или насилием над беззащитными. Истинные святые во плоти.

Старик выдержал паузу и медленно повернулся к преемнику:

- Так, может, хоть ты просветишь нас, внук? - голос его на последнем слове дрогнул почти ласково, но в этой ласке было больше угрозы, чем в боевом кличе.

- Сдается мне, мой Шах, что отныне вкусы этих мужей сузятся исключительно до павирских прелестниц, - с приторной, обманчиво покорной улыбкой протянул Цина, многозначительно выделяя каждое слово.

- Вход строго по одному и только после окончания Великого Совета, - Асгетт манерно, с донельзя фальшивым смущением опустила пушистые ресницы. - Но при одном крошечном условии: кандидаты должны быть хотя бы немного симпатичнее, чем наследник Каменной Долины. А это, согласитесь, планка не то чтобы высокая.

Шах внезапно поймал себя на мысли, что смотрит на нее с несвойственной ему теплотой - почти по-отцовски. Эта девчонка, с ее колючим характером и нравом, определенно пришлась ему по душе.

И на удивление, оскорбление не разозлило Цину - напротив, оно разожгло в его глазах фанатичный азарт. Он шумно вдохнул сквозь зубы и покачал головой. Эта девичья дерзость ударила в голову, опьяняя сильнее любого выдержанного вина. Он медленно наклонил голову набок, ловя её взгляд из-под густых ресниц, беззвучно артикулируя губами ответное, явно нецензурное обещание и развязно откинулся на спинку своего кресла, всем видом показывая, что вызов принят.

Эта девка не из Павиры. Теперь он был в этом уверен. Понять бы только, откуда она вылезла, и как теперь залезть туда самому... Едва этот бесконечно долгий Великий Совет подойдет к концу, он выследит её. Загонит в ловушку в темных храмовых коридорах, где не будет лишних глаз. Впечатает спиной в ледяной, шершавый камень стены, намертво перекрывая любые пути к отступлению своим телом, и устроит ей допрос, позаботившись о том, чтобы она не могла воспользоваться своим даром. Долгий. Изнурительный. До животного трепета жесткий и ритмичный.

Цина уже физически ощущал это тепло, эту скользкую испарину на обнаженных ключицах. Представлял, как сдавит ладонью её горло и сквозь тонкую кожу пальцами будет ловить каждое движение - то, как её гортань судорожно, на пределе сил сжимается, пытаясь принять в себя это навязанное вторжение. И лишь иногда он милостиво будет освобождать её плененный, саднящий рот: только для того, чтобы она могла с хриплым, влажным стоном сделать вдох, и выдохнуть прямо ему в бедро ответы на вопросы, которые так сводили его с ума.

Мысли текли слишком быстро, подстегиваемые диким желанием. Медленно выдохнув, Цина превратился в оголенный нерв, безошибочно улавливая малейшие колебания в настроении собравшихся. Он физически осязал немую, kloкочущую злобу имперцев - их запечатленную в свитках речь Хранитель прямо сейчас монотонно оглашал на весь зал. Видел открытый, почти неприличный восторг Саривии: их правитель увлеченно шептался с сыном, многозначительно стреляя глазами в сторону юной девицы. Замечал и тот благоговейный трепет, с которым святые Триты едва ли не стелились перед послами Павиры.

Но всё это меркло, стоило Цине вновь перевести взгляд на правителя Вархи, а затем на брошенный на столе меч.

«Что с тобой, Владыка? Одурманили? С чего вдруг ты так покорно проглотил язык?» - билась в голове тревожная мысль. Пальцы невольно сжимались, мышцы налились свинцовой тяжестью, предчувствуя скорую кровь.

Затаив дыхание, он напряженно вслушивался в каждое чужое слово, которое эхом отскакивало от холодных каменных стен.

Глава 8

Мужчинам Павиры и Триты - кандалы и пожизненное рабство в каменоломнях. Женщинам и детям - показательное, ломающее волю насилие на площадях. Старикам - нож. Свитки, что были скреплены тяжелыми имперскими печатями, диктовали полное, безоговорочное подчинение земель, лишаящее их даже унижительного статуса колонии. Вольные земли подлежали тотальной зачистке: павирское воинство следовало выследить до последнего человека и истребить во славу Империи. Выкачать редкие ресурсы, оголить шахты, пустить по ветру пепел сожженных полей. Император жаждал видеть новый мир, укрытый саваном непрекращающихся истязаний. И это были лишь сухие тезисы, зачитанные на Великом Совете.

Цина примерно представлял, что скрывается за строчками чернил. И все же извращенная, масштабная фантазия Императора поражала. Принести подобное в святой храм, пусть даже надежно укрытое за вязью мертвого, древнего языка, граничило с абсолютным безумием. Он ни на миг не сомневался в конечном триумфе Империи: пусть война затянется на десятилетия, ее финал был предрешен. Вот только эти свитки, к величайшему несчастью для завоевателей, Хранитель умудрился перевести до последнего слова. И кажется, они теперь нажили себе лишних врагов.

Правитель Саривии с нарастающим ужасом осознал: они могут быть следующие в очереди на заклание. Он чувствовал, как под тяжелой парчой парадного одеяния по спине струится холодный пот, а пальцы, униженные фамильными перстнями, едва заметно дрожат. Чудовищные аппетиты Империи были ненасытны - эта гидра не успокоится, пока не поглотит весь континент до последнего клочка земли, перемолов его независимость в прах. Теперь стало предельно ясно: любые мирные соглашения, пакты и скрепленные клятвами союзы с завоевателями - не более чем клочки бумаги, дарующие лишь временную отсрочку перед неминуемой казнью всего его народа.

- А хер им в рот положить там не написано? - поинтересовалась Асгетт. Она даже не подняла головы, продолжая усердно ковырять ногтем камень стола.

Святотатственный вопрос был задан с такой детской невинностью, что, пожалуй, все в зале мысленно разделили её любопытство. Даже имперцы, к которым эта реплика относилась напрямую. Последние усердно делали вид, будто впервые слышат подобные требования, словно свитки подменила сама проклятая бездна.

Кула ласково погладила дочь по волосам, закрепляя эффект от её слов:

- Наверняка написано. Хранителю там всё это ещё читать до следующего полнолуния. Обещаю, когда мы доберёмся до этой строчки, выполним имперское требование в первоочередном порядке.

- Благодарю, Хранитель, этого достаточно, - оборвала его Раа'си Ра'ми.

Женщина в черном одеянии приподнялась. В наступившей тишине она властно провела ладонью по раскинутым на столе свиткам.

- Не ищите себе врагов, словно любовниц по всем углам, у вас и так их уже достаточно. И будьте осмотрительны, когда решите сойти с изломанного хребта предпоследней жертвы. Ибо последний противник, всё это время стоявший за спиной, не обременён борьбой, не опьянён удовольствием низменного соития, полон сил и чистой ярости. Он - сама пустота, облеченная в сталь.

Она устремила взор на имперского правителя. От волн чистой, необузданной силы, хлынувших от этой женщины, всем присутствующим в зале мгновенно стало дурно. В ушах оглушительно зазвенело, а воздух в один миг сделался тяжелым. Кровь бешено бурлила, будто стремясь разорвать сосуды и хлынуть наружу, оставляя на губах отчетливый привкус паники.

- Для вас игра лишь нужда, что превратилась в зависимость. Его же право на игру - то суть, рожденная из хищного первородства, что пульсирует под кожей боевым кличем. Враг, которого вы столь неосмотрительно пригнали на своей шахматной доске, скрывает лезвия под маской смирения. Как подлинный вертоградарь, он знает по именам, лицам и вкусу всё, что дышит и растёт. И терпеливо, что-бы не спугнуть, с нежностью может прикоснуться ладонью к дурной траве. Ибо истина в том, что не он её боится, а она его.

Гордо вскинув подбородок, она озвучила непреложную истину, не терпящую возражений:

- Мира на твоих условиях не будет. И лучше бы тебе помнить, Император, как твои воины подышали на собственных границах от нашей стали. И поверь, они будут подыхать так и впредь.

- И советую вспомнить о геройствах на наших границах, - подхватил Миракс. - Ни одного своего воина мы там не оплакивали. Лишь твоих. Что же до Ям - нам плевать и на нужды жнецов с их душами, и на то, что тебе больше негде развернуть работорговлю. Вольные земли останутся под стягом Павиры. Так есть, и так будет.

Лицо Императора исказила жуткая, безумная улыбка, обнажившая кривые зубы.

- А вы не забываете, что я еще даже не начинал эту войну - девять десятых моих сил всё еще ждут приказа. И кроме крови и плоти, в глубоких подземельях Империи сидят на цепях создания, чья природа куда интереснее твоей, тень Первозданных.

О жутких тварях, которых Император собирал в свою коллекцию, шептались во всех уголках континента. Однако миролюбивый владыка до сих пор брезговал спускать их на поле боя, жалея невинные жизни. В самом деле, к чему бессмысленно рвать плоть несчастных на куски, если живой товар можно выгодно продать в рабство. Поистине, безграничное милосердие и высшая степень государственного гуманизма. Но именно сейчас этот добрейшей души правитель предельно ясно дал понять: время милосердия вышло. Он готов спустить своих кошмарных зверушек с цепей. В конце концов, питомцам тоже нужно иногда размять лапы и вдоволь порезвиться на свежем воздухе.

- Оставьте души себе, мне они ни к чему. Дешевый и совершенно паршивый товар, - лениво бросил Шах, бесцеремонно врываясь в разговор. Он медленно повернул голову, и его пронизательные глаза остановились на замершей Асгетт. - Твоя дочь?

Кула напряглась. У нее и без того был отвратный характер, а от долгого пребывания в местах, где слишком много болтают, она и вовсе зверела. Когда же дело доходило до ее детей...

- Моя, - невозмутимым тоном отозвался Миракс.

И это не было ложью: он первым взял её на руки, первым поцеловал в макушку. Именно он дал ей имя, которое не успела подарить умершая мать. Пока овдовевший царь Цэссы едва соображал от горя, дядя сам баюкал дитя и искал кормилицу, способную заменить малышке родную кровь. Будучи младшим братом-близнецом погибшей, Миракс перенес эту утрату тяжелее остальных. Он поклялся любить племянницу как родную дочь - вместо Баши, и эту клятву сдержал сполна. Её он и впрямь любил больше всего на свете, даже больше родных сыновей.

- Отдать не хочешь? - произнес Шах так ровно и обыденно, точно речь шла о покупке хорошей лошади на ярмарке.

- Мы связаны пактом, Шах! - Император рывком поднялся на ноги, его голос предательски дрогнул от закипающего бешенства. - Тебе не дозволено заключать сепаратные соглашения с врагом!

- Свои обязательства в этой войне мы выполнили сполна, - Шах тоже поднялся, упираясь тяжелыми кулаками в каменную столешницу. Нависая над столом, он словно сминал Императора своей массивной фигурой и вперил в союзника тяжелый, немигающий взгляд. - А вот когда Империя соизволит выполнить свои? М-м? Вот с чего тебе следовало начинать этот разговор. И не смей диктовать мне, что я могу делать, а чего нет.

Крыть Императору было нечем. Империя откровенно тянула с обещанной помолвкой, цинично прикидывая, на чей член будет выгоднее насадить императорскую дочь, обделенную правом на престол. Точно так же казна поскупилась выплатить полную сумму за кровавую работу армии Долины. Война, которую планировали как самую молниеносную в истории обернулась для них изматывающей, непомерно дорогой бойней в грязи, где золото утекало сквозь пальцы быстрее, чем успевала сохнуть кровь на клинках врагов.

- Каков твой ответ? - голос Шаха прозвучал жестко и требовательно, не оставляя пространства для маневра и не терпя отказов.

Старик вперил в Миракса неотрывный, давящий взгляд, и эта немая, хищная зоркость выдавала в нем того, кто готов в любой момент перерезать партнеру глотку.

Цена сидел неподвижно, подперев кулаком челюсть, с интересом разглядывая деда.

«У старика точно кровля протекает», - усмехнулся он, но протестовать не собирался. Перспектива приручить эту девку манила его слишком сильно, будоража кровь порочным предвкушением. Нужно было просто выторговать её на выгодных условиях.

- Мы не продаем своих дочерей, Шах, - ответил Миракс, спокойно выдерживая тяжелый взгляд. Голос его лился мягко, словно дорогой шелк, но за этим дружелюбием скрывалась непреклонная воля.

«Расскажи это кому-нибудь другому», - мысленно хмыкнул Цина, прекрасно зная, что у всего в этом мире есть своя цена. Для него отказ Миракса был лишь началом торгов.

- Я не предлагаю банальную продажу... - попытался перехватить инициативу Шах, чуть нахмурившись и неторопливо поправив тяжелые перстни на пальцах.

- Это две крайности одной и той же сущности, - наотрез отсекла Кула, не дав ему закончить фразу.

Она подалась вперед, и в её сузившемся прищуре промелькнуло нечто настолько первобытное и зловещее, что наступившая тишина сделалась удушающе густой.

- К чему тебе девочка? - словно между делом вступил в разговор царь Саривии, откидываясь на спинку кресла и скреживая пальцы.

Для него явно не было секретом, что жнецы из-за своей крови почти не способны дать потомство от чужеродных женщин. Любое дитя от такого союза было обречено еще в утробе. Поэтому интерес Шаха сейчас выглядел крайне подозрительно - ведь девочка из диких земель не способна была принести даже того малого, что обычно ценилось в союзах: ни золота, ни статуса. Вопрос царя Саривии теперь звенел как обвинение в скрытых и опасных намерениях.

- Для созерцания. В Долине не растут красивые цветы, - произнес Шах с такой безупречной, почти правдоподобной печалью, что в нее действительно можно было поверить. - Неужто и ты захотел заполнить в свои сады столь редкую диковину?

- Мы не покупаем чужих дочерей, - ответил властитель Саривии, и на его губах заиграла снисходительная, едва ли не презрительная улыбка. - К счастью, у нас достаточно собственных.

Со стороны наблюдая за этим обменом любезностями, внутри Цины всё сильнее закипал азарт. Пока старики мерились гордостью своих государств, девка по-прежнему оставалась ничьей.

- Боги, да пусть забирает! - Артра расплылась в широкой, предвкушающей улыбке, весело зыркнув на правителя Каменной Долины: - Даром отдадим, еще и сверху приплатим, лишь бы избавиться.

Лишь привычно вздохнув, Астетт продолжила своё занятие. Родственники бы и самой Бездне её продали, исключительно ради удовольствия лицезреть, как древнее зло будет на коленях умолять о пощаде и просить забрать это чудовище обратно.

В зале на мгновение повисла оторопелая пауза: никто не ожидал, что в разгар тяжелейшего политического кризиса эта семейка начнет откровенно забавляться.

- Принесите, - словно не обращая внимания на назойливый шум, скомандовал Миракс, коротким жестом отсекая лишние разговоры.

Из тех же дверей, что впустили Хранителей, безмолвно вынырнула вереница крепких носильщиков. Они тяжело, хрипло дышали, сгибаясь под непомерным весом исполинских сундуков, накрытых тяжелым, лежащимся глубокими складками рубиновым бархатом. С глухим,

сотрясающим пол стуком они расставили свою ношу идеальным кольцом прямо в самом сердце зала Совета, у всех на виду. Медные скрепы на сундуках зловеще блеснули, заставив присутствующих податься вперед.

- Открыть, - упало в звенящую тишину короткое слово.

Стало отчетливо слышно наглое жужжание одинокой мухи, потирающей лапки где-то под сводчатым потолком. Тяжелый бархат с тихим, шуршащим вздохом спал на пол, и зал коллективно ахнул: сундуки были до самых краев набиты чистейшим Кальсом. Вместо жалких, мутных осколков внутри лежали массивные камни, пульсирующие неземной, глубокой голубизной. От этого холодного свечения, затопившего зал, тени у стен сделались угольно-черными, а воздух над сундуками едва заметно задрожал, словно от невидимого жара.

Свита, жмущаяся у стен, жадно вытягивала шеи, всматриваясь в сокровище безумными, голодными глазами. Имперские вельможи оцепенели, напрочь забыв, как моргать, а у главного советника при виде этого немыслимого богатства едва ли не капала слюна на расшитый воротник. Каждый в этом зале понимал: в сундуках лежало богатство, превосходящее горы имперского золота, - чистая, ослепительная власть.

- Ровно столько же мы даруем великой Империи сверху, если прямо сейчас на стол ляжет договор от Павиры и Триты, а вы его незамедлительно подпишете, - в голосе Миракса не было никакого торжества, лишь непоколебимая уверенность.

Собственное потрясение скрыть не удалось: Цина застыл, не в силах отвести взгляда от сундуков. Казалось, его глаза ещё никогда в жизни не распахивались так широко - до ломоты в веках, до рези, словно само зрение отказывалось принимать открывшуюся картину. В горле мгновенно пересохло, будто он разом проглотил горсть раскалённого песка, и язык прилип к нёбу, отказываясь шевелиться. Кальс выглядел живым, пульсирующим и притягательным - в его сапфировых глубинах томились настоящие души. Они перетекали и беззвучно кричали, запертые в гранях, точно насекомые в янтаре. Те жалкие крохи камня, над которыми веками тряслась казна, и близко не излучали подобной магии. Откуда у них такие залежи?

Мысль билась в черепной коробке, точно пойманная птица, и не находила ответа. За это богатство можно было купить весь мир, причём вместе с обитателями. Дважды.

Взгляд его инстинктивно метнулся к девчонке. Мозг уже пытался высчитать её новую, поистине астрономическую стоимость. Но сияние камней безжалостно развеяло его амбиции: с такими ставками ему придется просить саривийского принца войти в долю и скинуться побратски. Его личных сбережений теперь не хватило бы даже на то, чтобы выкупить право просто дышать с ней одним воздухом.

- Так что же? - Миракс выдержал паузу, медленно обводя взглядом замерших имперцев и намеренно затягивая их пытку. - Этого будет достаточно, чтобы с лихвой окупить все потери Империи?

- Достаточно, - тихо и хрипло признал Император.

Он нервно откашлялся, но его взгляд оставался намертво прикованным к пульсирующим сапфировым глубинам, отражаясь в расширенных зрачках одержимым блеском. Сияние неви-

данных сокровищ мгновенно затмило и растоптало всю его гордыню, превратив могущественного владыку в безвольную марионетку, готовую предать всё ради одного прикосновения к этим камням.

Арта плавно, с кошачьей грацией выложила на стол заранее подготовленный договор. Павира прописала каждое слово еще до того, как переступила порог храма. Трита же хладнокровно добавила свои условия под шумок, пока Хранитель усыплял бдительность зала чтением имперских свитков. Всё было оговорено, просчитано до секунды - идеальный политический капкан. И он сработал.

Император, одурманенный зовом кристаллов, даже не вчитался в текст. Один из Хранителей безмолвно шагнул вперед и, взяв с заваленного оружием стола ритуальный клинок, поднес его правителю. Дрожащими пальцами Император перехватил рукоять, без раздумий полоснул по ладони и тяжело припечатал окровавленную ладонь к пергаменту, навсегда скрепля чужую победу своей кровью.

В зал втащили новую партию кальса, при виде которой даже у бывалых воинов перехватило дыхание. На этот раз обошлись без сундуков: огромные глыбы, грубо замотанные в плотную ткань, с тяжелым, оглушительным стуком опустились прямо на столешницы, заставив затрещать массивную мебель. Но когда покровы были сорваны, зал содрогнулся от ужаса.

Под полупрозрачной сапфировой толщей пульсирующего минерала застыли имперские воины. Их лица искажала немая агония - они еще не успели до конца обратиться в камень, застряв на границе между жизнью и вечным пленом. Сквозь кристаллическую плоть зловеще просвечивали застывшие жилы и широко распахнутые, остекленевшие глаза.

Тощий советник Империи издал сдавленный хрип и в приступе панического безумия принялся судорожно срывать с собственного воротника драгоценности, словно те внезапно начали жечь ему кожу. Его пальцы в кровь раздирали дорогую ткань, а сорванные камни со звоном раскатывались по полу.

- Они еще не готовы, - негромко произнес Миракс, и на его губах заиграла тонкая усмешка, в сиянии кальса обнажив острые, неестественно белые клыки. - Придется запастись терпением. Но вы уже можете предать своих людей земле, как и завещали ваши древние обычаи.

Он медленно поднялся, его темные одежды бесшумно скользнули по полу. В абсолютной, парализованной ужасом тишине он отвесил безупречный, церемонный поклон:

- Договор исполнен. Отныне в мире нет никого богаче Императора.

Правда, теперь эти проклятые камни вряд ли кто-то решится купить. Но едва ли это было их заботой.

Император выглядел слепым к происходящему. Словно надышавшись дурманящих курений, он завороченно и абсолютно блаженно созерцал блеск сокровищ, полностью отрешившись от реальности.

Не выдержав и взорвав оцепенелую тишину, Цина жутко расхохотался во весь голос. Поднявшись с места, он торопливо стянул кожаную перчатку и прикоснулся к холодным, шероховатым граням кальяса. Его обнаженные пальцы скользили по минералу, и восторг захлестывал его с головой. У этих гениев извращенной войны определенно стоило поучиться! Они не просто заключили сделку - они заставили Императора выкупить собственную уничтоженную армию. Сработано было настолько чисто и изящно, что ему безумно хотелось захлопать в ладоши, выражая свое почтение, но тяжелый взгляд деда быстро остудил этот порыв - за подобную вольность можно было легко схлопотать по затылку.

Брезгливость определенно не входила в число добродетелей и саривийского принца. Он склонился над камнем, беспардонно цокая по нему фамильным кольцом и едва ли не обнюхивая. Его глаза горели азартом исследователя, а цепкий, оценивающий взгляд скользил по кальясу, подмечая мельчайшие трещинки и переливы света, играющие на застывшем лице мертвеца.

В этот момент оба престолонаследника, позабыв о придворном этикете и царской осанке, больше всего походили на уличных мальчишек, которые нашли на пустыре диковинную, блестящую игрушку и теперь наперебой прикидывали, как её разобрать.

- Ну что ж, раз мы все решили, полагаю, пришло время расходиться? - неторопливо произнес Миракс, обводя взглядом присутствующих.

Его взор остановился на делегации Вархи, и благодушный тон мгновенно испарился. Лицо исказила суровая, жесткая маска, а в глубине глаз вспыхнул опасный огонь:

- Мы ведь со всем разобрались, не так ли, Владыка?

- Да-а, мы всё реши-или...

Этот звук не имел ничего общего с речью и его невозможно было перепутать ни с чем, даже если слышал впервые в жизни. От этого скрежета по стенам зала с треском побежали иглы инея, а пламя факелов испуганно пригнулось к самому камню и в один миг окрасилось в грязно-серый цвет. Сердца присутствующих пропустили удар, скованные внезапной судорогой удушья, будто воздух из легких разом выкачали.

Так звучала Бездна.

Голодная пустота, лишённая света и надежды.

Правитель Вархи резко дернулся. Его голова с сухим, отчетливым хрустом наклонилась под неестественным углом, будто шейные позвонки были раздроблены в труху. На глазах у замершего зала облик владыки начал стремительно меняться. Радужки подёрнулись мутной, белесой пеленой, став похожими на бельма дохлой рыбы, выброшенной прибоем на берег. Он со свистом приоткрыл рот, точно из лопнувших кузнечных мехов вырвался воздух, и по подбородку, заливая богатый воротник одеяния, струёй потекла вязкая чёрная кровь. Она была почти смоляной, и стекала медленно, тягуче, оставляя на коже глянцевые дорожки. В то же мгновение просторный зал заполнил удушливый, тошнотворный запах - сладковатый смрад разложения.

За столом вспыхнул хаос. Присутствующие с грохотом повалили стулья, отпрянув от покойника, причем советники из делегации Вархи побледнели и попятились быстрее остальных - для них перерождение их владыки стало неприятной новостью.

Среагировав первым и рванувшись вперед, Цина со скользящим металлическим скрежетом выхватил собственный клинок с заваленного оружием стола, отчаянно призывая послушные ему тени. Чёрные сгустки тут же отозвались на зов, с яростным шипением расползаясь от его ног по каменным плитам. В этот миг он как никогда остро, до боли в каждой жиле, ощутил дикое, животное желание выжить. Но не успел он сделать и шага, как железная хватка деда сомкнулась на его запястье, будто стальные кандалы. Старик посмотрел на него тяжелым, предостерегающим взглядом, приказывая не делать глупостей.

Шах знал: против Бездны сталь бесполезна.

- Для трупа он сохранился на удивление недурно. И сколько же времени ты уже гнездишься в этой падали, дрянь? - старшая Раа'си Ра'ми даже не шелохнулась.

Её голос прозвучал ровно и бесстрастно, в нем не было ни единой ноты удивления или страха - лишь глубокое, брезгливое отвращение к существу, посмевавшему нарушить их покой. Она смотрела на изрыгающего черную кровь мертвеца так, словно перед ней сидел назойливый, грязный нищий, а не древнее зло.

Кажется, бездна бы их всех побрала, но потрясением тут и не пахло. Ни у кого. Кроме Асгетт и наследника Каменной Долины, с которым она сейчас переглядывалась, объединенная общим, на редкость идиотским чувством собственной неосведомленности. В этот миг их взгляды скрестились над столом, и в глазах обоих читалось одинаковое ошеломленное: «Ты тоже ни хера не понимаешь?».

Асгетт закрыла глаза и медленно начала считать про себя. Все. Всё. Знали.

Знали тени Первозданных, определенно догадывался хитрый Шах, знала её драгоценная родня и дорогой рогатый друг, что явно был в сговоре с её бабкой. К чему еще древнему богу переться в этом храм? О, да даже правитель Саривии, судя по его лицу, чего-то подобного ожидал! Радовало во всём этом дерьме лишь одно: на лице Императора и его делегации на пару с представителями Вархи застыла точно такая же маска шока, как и у неё самой. Ну, хвала богам. Столько недоумков на весь огромный зал - это уже какая-никакая, а армия.

На фоне этого безумия среди притихшей свиты Павиры наконец обнаружил себя истинный глава ордена Хранителей. Оказывается, Касарит его не сожрал - старик всё это время сидел в тени, вместе с двумя жрецами, и их пальцы, перемазанные ритуальным пеплом, непрерывно складывались в древние, замысловатые знаки. С тихим, шипящим гулом эти символы магией отпечатывались на стенах и полу. Такие печати использовали лишь в одном случае - когда на жертвенниках храма заживо сжигали проклятых. Теперь эти знаки намертво запечатывали все выходы, отсекая твари из Бездны любые пути к бегству.

- Да-авненько... Не-е ломай па-альцы, старик. Не-е помо-ожет, - проскрежетал искаженный голос.

Владыку Вархи разорвало на части. Без крика - его тело просто с чавкающим звуком распалось на мельчайшие фрагменты, оросив стол багровой пылью. А из лужи крови, там, где он только что сидел, полезла чудовищная в своей невинности дрянь.

Маленькие, беленькие, обманчиво облачно-пушистые создания лавиной хлынули на опешивших. Твари молниеносно впивались в их искаженные ужасом лица, как могильные черви проникая прямо под кожу. Бездна забирала тела и необратимо оскверняла сами души. Она пережевывала суть и выплевывала её обратно. Пораженные не умирали, но и живыми их назвать было нельзя - они застряли в кошмарном лимбе. Она переделывала их изнутри, паяла нервы с первобытным грехом, рождая своих покорных слуг заново.

Воздух наполнился оглушительным звоном: во все стороны брызнули снопы искр от стали, вхолостую бьющейся о прочные украшения и кости обращенных. Зрение нещадно резало вспышками наспех поднятых магических щитов. А высоко под сводчатым потолком уже зловеще за клубились, сплетаясь в единую тьму, бесплотные тени жнецов. Никто толком не понимал, что делать, но все в панике пытались хоть как-то отбиваться. Лишь крошечная группа тех, кто явно ожидал подобного исхода, работала с выверенной слаженностью.

Тени Первозданных на пару с Артрой и Мираксом загоняли дрянь в светящийся, стремительно сужающийся круг из рунических знаков. Оскверненные души, вырвавшиеся из тела, угождали прямиком в засаду. Все Хранители, божество Касарит в мантии главы ордена и матушка Кула, чья истинная форма подавляла одним своим видом, слаженно ловили тварей, направляя этот поток прямо в кальс.

«Так вот зачем они притащили сюда столько много этого дерьма. Гениальный план, но, сука, неужели нельзя было предупредить?!» — мысленно кипела от возмущения Асгетт, на четвереньках ползая под столом и в кровь отбивая колени в попытках не попасть под шальное заклинание.

С высоких сводов зала стеклянным дождем осыпались витражи, выбитые всплесками магии. Представители Саривии и Павиры отчаянно пытались вывести свиты великих домов, спасая паникующую знать от блуждающих тварей, которые явно не желали угодить в круг. Вынырнув из-под массивного стола, Асгетт перехватила два клинка, чьи рукояти, увы, больше никогда не встретятся с ладонями своих хозяев. Зато их лезвия с удовольствием встретятся с их оскверненными глотками.

Тело само вспомнило, как кружить с парными мечами - так, как когда-то учил её он. Этот смертоносный танец она не забудет никогда, как бы отчаянно ни пыталась. Отточенные до автоматизма движения на раскаленных песках пустыни ввелись в память, словно острые песчинки под нежную кожу. Шаг. Взмах. Четыре тела, отравленные Бездной, грузно рухнули на пол. И... четыре тела с омерзительным хрустом вновь поднялись на ноги. Попытка ментально залезть в их головы тоже провалилась - слугам Бездны мозги были попросту ни к чему.

У неё определенно что-то шло не по плану.

Наследник Каменной Долины резким движением схватил её за запястье, силой отшвырнув в безопасную зону за своей спиной. Единственный взмах его тяжелого клинка со свистом разрубил три тела ровно пополам. Четвёртого обращённого он с размаху рассёк поперёк. Оружие входило в плоть легко, как раскаленный нож в податливое масло. Казалось бы, после такого

колоссального урона тварям пора окончательно улечься, но те почему-то совершенно не спешили упокаиваться. Густая дымка мгновенно спаивала разрубленные куски плоти воедино, абсолютно игнорируя и откровенно насмехаясь над бесполезным железом.

- Жнец, мы в полном дерьме, - мрачно проронила Асгетт, глядя в его широкую, напряженную спину. - Я категорически не хочу умирать девственницей! Сделай уже хоть что-нибудь, чего ты застыл?

Цина обернулся и посмотрел на неё с таким непередаваемым выражением лица, будто он только что покинул первобытную пещеру и впервые в истории столкнулся с женщиной.

- Я сейчас слегка занят, - тяжело процедил он сквозь зубы, с влажным лязгом снося голову очередному заново родившемуся. - Я совершенно не против оказать тебе помощь, но давай отложим твою насущную проблему с девственностью на потом. Желательно до того момента, когда нас перестанут пытаться сожрать.

Возмущенная девица уже открыла было рот, собираясь доходчиво объяснить жнецу, что он полнейший кретин, но закончить мысль ей не дали. Шах Каменной Долины, совершенно не тратя времени на церемонии, стальной хваткой вцепился в их загривки и грубо отшвырнул назад, укрывая у относительно безопасной каменной стены. Похоже, у этого старца и его внука были одни и те же врожденные претензии на беспардонность.

В то же мгновение он вскинул руку, высвобождая сокрушительный, сметающий всё на своем пути поток магии теней. Клубящаяся тьма ураганом прошла по залу, буквально сдвигая наступающие тела обратно к границам круга. Там Кула, уподобившись огромной inferнальной кошке, на удивление нежно перехватила пастью одну из извивающихся тварей за шкуру и не обращая ни малейшего внимания на творящийся вокруг беспредел, деловито потащила брыкающуюся добычу к открытым сундукам с кальсом.

- Махать клинками толку нет. Стойте тут. - бросил Шах.

Его тяжелый, давящий взгляд красноречиво пообещал: за неповиновение он лично переломает им кости. Убедившись, что приказ усвоен, он стремительно двинулся к мерцающему магическому кругу. Но как только спина деда отделилась, Цина резко подался вперед. Он яростно впился пальцами в плечи Асгетт, жестко вталкивая её в холодный камень стены. Завораживающий танец с парными мечами он уже имел удовольствие наблюдать во время кровавой бойни на границах Павиры.

- Кто ты такая, Бездна тебя побери? - прошипел он прямо ей в лицо.

Жнец был напряжен как натянутая до предела струна и поистине дьявольски зол. Настырные, роящиеся в голове вопросы сейчас съедали его воспаленный разум куда сильнее, чем окружающая их со всех сторон смертельная опасность. В этот миг он до дрожи в руках хотел воплотить свои недавние грязные фантазии: грубо подчинить эту девчонку и устроить ей допрос прямо здесь, на залитом кровью полу.

Морок на скале, кольцо из вонючей мертвечины, её странная, чуждая магия: «сука, да откуда же ты взялась на мою голову?» - бесился он, глядя в её невозмутимые глаза и тщетно пытаясь разгадать эту чертову загадку.

- Только попробуй сделать так еще раз, и я вырву тебе кадык, - ледяным тоном процедила Асгетт. - Я понятно изъясняюсь?

Задрав голову, она с вызовом смотрела в его красные глаза, не испытывая ни капли страха. Её пальцы отбросили мечи и безжалостно сомкнулись на его запястье, а острые металлические когти легко распоролы ткань рукава, предупреждая впиваясь в кожу. Глубоко внутри неё закипала расплавленная медь, угрожая выплеснуться всепоглощающим пламенем. Девушка прилагала огромные усилия, чтобы обуздать свой дар и не сжечь этот зал вместе со всеми присутствующими к иблисовой матери.

Похотливая жажда бросить её на колени и надругаться бесследно испарилась, вытесненная инстинктом самосохранения. Цина благоразумно сдал назад, убирая руки. Дикий, обжигающий яростью взгляд девчонки заставил его побеспокоиться о сохранности собственного естества. Эта девка никогда не подчинится чужой воле. Она сомкнет челюсти, отхватит всё под самый корень и даже не поморщится, сплюнув ошметки плоти ему под ноги. Рисковать мужским достоянием ради сомнительной фантазии, да ещё и в эпицентре боя ему окончательно расхотелось.

Воздух буквально затрещал от зашкаливающего статического напряжения, заставив двоих отвлечься и резко взглянуть в гущу резни.

Очевидная истина: они вчистую проигрывали эту битву. Оскверненные души с воем бились о барьер рунического круга, яростно отвергая вечный покой в сундуках с кальсом. Изуродованные тела обращенных разрывало на части, и вырвавшаяся из них белесая дрянь множилась прямо на глазах. С бешеной скоростью она поглощала свежие жертвы взамен уничтоженных. Правителя Саривии заживо сжирали прямо на глазах у его свиты - безжалостно, словно в назидание за малейшую попытку сопротивления. Император теперь лишь жалко ползал по столу, не в силах приподнять собственную тяжелую тушу: обе его руки были вырваны, а вместо глаз зияли сочащиеся тьмой черные пустоты. Имперского советника настигла не менее страшная участь - его буквально размазало по полу, будто тело с чудовищной силой швыряли с высоты снова и снова.

Наблюдая за разворачивающимся вокруг кошмаром, Асгетт до судорожной дрожи боялась сорваться. Она страшилась потерять контроль над бушующей внутри стихией и добить тех, кто и так из последних сил боролся за жизнь. Чтобы хоть как-то удержать себя в руках, она до глубоких, кровоточащих ран вонзала металлические когти в собственные ладони.

Цина, мысленно уже похоронив и деда, и всех остальных обреченных в этом зале, нервно проведя пальцами по волосам и смахнув с лица рваные пряди, сгреб девчонку за плечо и поволок к выходу. Точнее, к тому месту, где раньше находились массивные двери - теперь они валялись на каменных плитах в виде щепок. Нужно было срочно убираться отсюда. У него не было иллюзий: если уж сам Шах, тени Первозданных и Хранители не могут справиться с этой бесконечно плодящейся дрянью, то ему там делать точно нечего.

Девчонка упиралась изо всех сил, брыкаясь и пытаясь вырваться. Здоровый прагматизм вопил, что по-хорошему эту сумасшедшую нужно оставить здесь - пусть сама разбирается с Бездной. Но какая-то иррациональная, глухая потребность не позволяла ему её бросить. Цина

просто продолжал волочь её к выходу, уворачиваясь от летящих заклинаний и на ходу рыча сквозь зубы грубые, но отчаянные уговоры не делать глупостей.

Сейчас он берег каждую каплю своей энергии и сознательно не призывал тьму, чтобы открыть портал - этот резерв сил был их единственным шансом выбраться из храма живыми. Нужно было просто выбежать наружу и уйти на безопасное расстояние - так, чтобы ни одна изголодавшаяся тварь не успела присосаться к ним, рассчитывая присоединиться в качестве незваного попутчика.

Едва добравшись до прохода, он уже мысленно прикидывал, как половчее закинуть строптивую девицу на плечо, чтобы наконец прибавить шагу. Но его планам не суждено было сбыться: он с размаху влетел в очень высокую мужскую фигуру, внезапно выросшую на пути. Отшатнувшись от неожиданности, Цина поднял голову и уставился в потемневшие, отливающие медью глаза незнакомца. В груди вдруг стало тесно, и он, кажется, на мгновение перестал дышать.

Мужчина медленно, оценивающе перевел тяжелый взгляд с Цины, крепко сжимавшего девчонку, на нее саму. Здесь, под безмолвными и строгими ликами богов, Цина интенсивно соображал, как выкрутиться. Он уже готов был вдохновенно лгать, уверяя незнакомца - а это, без сомнения, был отец девчонки, ведь только познавший счастье отцовства способен смотреть с такой смесью ярости и обреченности, - будто юная красавица сама вцепилась в него мертвой хваткой. Но под этим давящим взглядом Цина не только не разжал пальцев, а напротив - стиснул их еще сильнее. Гордость не позволила ему уступить в этой безмолвной дуэли.

- Начинайте, что встали, - скомандовал властный мужской голос откуда-то поодаль.

Взгляд Цины метнулся на звук, и он непроизвольно стиснул девчонку с такой силой, что та издала тонкий, обиженный писк.

Всего в паре шагов от них, скрестив руки на груди, стоял полуобнаженный мужчина. Его глаза были полностью залиты жидким, сияющим золотом, а черты лица с зеркальной точностью повторяли облик пищащей в его хватке девицы. Цина перевел взгляд с одного незнакомца на другого. Кто из этих двоих настоящий отец он теперь решительно не понимал.

Мужчина с медными глазами, в которого Цина врезался секундой ранее, царственным жестом прервал затянувшуюся паузу и отдал приказ:

- Кана, приступай. Дарий, на тебе принцесса.

Не успел наследник Каменной Долины до конца осмыслить услышанное, как перед ним возник черноволосый воин. Его пронзительные изумрудные глаза полыхнули холодной решимостью. Одним, не терпящим возражений движением он вырвал девчонку - оказавшуюся, ни много ни мало, настоящей принцессой - из внезапно онемевших пальцев Цины. Заслонив её широкой спиной, он уверенно увлек девицу прочь от опасного прохода. Остальные прибывшие хлынули мимо жнеца в зал, где вовсю бушевала кровавая мясорубка. На застывшего никто не обратил ни малейшего внимания: для этих воинов он, судя по всему, был не крупнее муравья, случайно затесавшегося под ногами.

За его спиной тут же раздался такой оглушительный визг тварей, что мир перед глазами на миг померк, а из ушей толчками хлынула кровь. Разум еще не успел зафиксировать эту вспышку боли, когда в лопатки тяжело ударило свирепое, обжигающее пламя. Мощная взрывная волна выбила воздух из легких и швырнула его ничком на холодные, растрескавшиеся каменные плиты, придавив к полу словно невидимым прессом. Древняя кладка не выдержала удара: своды зала с грохотом и треском оседали вниз, а некогда нерушимые стены лабиринта коридоров прямо на глазах истончались и превращались в прах, осыпаясь словно песчаные замки под натиском штормового прилива.

А затем всё стихло. Навалилась оглушительная, абсолютная тишина, в которой растворились и крики, и грохот камней.

Глава 9

В свои шесть лет юное дарование целиком легло на плечи отца. Четырнадцать отборных вояк, не робевших перед царской плахой, со слезами молили избавить их от почётной роли её телохранителей. Девчонка владела уникальным навыком: она ломала психику даже ветеранам: слабакам хватало часа, самые стойкие держались неделю. У Вхара наконец-то перестал дёргаться глаз - нерв просто сдался и отмер. Окончательно. На этом фоне Царю стало глубоко плевать на мёртвые пустоши и ядовитые болота, где его любимая доченька чуть ли не вила гнездо. Теперь дитяtko нашло себе ещё одну забаву: виртуозно испаряться из-под носа охраны и шляться по бескрайним пескам.

Вот только пустыня казалась безжизненной лишь на первый взгляд. Там обитали создания, чей уровень коммуникации сводил на нет любые таланты девочки. У местных обитателей напрочь отсутствовал как речевой аппарат, так и чувство юмора - они предпочитали жрать жертв в неловком молчании и без долгих прелюдий.

И призвал царь воина, чьё имя было Кана. Тот был выходцем из проклятых, забытых богами земель на самом краю пустошей - места, где из зыбучих песков, словно из штормовых морских глубин, с хриплым клёкотом выныривали исполинские буревестники, пожирающие всё живое.

Кана не имел ни дворянского герба, ни родословной, но равных ему в бою не существовало, и вряд ли они скоро появятся на свет. Непревзойденный. Смертоносный. Его дар внушал ужас: одного лишь тяжелого взгляда хватало, чтобы с треском переломать врагу кости, порвать натянутые сухожилия или раздавить сердце невидимым кулаком прямо в грудной клетке. Он казался воплощением первозданного хаоса, запертым в оболочке абсолютно безразличного молчаливого бойца. Вхар добрых три десятка лет был свято уверен, что этот воин немой от рождения. Кана никогда не задавал вопросов, не ведал страха и приступал к исполнению приказов ещё до того, как царь успевал закрыть рот, без тени сомнения марая руки в самой черной и кровавой грязи.

Именно поэтому сейчас перед Каной маячила должность главнокомандующего личной, элитной гвардией царя. Цена вопроса? Всего-то взять под свою безраздельную ответственность единственную царскую дочь. Сущие пустяки, всё равно что плюнуть в разинутую, полную бритвенно-острых зубов пасть буревестника. Воину был нужен этот статус. Царю же позарез требовался монстр, у которого не поедет крыша от выходов его милого ребёнка.

Кана жил уже больше тысячи лет. Ни дома, ни жены, ни потомства. Казалось, у этого древнего воина атрофировались любые потребности, кроме слепого служения. Однако Вхар не зря носил свою корону: царь был дьявольски хитёр и проницателен. Он довольно быстро выяснил, что его, казалось бы, неприступный боец, питает тайную, но пылкую страсть к дочери главы второго по величине и богатству рода в Цэссе, которая к тому же приходилась монарху двоюродной племянницей.

Чтобы назвать такую высокородную женщину своей, Кане отчаянно нужны были реальная власть и громкий титул. Ни один здравомыслящий отец не отдаст свою привыкшую к немислимой роскоши дочь простому наёмнику. В этом прагматичная Цэсса разительно отли-

чалась от остального Венца, где знатных дочерей готовы были отдать хоть пустынному скарабею, лишь бы тот согласился взять их в жёны. Но вот главнокомандующему, добившемуся исключительного личного расположения Вхара и ставшему официальным опекуном будущей властительницы, девушку отдадут без малейших раздумий. Более того, её семья почитает такой союз величайшей честью.

К исходу третьей недели, когда все дикие выходки разбились о глухую стену его равнодушия, у Асгетт случился настоящий диссонанс. Кана не реагировал на провокации, не отвечал на тысячи изматывающих вопросов и оставался лишь безмолвной тенью за её спиной. Очень большой тенью. На него не действовало вообще ничего. Асгетт всё чаще ловила себя на мысли, что если начать отрезать ему конечности, воин не только не издаст ни звука, но даже не поместится в лице.

На третий месяц до Асгетт дошло, что её излюбленный трюк с побегом тоже больше не работает. Кане не нужно было гоняться за ней по барханам - он останавливал беглянку на полном ходу одним лишь взглядом, даже не поднимая руки. Этот ходячий монолит позволял ровно то, что было санкционировано Владыкой. Ни шагу влево, ни шагу вправо. Эскорт до токсичных касаритовых рек и немедленная конвоировка домой. Шалости официально закончились, уступив место суровой армейской дисциплине.

Спустя год слегка подросшее и набравшееся ещё большей наглости дитя всё-таки ухитрилось улизнуть, желая воочию узреть пустынных тварей. План был идеален, вот только Кана отыскал беглянку неприлично быстро и попросту приволок обратно во дворец за шкуру.

Вхар балансировал на грани инсульта, но старался не орать. Видят боги, очень старался. Бить любимое чадо он не мог физически, но царский гнев требовал выхода, и вся его тяжесть обрушилась на того, кто «не уследил». Девочка начала пакостить с удвоенной силой, назло своему надзирателю, но Кана лишь молча и равнодушно принимал экзекуции за это хитрое создание. И его тактика сработала.

К восьми годам в капризной детской головке внезапно случился приступ эмпатии и зашевелилось нечто похожее на совесть. Малышка вдруг осознала, что если она продолжит в том же духе, её личная нянька скоро попросту останется без головы. Резонно рассудив, что этот телохранитель, в общем-то, не так уж и плох, юная интриганка сменила гнев на милость и свернув боевые действия, начала прощупывать почву для переговоров.

Договариваться с тем, кто молчит, оказалось той еще задачей. Поэтому Асгетт пошла на хитрость: уговорила отца назначить Кану не только телохранителем, но и её личным наставником, наивно полагая, что звон стали заменит им слова.

Вот только Кана оказался на редкость дерьмовым собеседником: он бил очень больно. Воин сражался парными мечами, раз за разом заставляя свою подопечную буквально жрать песок. Асгетт, до этого свято верившая в свою гениальность, быстро смекнула, почему раскидывала прошлых учителей - те до дрожи в коленках боялись поставить синяк дочери самого царя. Кана же не боялся вообще ничего. Зато именно этот беспощадный ублюдок заложил в неё ту самую базу, вбил на уровне рефлексов нужные движения и звериную реакцию, которая отличает живого воина от мертвого.

В десять лет Кана впервые позволил Асгетт выйти в настоящие пески. И впервые заговорил. Девушка буквально подскочила от неожиданности. Его голос прозвучал подобно ветру, рождённому на скалистых вершинах. В нём не было суеты - лишь бескрайний, пугающий своей глубиной простор. Низкие ноты рокотали, точно далёкий гул в ущельях, выдавая первозданную, стихийную мощь. Каждое слово лилось свободно, перетекая из глухого, завораживающего шёпота в уверенный рокот. Это был голос того, кто привык говорить с самой тишиной, - прохладный, властный, подчиняющий мысли и заставляющий вслушиваться в каждый обертоны, словно в затишье перед великой бурей.

- Будешь витать в облаках - в этой пустыне и подохнешь, принцесса.

Такова была его первая мудрость, высказанная ровно в тот момент, когда он буднично добивал мечом клыкастую тварь. Ту самую тварь, которую девочка наивно сочла почившей и как раз собиралась через неё перешагнуть.

С того момента всё наконец-то встало на свои места. Нет, Кана всё так же предпочитал молчать. Но Асгетт внезапно открыла для себя особую, завораживающую прелесть этой тишины. Она научилась ценить безмолвие ночной звёздной пустыни, когда весь мир вокруг словно замирал, сидя у потрескивающего костра. Ей нравились их долгие, понимающие переглядки сквозь танцующее пламя, в которых читалось больше, чем в любых словах. Нравились игры в карты и его редкие, но меткие ответы на её колкие шутки, от которых на лице разливалась искренняя улыбка. Она могла рассказать ему о любых переживаниях, не боясь услышать осуждения или пустые наставления. Могла уснуть в его тяжелом, пахнущем костровым дымом плаще прямо на остывающих песках, зная, что он чутко будет охранять её сон до самого рассвета. В этом молчании родилось нечто большее, чем просто привычка - там зародилось абсолютное, непоколебимое доверие.

Царь был в абсолютном восторге от того, что ему больше не нужно регулярно пороть своего лучшего воина. Казалось, за время этих экзекуций он настолько привязался к стоическому стражу, что почти признал в нём собственного сына. Теперь Кану в обязательном порядке таскали на семейные обеды. Он присутствовал на них с мрачным энтузиазмом приговорённого, идущего на эшафот, но Царь был непреклонен. Вхар резонно объяснял, что к высшему обществу нужно привыкать: на носу была помолвка, а там многочисленная и напыщенная родня невесты живо присядет на голову, если не уметь правильно держать вилку.

Перед ним теперь распахивались любые двери, на него щедро, словно из рога изобилия, сыпались богатые земли и громкие титулы. Но, как известно, любой белой полосе свойственно заканчиваться резким, сокрушительным обрывом.

Отдельного внимания заслуживала Ульра, без пяти минут законная жена Каны. Кузина Асгетт никогда не отличалась кротостью: эта тщеславная особа и прежде смотрела на принцессу свысока, демонстративно плюя на субординацию. Она намеренно закрывала глаза на то, что Асгетт - не просто родственница, а будущая единоличная Властительница, чей трон Ульре никогда не суждено было занять. Подобная наглость сходила ей с рук благодаря негласному покровительству бабки принцессы - Моры. Та питала к внучке лютую ненависть, превосходящую даже неприязнь к её покойной матери и бабушке, царице Виссе. Мору приводила в бешенство сама мысль о Венце, чьим покорным княжеством Цэсса должна была стать после восшествия Асгетт на престол.

Впрочем, царь Вхар быстро пресёк эти дворцовые игры и жестко указал своей матери её место. Защищая дочь, которую он любил до безумия, Вхар не моргнув глазом отправил бы на плаху саму прародительницу. Но Мора всё же успела нанести удар исподтишка: именно она уничтожила былую дружбу между Асгетт и Ульрой, вырвав с корнем любые теплые чувства между кузинами. Мелкая, но болезненная месть удалась. Теперь же Ульра, став невестой главнокомандующего, регулярно капала сладким ядом сомнений на сердце жениха. И это сработало: Кана под благовидными предложениями самоустранился от обязанностей личного телохранителя принцессы. Отныне они виделись лишь в протокольной суете официальных собраний или в блеске шумных пиров. И там великий полководец, не раз бросавший вызов самой смерти, с болезненной тоской опускал голову, не смея встретиться взглядом с той, кого клялся защищать.

Однако подлинная точка кипения была пройдена в день тринадцатилетия Асгетт. Именно тогда угловатый, нескладный подросток начал стремительно расцветать, на глазах изумленного двора превращаясь в девушку поистине гипнотической, царственной красоты. Её очарование мгновенно затмило всех признанных красавиц во дворце, и этого хрупкое, раздутое непомерной гордыней эго Ульры вынести не смогло - оно дало трещину. Не выдержав даже воображаемой конкуренции с подрастающей кузиной, взрослая невеста окончательно потеряла лицо и сорвалась в полномасштабную, неконтролируемую истерику, обнажив свою истинную, завистливую натуру.

Спустя годы Асгетт уже никогда не сможет вспомнить дословно всю ту омерзительную грязь, что выплеснула на неё кузина, подкараулившая её в неосвещенном коридоре дворца, пока в тронном зале гремел разгар её же собственного праздника. Но в память, словно раскаленным тавром, въелись слова про её шлюху-мать, которая когда-то нагло, бесчестно увела Царя из-под носа истинно достойной, благородной женщины. В мозг навсегда врезалось презрительное змеиное шипение о том, что будущая Царица - всего лишь жалкая чужачка. Ей никогда не стать истинной дочерью огня и песка, и её законное место - там, под подолом бабки в далекой Ца'трии, откуда таким выродкам лучше вообще не высываться.

Но самым сокрушительным ударом, прозвучавшим с брезгливой, уродливо искаженной от злобы ухмылкой, стало заявление: Асгетт - лишь капризная, избалованная пустышка. Вся её расцветающая красота это дешевая пыль в глаза, скрывающая абсолютную пустоту. А позорное отсутствие истинного родового дара, той самой магии, что испокон веков передавалась исключительно первенцам первенцов, является неоспоримым, словно выжженным на её судьбе клеймом. Эта никчемная девка по самому праву своего рождения не достойна ни носить тяжелую корону Цэссы, ни осквернять своим существованием имя их великого, древнего рода.

Ульра резко подалась вперед, хищной птицей нависая над девочкой, и с безжалостной силой вцепилась в волосы Асгетт, до хруста в шее рванув её голову назад. Грубо заставив ошеломленную принцессу смотреть себе прямо в глаза, она с откровенным садистским наслаждением, словно выплевывая каждое слово в замершую от шока жертву добавила, что Кана люто ненавидит свою бывшую бестолковую подопечную. По её словам, он терпел эту мелкую гадину исключительно ради любви к своей ненаглядной невесте и сохранения высокой должности при дворе. Судя по этой исповеди, вечно молчаливый защитник оказался на удивление разговорчивым в жарких объятиях любимой, делясь с ней каждым секретом и высмеивая слепую, наивную привязанность юной принцессы.

На самом деле кузина просто изнывала от ревности и панически боялась, что тысячелетний воин однажды проникнется чувствами к стремительно расцветающей царской дочери и навсегда забудет свою нынешнюю избранницу. Асгетт прекрасно видела этот жалкий, разъедающий душу страх, а потому хранила молчание: к чему что-то доказывать той, что уже проиграла схватку в собственной голове? Но обезумевшая от этого высокомерного игнорирования и опьяненная мнимой безнаказанностью, Ульра решила пустить в ход свой дар. Ей отчаянно хотелось напугать, возвыситься и наглядно показать, где место таким бездарным пустышкам. Душная, тяжелая буря её магии невидимой волной хлынула в коридор, безжалостно перекрывая кислород.

Однако даже поистине царскому терпению приходит конец. Вместо ожидаемых слез, паники и жалких мольб, Асгетт со всей скопившейся яростью ударила кузину по лицу. Удар оказался настолько сильным и неожиданным, что Ульра с глухим стоном повалилась на каменный пол, жалко и нелепо путаясь в подолах своего роскошного пышного платья.

Кана влетел в отдаленное крыло подобно разрушительному урагану. Его звериное чутье первым уловило всплеск такой знакомой силы. Ульра, мгновенно сориентировавшись в ситуации, картинно залилась горячими слезами. Она судорожно прижала дрожащую ладонь к пылающему, стремительно опухающему лицу. Виртуозно прикидываясь несчастной, совершенно беззащитной жертвой, она с тихим, надрывным всхлипом бросилась к будущему мужу и уткнулась лицом в его широкую грудь, прерывисто шепча слова жалобы. А глубоко внутри неё уже расцветало торжество: она не испытывала ни малейшего страха. Что ей посмеют сделать? Кому вообще поверят в этом змеином гнезде? Неужели взбалмошной девчонке-полукровке, рожденной от ненавистной чужачки, которая одним своим существованием раздражала весь двор? Или же безоговорочно отдадут предпочтение ей - идеальной аристократке, безупречной дочери и истинной гордости одного из величайших домов Цэссы?

Только вот Ульра немного просчиталась в масштабах катастрофы. Совершенно не желая разбираться в случившемся, Кана в то же мгновение вынес свой безапелляционный приговор: капризная гадина просто решила избавиться от его невесты, не желая отпускать от себя свою живую, покорную игрушку.

Многовековой панцирь абсолютного равнодушия раскололся. Идеальный солдат сорвался, в одну секунду превратившись в ослеплённого яростью палача. Он ударил Асгетт наотмашь с такой животной силой, что на нежной девичьей скуле мгновенно раскрылось глубокое, кровоточащее рассечение. А в следующее мгновение он жестоко схватил тринадцатилетнюю принцессу за горло. Больно сжав на её шее свои железные пальцы, Кана вздернул девочку вверх, заставляя смотреть прямо в свои налитые кровью глаза. Его разрушительный дар буквально рвал её изнутри на части: кости с жутким, тошнотворным хрустом смещались под кожей, а сердце мучительно сжималось в невидимых стальных тисках, готовое вот-вот разорваться от невыносимой, всепоглощающей боли.

Она молча смотрела на него, задыхаясь от отчаяния. А в его прежде красивых глазах цвета золотистого, согретого южным солнцем миндаля, сейчас плескались лишь чистое отражение и неприкрытая ненависть. Этот некогда теплый, родной взгляд, всегда даривший ей чувство абсолютной безопасности, теперь стал для неё безжалостным подтверждением каждого слова кузины. И в этот миг Асгетт поняла: её верный страж убил бы её прямо здесь, даже не дрогнув.

Но в это мгновение случилось то, чего не предвидел никто.

Древний, дремавший в крови дар не нуждался в приказах, когда жизни носительницы угрожала смерть. Раскаленный, ревущий первозданный огонь магмой хлынул по венам, впервые в полный голос заявляя о себе. Он неоспоримо демонстрировал, чьим дитя она является по праву рождения, и где на самом деле место всем остальным. Ослепительная, необузданная стихия вырвалась наружу сплошной стеной пламени, с чудовищной силой отшвырнув некогда верного стража и зазнавшуюся кухню прямо в массивную каменную колонну. Сухой, отчетливый хруст ломающихся рёбер мгновенно потонул в оглушительном гуле безумного огня. За считанные секунды стихия жадно набросилась на роскошные интерьеры дворца, буквально выжигая дотла и безжалостно стирая всё крыло с лица земли. И в этот миг что-то внутри девочки безвозвратно надломилось, навсегда уступая место холодной стали.

Тяжёлый, судорожный вдох до краев наполнил легкие едкой гарью. Рванный выдох со свистом вырвался сквозь плотно стиснутые зубы.

Мерный стук кованых сапог царской гвардии уже эхом разносился по задымленным дворцовым коридорам, неумолимо приближаясь к эпицентру катастрофы.

Она медленно выпрямилась среди бушующего пожара и была абсолютно готова ко всему, что последует дальше.

Сжавшись в комок в задымленном углу, Ульра с опозданием осознала всю глубину пропасти, в которую только что рухнула. Иллюзии рассеялись, обнажив страшную участь, ожидавшую их. Игры закончились. Придворные интриги и статус древних родов больше не имели веса. Здесь, на пепелище, решать будет только Царь. И кому же поверит Вхар? Какой-то девице из боковой ветви своего рода, или родной, до безумия любимой дочери-наследнице, на которую только что было совершено покушение и в которой только что пробудилось истинное пламя? Ответ был очевиден: разъяренный отец не побрезгует ничем. Он лично, безжалостно вспорет сознание и ей, и Кане, по капле вытягивая абсолютную правду из их изломанных разумов. А после - просто снесёт им головы, ни на секунду не побоявшись последующих скандалов. Их казнят. Обоих. Унизительно, на глазах у всего двора.

Наверняка в этот миг кухня бы с рыданиями приползла в ноги Асгетт, униженно умоляя о пощаде, если бы липкий, первобытный ужас окончательно не парализовал её тело, а сломанные ребра позволили сделать хотя бы один судорожный вдох.

Как жаль, что эта обгоревшая сука сейчас не могла произнести ни слова - из её горла вырывался лишь жалкий, сиплый и кровавый хрип. Асгетт очень уж хотелось послушать, какую изошренную ложь она попыталась бы спеть её отцу. Пока процессию конвоировали в тронный зал на потеху ошеломленным придворным, принцесса, едва переставляя дрожащие ноги, лелеяла в затуманенном болью уме одну-единственную фразу: «Капризная, избалованная пустышка? Что ж... пусть будет по-вашему».

Она никогда не лгала отцу и не опускалась до жалоб. Хотя пожаловаться, видят боги, было на что. Асгетт окинула холодным, презрительным взглядом кухню, скулящую у подножия трона от боли в сломанных ребрах, а затем перевела глаза на своего бывшего стража. Тот не попытался открыть рот в свою защиту, не издал ни единого звука. Он просто ждал, когда, по его мнению, эта капризная, мстительная гадина наплетет Царю с три короба, извра-

тив все факты, чтобы окончательно растоптать честь его невинной невесты и его собственную гордость великого воина, лишь защищавшего свою любовь. Кана покорно ждал неминуемой казни, обреченно опустив голову и невидящим взглядом уставившись в мрамор пола. Глядя на этого сломленного героя, Асгетт почувствовала, как внутри, под наспех возведенной броней, что-то болезненно дрогнуло. Неприятно, тягуче и невыносимо горько. И тогда, шагнув к отцу, она впервые в своей жизни солгала.

На немой, полный шока и закипающей ярости вопрос владыки она надменно вскинула подбородок и ответила, что вина за этот погром целиком лежит на ней. Асгетт ледяным тоном заявила: её высочество просто вывело из себя то, что какая-то неуклюжая невеста, витающая в облаках предстоящего торжества, посмела случайно толкнуть её в тесном коридоре. Жестко отрезав, что извиняться за такую нелепую глупость и минутную вспышку гнева она не собирается, принцесса развернулась и гордо покинула тронный зал под перепуганные, судорожные перешептывания замершей толпы. Маска капризной дуры села на её лицо идеально, не оставив ни единого зазора. Она их пожалела.

Владыка отнюдь не был идиотом. Во всем огромном дворце отродясь не было тесных коридоров. Он прекрасно видел и рану на лице и то, что дочь откровенно лжет. Древняя магия крови никогда не пробуждается от банальной девичьей обиды. И как бы капризна ни была его наследница, до такого безумия ещё не доходило - никто в здравом уме не станет обращать целое крыло в дымящийся пепел из-за пустякового толчка в плечо.

Едва сдерживая гнев, готовый прямо сейчас вырваться наружу и устроить ещё один разрушительный пожар, Вхар молча проводил взглядом прямую, но измученную спину дочери. Тонкая, мрачная ухмылка тронула его губы, когда до него дошел истинный смысл её публичного милосердия. Что ж, иногда оставленная жизнь оборачивается самой изощренной пыткой. Пусть будет по-твоему.

.....

Асгетт бежала без оглядки, не разбирая дороги, пока не достигла самой границы мёртвых пустошей. Лишь оказавшись у обрывистого берега ядовитых черных вод, она позволила себе окончательно сдаться. Девочка рухнула на холодную землю и зарыдала в голос, отчаянно выплескивая невыносимую физическую боль, разрывающую тело, и жгучую, отравляющую обиду. Она кричала так громко и надрывно, что даже души в реке на миг засомневались в масштабах собственных печалей и страданий. В ответ на этот зов абсолютного отчаяния из бурлящей темной воды соткалось древнее божество. Огромный, пугающий других, но такой родной для нее друг не произнес ни слова. Он просто тяжело опустился рядом и свернулся гигантским клубком в точно такой же позе, что и плачущая навзрыд девочка. Отрезая её от жестокого мира, он надежно укрыл её от колючего ледяного ветра и лживых предателей. Под этой нерушимой, дышащей мистической броней Асгетт провела долгих пять дней, исцеляя растерзанное тело и в тишине выковывая себе новую душу.

Царица Висса и царь Вхар подняли на уши всех, кто был способен держать оружие, и сами, обезумев от отчаяния, сутками бродили по мертвым землям в поисках единственной наследницы. Но когда беглянка наконец явилась, от прежней девочки не осталось и следа. Она хранила молчание, абсолютно игнорируя всё вокруг: и панические расспросы, и ласковые слова. Там, на берегу черной реки, она навсегда утопила свою ненависть, пустые тревоги и наивные детские привязанности. Это был первый и абсолютно последний раз в её жизни, когда будущая правительница позволила себе жалкую слабость слез. Она усвоила главный урок: доверять можно лишь собственной тени и холодному рассудку.

Отец, который до этого старательно избегал визитов в Ца'трию, чтобы не беречь болезненные воспоминания о покойной жене, теперь с завидным усердием бросал государственные дела и мчался к дочери. Он невыносимо по ней скучал. Но с того рокового дня и за все последующие годы нога наследницы больше ни разу не ступила на земли его владений. И это несмотря на то, что теперь поток раболепной лести и трусливых заискиваний перед ней не знал бы границ. Бескрайняя пустыня с её ночными хищниками и россыпью равнодушных звёзд, вычурная роскошь и богатство царского дворца - всё это навсегда утратило для Асгетт смысл, вызывая лишь отвращение. Она навсегда стерла из памяти образ своего стража, которого когда-то наивно считала своей семьей. Пусть будет счастлив. Сохранив им жизнь, она выплатила свой последний долг за годы его безмолвного терпения рядом с капризной гадиной. В конце концов, цинично рассуждала Асгетт, возможно, она и сама стерла бы всё в порошок ради того, которого по-настоящему полюбит. Если сможет.

Она возненавидела пышные пиры, где золотые огни свечей фальшиво плясали в гранях хрустальных бокалов, а спертый воздух густел от ароматов жареного мяса, пряных вин и тяжелых, удушливых духов. С параноидальным подозрением Асгетт следила за каждой знатной девицей, что заискивающе пыталась втиснуться в узкий круг её приближенных, и за каждым придворным мужчиной, чьи льстивые комплименты лились слишком гладко и сладко. Отныне будущая властительница усвоила ещё одно, нерушимое правило: у каждого в этой иерархии есть своё место, строго отведенное и не подлежащее никаким изменениям. Все они - лишь её подданные, и не более того. Она прекрасно знала, что за любой, даже самой искусной маской обожания и преданности всегда может скрываться корысть, банальная черная зависть или отчаянное, грязное желание возвыситься за её счет.

Всем сердцем Асгетт возненавидела и собственный дар, совладать с которым была совершенно не в силах. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: чтобы подчинить себе столь разрушительную стихию, нужно было сначала принять её и попытаться искренне подружиться. Но заставить упрямую девчонку пойти на компромисс со своей силой не мог никто, как бы ни изошрялись учителя. Чувство вины за чужую боль - пусть даже эта боль была тысячу раз заслужена - погасило в ней любое желание вновь взывать к дремлющей в венах огненной крови.

Мудрая правительница Ца'трии не стала растравливать свежие раны лишними расспросами и наставлениями. Она прекрасно понимала: на всё нужно время. Вместо пустых слов утешения бабушка вручила ей бесценный подарок - морок. Надевая его, Асгетт полностью стирала свою царственную личность, превращаясь в безликую тень. Это позволяло ей свободно блуждать в компании древнего божества по самым опасным и неизведанным землям, изучая суровый мир без оглядки на свой высокий титул.

Вскоре правительница приставила к внучке и нового наставника - Дария. Их обучение на пыльном полигоне строилось предельно просто: принцесса изматывала себя до кровавых мозолей и непрекращающейся дрожи в мышцах. Лёгкие парные мечи, хранившие память о бывшем защитнике, были безжалостно отброшены в самый темный угол оружейной. Теперь её неизменным спутником стало копье - холодное, тяжелое, требующее не эмоций, а абсолютной, смертоносной точности. Каждый её выпад оттачивался до идеала, превращая боль в боевую грацию.

В своих словах Дарий всегда оставался предельно аккуратен, а в поступках - абсолютно безупречен. Будущий князь с тихим, ненавязчивым упорством день за днем пытался растопить лед, сковавший душу девочки. Асгетт напоминала ему вздыбившуюся снежинку: такую же колючую, бесконечно острую и готовую безжалостно ранить любого, кто рискнет подойти слишком близко. Дарий прекрасно понимал природу этой агрессии. Он не лез в душу с пустыми разговорами, не требовал немедленных ответных чувств и не ждал благодарности - он просто неизменно был рядом, как надежный щит. Этому молодому воину совершенно ничего не было от неё нужно: ни громких титулов, ни власти. Но за одну лишь её мимолетную, скупую улыбку он, не задумываясь ни на секунду, был готов отдать всё, что имел, - вплоть до последнего вздоха.

И всё же брошенная кузиной фраза про «капризную, избалованную пустышку» въелась в память, не давая покоя ни днем, ни ночью. Кана наглядно, с особой жестокостью доказал ей эту отвратительную правду жизни: безупречная внешность и золотой венец - не более чем удобные инструменты, на блеск которых слетаются стервятники всех мастей. Искренне любят не за титулы, а за то живое, что бьётся и горит глубоко под рёбрами.

Так что же в тебе есть, кроме капризов, маленькая гадина?

Глава 10

Сидя прямо на засыпанном обломками полу полуразрушенного храма, Асгетт баюкала на коленях жнеца, временно потухшего от сокрушительного удара стихии. Бедолаге знатно досталось. Впрочем, сам виноват - зачем было, как идиот, застыть посреди прохода?

Ей и самой сейчас было крайне отвратно, что уж таить. В ушах стоял противный звон, мышцы ныли от напряжения, а во рту скрипела каменная крошка. И лишь Дарий на этом празднике смерти смотрелся как изощренная издевка богов и выглядел так, точно только что покинул королевские купальни. Безупречно красив, ухожен и начищен до парадного блеска. Даже едкая серая пыль, сыпавшаяся сверху густым снегом, казалось, благоговейно облетала будущего князя стороной, признавая его неоспоримое превосходство.

Асгетт же было абсолютно плевать на собственный внешний вид. Руки и ноги не оторвало, кости вроде целы - уже великое благо, а о сохранности собственной головы она и вовсе не беспокоилась, с мрачной иронией рассудив, что сотрясать там особо нечего. Наставник молча накинул на её плечи свой тяжелый, тёплый плащ и по её безмолвной просьбе оттащил бесчувственного жнеца чуть дальше в тень, подальше от гуляющего сквозняка и оседающей пыли.

Всматриваясь в его умиротворенные черты, Асгетт разрывалась от двух полярных желаний: прибить этого дьявольски красивого придурка прямо здесь, чтоб больше не мучился, или всё-таки пожалеть. Редкий, эталонный и непроходимый дурак. Просто до невозможности.

Она даже не пыталась заглянуть в зал Совета, который всего за несколько минут превратился из Великого в груды дымящихся развалин. Оттуда всё ещё тянуло удушливой гарью, а где-то в глубине с глухим стуком осыпались почерневшие остатки каменной кладки. На то у неё было три веские причины.

Во-первых, там, среди обломков, сейчас находились её дед и отец. Когда эти двое - тесть и зять - сходились на одной территории, от их искрящейся взаимной любви тошно и страшно становилось абсолютно всем. Даже самой Бездне, судя по тому, как стремительно та поджала хвост и благоразумно взнуздась. Да упокоит милосердный Касарит все несчастные души, которым не посчастливилось оказаться с ними в одном помещении.

Во-вторых, девушка ни на миг не сомневалась: после того, как отец выпустил своё всепожирающее пламя, смотреть там было попросту не на что.

Но была и третья, самая главная и болезненная причина, приковавшая Асгетт к месту и заставившая её снизойти до возни со жнецом. Там, в этом выжженном зале, находился её бывший защитник. Только вот...

.....

Из свиты выжили буквально единицы. Из представителей делегаций - и того меньше. Твари, вырвавшиеся из Бездны, оказались с претензией и принципиально жрали верхушку власти. Всю эту мрачную статистику Дарию сейчас монотонно докладывал Кана. Главнокомандующий Цэссы почему-то решил покинуть место бойни и теперь маячил прямо перед глазами Асгетт, безбожно действуя ей на нервы. Он пытался притвориться незаметной сорной травой, тихо шелестя словами отчета. С его внушительным ростом и широченными плечами притвориться травой было крайне проблематично, но он отчаянно старался.

Асгетт же искренне не понимала следующего: зачем он вообще притащил сюда свои тела, и с какой стати прославленный главнокомандующий армии Цэссы сейчас так покорно, словно новобранец, отчитывался перед Первой Сталью Просторов?

Всё это её жутко раздражало. А стоило раздражению переполнить и без того мелкую чашу терпения, как внутренние засовы у девушки окончательно срывало. В такие моменты она решительно и без всякого стеснения начинала выдавать отборные гадости.

- О, надо же... так ты не помер? - притворно удивилась Асгетт, презрительно оглядев воина с ног до головы, после чего демонстративно перевела взгляд обратно на потрепанного жнеца. - А я-то краем уха слышала, что на днях в чёрных песках прошёл кислотный дождь и подчистую выкосил весь местный выводок шакалов.

Кана мгновенно запнулся на полуслове. Он явно не ожидал, что принцесса удостоит его своим вниманием.

- Спасибо за беспокойство, ваше высочество. Меня чудом не зацепило, - сухо процедил он.

Выдавив из себя до скрежета зубов вежливый поклон, воин поспешил отвернуться. Он с подчеркнутой невозмутимостью продолжил докладывать обстановку Дарию. Последний, к слову, даже не пытался скрыть тихую, понимающую улыбку, с явным удовольствием наблюдая за этой короткой перепалкой.

«Надо же, какой разговорчивый стал, - мысленно фыркнула Асгетт, сверля тяжелым взглядом широкую спину главнокомандующего. - Семейная жизнь определенно идет тебе на пользу, шакал».

Её наметанный взгляд тут же выхватил одну любопытную деталь: массивные золотые эпюлеты, всегда украшавшие плечи главнокомандующего, бесследно исчезли. Асгетт тут же мысленно одёрнула себя. Чужие проблемы её царскую персону волновать совершенно не должны, тем более сейчас.

Вернув всё внимание бесчувственному жнецу, она низко склонилась над ним. Напряжёнными пальцами откинула с его лица длинные, спутанные тёмные пряди. Без лишних нежностей, она с силой принялась оттирать его кожу от присохшей багровой грязи. Наследник

Каменной Долины выглядел так, будто его пару лиг волокли по сырой земле. Измазлся, как последняя скотина, смотреть тошно.

С сдавленным стоном тот попытался слабо оттолкнуть от своего лица чересчур настырную руку, неловко задевшую металлический пирсинг под его губой. Ответом ему стал хлёсткий щелчок по носу. Жнец с трудом разлепил тяжёлые веки и уставился на девчонку. Вернее, его расфокусированный взгляд уткнулся прямым в её душу, которая так удачно и щедро обнажилась в глубоком вырезе пострадавшего платья прямо перед его лицом.

- Я умер? - хрипло спросил он, отчаянно борясь со своим зрением, которое так и норвило окончательно погаснуть.

- Увы и ах, - издевательски-жалобно протянула Асгетт, даже не думая прекращать свои грубые гигиенические процедуры и с нажимом проходясь жесткой тканью по его щеке.

Сцепив зубы, он сделал отчаянную попытку приподняться на дрожащих локтях, но тело наотрез отказалось повиноваться. Выдав раздраженный рык от собственного бессилия, жнец тяжело задышал и беспомощно завалился обратно на её колени. Он не так уж сильно был против подобного расклада. Утыкаться в столь живописный вид оказалось вполне сносной компенсацией за временную и крайне унижительную слабость.

- Шах... - тихо протянул жнец, с трудом переводя дыхание.

Асгетт бросила быстрый, цепкий взгляд на Кану. То, с каким выражением обычно безразличный ко всему воин смотрел на лежащего у неё на коленях мужчину, показалось ей весьма странным. В этом прищуре читалось немыслимое - словно наследник Каменной Долины и ему когда-то успел знатно нагадить на порог.

- Жив, - ответил Дарий вместо пустынного воина, примирительно приподняв ладонь. - Но ему сейчас немного не до тебя.

- Да и боги с ним, - слабо, но искренне выдохнул жнец.

Живы ли свои, Асгетт не спрашивала. Она и так прекрасно знала ответ. Знакомые, возмущенно-властные голоса звучали громче всех прочих, эхом разносясь по руинам коридоров. Князь Катрата, её безмерно дорогой и столь же невыносимый дедушка Раду, позаботился о магической защите. Причем, со свойственным ему размахом, накрыл не только своих, но и чужих - видимо, чтобы потом было кому предъявить счёт.

- Мы... поменялись местами, - хрипло выдавил жнец, попытавшись криво усмехнуться. - Но всё же, мне гораздо больше нравилось, когда ты была на моих коленях.

Он оставался верен себе даже на руинах, в шаге от Бездны. Выдав эту сомнительную дерзость, поглотившую весь его скромный запас сил, жнец с чувством выполненного долга блаженно прикрыл глаза.

- Ну, хоть какие-то хорошие новости, - спокойно отозвалась Асгетт, машинально смахнув с его лба налипшую крошку камня. - Сокрушительный удар по голове так и не вернул прием-

нику великого Шаха способность пользоваться мозгами. Можно смело выдыхать - раненный стабильно безнадежен, всё осталось ровно так, как было.

Немногочисленная публика напряженно притихла. Дарий, жестом прервавший доклад главнокомандующего, плавно приблизился к Асгетт. Склонившись к ней, он ласковым, заботливым движением поправил сползающий с её плеч тяжелый плащ. Однако от этой снисходительной мягкости тут же не осталось и следа. Вцепившись в воротник жнеца, Дарий одним мощным рывком поставил его на ноги. Оглушённого наследника Каменной Долины ожидаемо повело в сторону. Лишь чудом избежав падения, он судорожно вцепился пальцами в острые выступы разрушенной стены, отчаянно сясь удержать ускользающее равновесие.

- Великие боги, ну куда ты его так трясёшь, вот скажи мне? - Асгетт, отряхнув испачканные, израненные ладони, медленно поднялась с усыпанного колким каменным крошечным пола.

Она смерила своего невозмутимого наставника долгим, укоризненным взглядом. К её собственному немалому удивлению, в этой привычно ворчливой фразе вдруг проскользнула совершенно искренняя, непрощенная нотка сочувствия к едва стоящему на ногах жнецу.

- Я исключительно из самых добрых побуждений. Искренне переживал, как бы его высокочество не простудился на холодном полу, - парировал Дарий, изящным движением поправляя манжет, на котором по-прежнему не было ни единой пылинки.

Он улыбался при этом так лучезарно и обезоруживающе чистосердечно, что сбитый с толку наследник Каменной Долины, который, к слову, не мог простудиться в принципе, мгновение завис и чуть было не кивнул в знак искренней благодарности за столь трепетную заботу.

Кана, вынужденный молча наблюдать за всей этой нелепой сценой, вдруг надменно вздёрнул подбородок - жест, совершенно не свойственный ему. Широкая ладонь непроизвольно, повинаясь инстинкту, легла на потертую рукоять одного из клинков. Он смотрел на покачивающегося жнеца тяжелым, придавливающим к земле взглядом, словно перед ним корчилося опасное, но уже наполовину раздавленное сапогом насекомое.

- Заявись царь сюда хотя бы минутой раньше, - мрачно произнес воин, - от этого щенка осталось бы ровно то же, что осталось от остальных в зале.

Он опустил глаза, но по голосу было слышно: лязг железа прячется не в клинке - в намерении.

«Нет, ну вы посмотрите на него!» - Асгетт почувствовала, как внутри всё начинает закипать. За все годы их знакомства этот упрямец ни разу не произносил столько слов подряд. И от этой его внезапной, непривычной многословности становилось только хуже: в груди неприятно закололо, словно кто-то намеренно ковырял пальцем старую, незажившую рану.

Она искренне верила, что утопила ненависть к нему на самом дне души - надежно, глубоко, навсегда. Но сейчас от одного лишь звука его низкого, рокошущего голоса старые, не до конца зажившие обиды стремительно всплывали на поверхность, безжалостно прорывая все тщательно выстроенные барьеры самоконтроля.

- В этих словах определённо есть здравый смысл. Царь сегодня на редкость не в духе. С чего бы это? Ума не приложу, - с нарочито добродушной иронией протянул Дарий.

Наставник прекрасно понимал истинную причину гнева царя Цэссы, как и Асгетт. И крылась она отнюдь не в Бездне, вынудившей Венец покинуть тень. Причина была стара как мир: взбешенный отец просто хотел стереть в порошок наглеца, рискнувшего прикоснуться к его единственной дочери. Однако Асгетт мысленно усмехнулась - её деду этот потасканный жизнью выходец из Каменной Долины наверняка придётся по вкусу. Во-первых, просто назло зятю. А во-вторых, дед всегда питал слабость к хладнокровным созданиям. Особенно к змеям.

Асгетт медленно перевела взгляд на Кану. Тот уже не отводил глаз, и в этом была какая-то вызывающая пустота. Ни искры ненависти, ни запоздалого раскаяния - просто ничего. Будто внутри него уже давно всё выгорело.

Она и не собиралась с ним разговаривать, не хотела тратить на него даже лишнего взгляда, не желала даже признавать существование этого ублюдка. Однако что-то внутри снова подтолкнуло её вперёд и слова сорвались с языка, прежде чем она успела себя остановить.

- А твоё ли то собачье дело? Ты забылся, воин? - она высокомерно прошипела, и в голосе сразу проступила угроза, не прикрытая даже тенью приличий. - Как бы от тебя не осталось ровно то же, что и от остальных. Пшёл вон.

- Ему приказано... - Дарий попытался было возразить, но, встретив её взгляд, благоразумно осекся.

- Принцесса, - едва слышно процедил Кана.

Желваки на его скулах дрогнули, но в истощённом теле не нашлось места ни злости, ни гордости - только привычное, въевшееся в кровь послушание. Кана покорно опустил взгляд, жёстко поклонился - точно по уставу, не оставляя ни малейшего сомнения в своей покорности, и медленно растворился в руинах зала.

Одарив его уничтожающим, но мимолетным взглядом, Асгетт круто развернулась. «Ну и кому ты сейчас сделала хуже? Хоть раз в жизни прикуси язык, глупая девка. Сдержись всего один раз, удиви этот проклятый мир», - яростно приказала она себе.

Пытаясь остудить кипящую в груди злость, девушка стремительно направилась к зияющему в стене пролому и подставила разгоряченное лицо резким порывам ветра. Но даже этот пронизывающий холод оказался бессилён. Вопреки здравому смыслу, все её мысли упрямо возвращались к Кане - её бывшему защитнику.

Как же сильно он изменился. Заметно исхудал, отчего его и без того резкие черты заострились, придав профилю ястребиное, почти свирепое выражение. Матовые, угольно-чёрные отросшие волосы небрежным каскадом спадали на плечи. Вкупе с тёмными многослойными одеждами он превращался в подобие ожившей тени. На бледной коже, приобретшей холодный сероватый оттенок, отчётливо проступали пепельные линии татуировок. На левой щеке белел рваный шрам - след от чьей-то когтистой лапы, который, на удивление, ничуть его не портил. Но зловещее всего был взгляд. На этом застывшем, безэмоциональном лице резко выделялись

глаза цвета миндаля. Они больше не излучали тепла. Теперь в глубине этих зрачков застыло нечто дикое и абсолютно чужое.

Лишившись надёжной опоры, наследник Долины тяжело осел на каменный пол, притянув к себе внимание присутствующих. С болезненным стоном он прижался затылком к уцелевшей стене, ища спасения в её ледяной сырости. Каждое мимолётное движение взрывалось в голове тупой, изнуряющей болью, которая волнами расходилась по вискам. И кажется, теперь голова будет болеть и гудеть вечно, не давая ни на миг восстановиться. Голоса окружающих долетали до него приглушённо, словно сквозь толстый слой воды - искажённые и далёкие. Но одно слово вдруг вырвалось из этого тумана и впилося в сознание.

- Принцесса... - едва слышно прошептал он, словно пробуя чужую регалию на вкус.

Дарий бесшумно приблизился к раненому, опустившись перед ним на одно колено. Его изучающий взгляд скользил по лицу; за внешней профессиональной отстраненностью скрывалась встревоженность. Теперь, когда Бездна окончательно разверзлась, явив миру свою суть, потеря даже одного воина стала бы непозволительной роскошью. Что уж говорить о наследнике, чья кровь давала законное право на трон - о том, кому вскоре суждено было взвалить на плечи всё бремя власти над Каменной Долиной.

Медленно выдохнув, Асгетт заставила себя успокоиться и сочувственно посмотрела на жнеца. Великие боги, ну что за несчастный вид - обнять и плакать, да и только. Выхватив из царящей вокруг суматохи пробегающую мимо служительницу Вита'е Арбрис, она коротко приказала найти для них целую, не пострадавшую от погрома комнату и раздобыть тёплой воды. Дарий, не говоря ни слова, подхватил обмякшего жнеца, окончательно потерявшего связь с реальностью. Перекинув тяжелую руку раненого через свое плечо, он уверенно зашагал вслед за перепуганной женщиной. Асгетт двинулась за ними.

В детстве она вполне успешно выхаживала покалеченных летучих мышей, и выживаемость среди них составляла как минимум сорок процентов! Стало быть, и с этим мерзавцем она как-нибудь разберется. Отношение к нему сейчас было донельзя необъяснимым, запутанным в тугой узел. Здравый смысл настойчиво шептал, что гада нужно тихо прирезать под шумок, отомстив сполна: и за утеранный морок, и за наглые распускаемые руки, и за не в меру длинный язык. Но главная проблема заключалась в том, что Асгетт никогда в своей жизни не поступала так, как велел этот самый здравый смысл. И этот раз совершенно точно не собирался становиться исключением.

.....

Кана выполнил свою часть работы с привычной безупречностью. Он безжалостно давил потустороннюю дрянь прямо в захваченных ею телах, наглухо отрезав тварям путь к отступлению в их родные края. Вхару же оставалось лишь выжигать заразу дотла. Никто из них не был до конца уверен в успехе этого отчаянного плана, но сегодня удача явно им благоволила. Как выяснилось, порождения Бездны, несмотря на свою чудовищную природу, оказались уязвимы перед очищающим жаром пламени.

Вхар устало оперся о край изувеченного стола. От мебели почти ничего не осталось, и если бы не вовремя поднятые защитные барьеры, оплавился бы даже каменный пол под ногами. Он был в абсолютном бешенстве. О внезапном прорыве Бездны ему доложили в самую последнюю очередь, буквально перед началом Великого Совета. Поганая Асеки Иблис бен Касарит совершенно точно знала о надвигающейся беде, но предпочла шепнуть об этом лишь делегации и Хранителям, в обход владыки и князей. Замысел царицы Виссы теперь читался ясно как день: она бросила принцессу в это проклятое место как наживку, надеясь, что смертельный ужас заставит девушку сломать щиты и призвать свою магию.

До одури перепуганный за жизнь своего чада, Вхар в поднявшейся суматохе отчаянно созывал всех, кого только мог. Бок о бок с ним действовал князь Катрата - абсолютно возмущённый таким ходом своей правительницы. Ведь в том самом зале, куда ударила Бездна, находилась не только его обожаемая внучка, но и их с Виссой родные дети - Миракс и Артра. Лишь это общее, испепеляющее негодование холодным расчетом царицы удерживало Вхара и Раду от того, чтобы перегрызть друг другу глотки. Общая беда сковала их шатким, но жизненно необходимым перемирием.

В ряды войск Венца гребли всех подряд, включая неопытных детей с едва проснувшимися зачатками магии. Если Бездна в этот раз полезет в их земли, прорвавшись через ядовитые реки, сражаться придётся абсолютно всем.

Драгоценное время безвозвратно утекало сквозь пальцы, и Вхар, понимая это, лично рыскал по раскалённой пустыне. В эти решающие часы он отчаянно искал своего лучшего воина, без дара которого им пришлось бы невыносимо тяжело. Того самого, что пять лет назад, пряча потемневшие от стыда глаза, сорвал с плеч золоченые эполеты, навсегда отрекаясь от службы и рухнул перед ним на колени. Тогда Кана перечеркнул всё: предстоящую свадьбу, любимую женщину и высокую должность, которую окончательно утративший к нему доверие царь сохранил лишь по просьбе дочери. В тот день Вхар не проронил ни слова, позволив сломленному бойцу уйти в мёртвые чёрные пески и свершить над собой этот жестокий суд. Но теперь, задыхаясь от зноя и буквально перерывая дюны, монарх бесконечно проклинал свое бывшее милосердие. Его главное оружие словно сквозь землю провалилось именно тогда, когда мир оказался на краю гибели.

Когда Кану, изрядно одичавшего за годы одиночного выживания в безжалостных песках, наконец доставили в ставку, Вхар едва сдержал порыв казнить его на месте. Глухота к зову крови и прямое неповиновение владыке - неслыханная, граничащая с безумием дерзость даже для столь прославленного бойца. Чтобы лишний раз не распалять царский гнев и убедить глупца от скорой расправы, Кану благоразумно отдали под начало Дария. Отныне в рядах

армии Просторов ему предстояло кровью искупать свою вину до самого финала войны с Бездной. Если, конечно, этот финал не обернется для их мира абсолютным крахом, похоронив под пеплом и правых, и виноватых.

Но куда сильнее царя Цэссы сейчас выводил сам факт присутствия здесь жнецов. К его великому сожалению, недавняя бойня почти не проредила их ряды. Эти выродки оказались сильны, спокойно пережив столкновение со скверной. Мысль о том, чтобы вскипятить холодную кровь приемника Шаха и вдоволь насладиться его мучениями, приносила монарху садистское удовлетворение. Этот щенок пялился на Вхара с таким видом, словно его дочь уже принадлежала ему. Он, без сомнения, быстро выбьет из мальчишки эту спесь, но сперва необходимо было разобраться с этим сбродом.

В зале царила неразбериха. Хранители храма Мира бок о бок со служительницами отчаянно пытались помочь раненым. К их мрачному счастью, работы оказалось немного: почти все присутствующие подошли в первые же минуты бойни. Из шестисот некогда живых, дрянь Бездны оставила дышать от силы душ восемьдесят.

Князь Раду нервно прохаживался между сундуками, доверху наполненными Кальсом. Под натиском магии они не сдвинулись ни на дюйм, лишь сам камень выпвел из-за пленённых проклятых душ, сделавшись безжизненно, мутно-белым.

С заточенными внутри нужно было срочно что-то делать. Тихое предложение утопить эту мерзость в священных реках божество, прячущееся в просторной мантии главы ордена и явно не желавшее раскрывать свою истинную суть чужакам, отмело в ту же секунду. Хозяин касаритовых вод ехидно посоветовал им утопиться следом, раз уж у них хватило наглости попытаться превратить его владения в смердящий могильник. Одно лишь давящее присутствие этого древнего бога заметно остудило бушующую злость. Царица Висса, какой бы безжалостной она ни казалась, благоразумно не оставила своих потомков без могущественной защиты.

Царь Вхар мысленно поддержал этот отказ. Скверну следовало испепелить без остатка, а не консервировать на дне чёрных вод. Но перед этим предстояло малое, но омерзительное дело: вытащить дрянь из камня, который парадоксальным образом стал для пленников не только саркофагом, но и абсолютной защитой. В горячке боя, безжалостно выжигая зараженные тела, они совершенно упустили из виду этот нюанс. Чтобы заставить слуг Бездны окончательно сгинуть, их для начала требовалось извлечь из минерала и пересадить в новый сосуд из плоти. А поскольку от всех мертвецов остались лишь обугленные черные кости, был лишь один выход - найти безумца, который добровольно впустит в себя первородный кошмар и согласится умереть героем.

И на примете у них как раз имелся один кандидат на эту незавидную роль - пусть и не совсем доброволец. Император. Каким-то немыслимым чудом тучный правитель умудрился выжить. Имя этому чуду - Бог Касарит. Явно не рассчитывая на выдающиеся умственные способности присутствующих, божество заранее позаботилось и об этом.

Сейчас владыка Империи валялся под обломками каменного стола, обильно истекая кровью. Он лишился глаз и рук, а его искалеченная туша представляла собой лишь мешок со сломанными костями. Однако для их темного замысла требовалась только плоть, поэтому умирающий подходил идеально.

Выжившие представители великих домов только начали приходить в себя. Внезапный визит посланников мёртвого государства ужаснул их едва ли не больше, чем само вторжение Бездны. Особенно когда те хладнокровно предложили использовать искалеченного имперского монарха как живое подношение для скверны. И пусть правителя здесь открыто презирали, подобное кощунство просто не укладывалось в голове. Уцелевшие содрогались, пытаясь представить, какая еще неведомая сила может вылезти из забвения вслед за Бездной и Венцом. Последнее, что оставалось этому гибнущему миру, - увидеть, как материальное воплощение обретут сами боги.

Видимо, по этой сугубо практической причине хозяин рек и предпочел скрыть свою пугающую суть от глаз выживших. От представителей великих домов и так осталась пара-тройка обезумевших от ужаса калек, и сводить их с ума окончательно было бы попросту нерационально.

Исключением, поддержавшим идею надругательства над монархом, стали лишь остатки делегации Павиры, орден Хранителей да Шах и Раа'си Ра'ми. Этим двум женщинам, казалось, вообще были неведомы страх или шок. Они стояли у обломков переговорного стола, с ног до головы залитые кровью, и только от них исходило абсолютное понимание того, что делать дальше. Окружающие невольно жались по углам, испытывая перед ними инстинктивный, животный трепет. Ведь тени Первозданных не просто проливали кровь в бою - они безраздельно подчиняли её своей воле.

Кула обвела тяжелым взглядом выживших и задала вопрос, от которого у многих свело скулы. Приняв свой привычный облик, она устроилась на крышке сундука совершенно обнаженной, ничуть не смущаясь ни собственной наготы, ни запертой под ней скверны.

- Как-то всё слишком просто и гладко складывается, не находите?

- Простите... гладко? - Артра посмотрела на нее совершенно ошалелым взглядом.

Изможденная долгим боем, она стерла с лица налипшие грязные волосы и бессильно сползла вниз, тяжело осев прямо на камень пола.

- Именно что гладко... - эхом отозвалась Раа'си Ра'ми, поправляя тяжелые складки своих траурно-черных одежд. - Бездна изрядно поумнела за эти тысячелетия. Этот визит был всего лишь пробой пера: она прислала немногочисленных и откровенно слабых слуг, чтобы быстро обезглавить наши земли. Твари пришли за правителями, но жестоко просчитались. Они совершенно не ожидали встретить здесь Венец - ту самую силу, которую Бездна давно вычеркнула из числа живых.

Женщина перевела немигающий взгляд на Императора, чье изувеченное тело отчаянно и жалко отказывалось умирать.

- Договор уже заключен. Когда имперский наследник взойдет на престол, пакт будет действителен, несмотря ни на что. Но кто же теперь осмелится встать во главе Вархи? - Тень хищно оскалилась, обнажая свои заточенные зубы. - Разлом Бездны открылся именно в их землях, и сейчас эта дрянь плодится там непрерывным потоком. Она больше не пойдет напролом, как в минувшие эпохи. Теперь она будет поглощать наши королевства одно за другим, сея повсюду свою власть. Тьма изголодалась за тысячелетия изоляции и в совершенстве усвоила свои прежние ошибки.

- Бездна и встанет во главе, это же очевидно, - скрестив тонкие пальцы, холодно продолжила мысль вторая Раа'си Ра'ми в серых одеждах. - Вопрос теперь в другом: чье государство станет следующим?

Для теней Первозданных появление Бездны на шахматной доске отнюдь не стало неожиданностью. Они давно просчитала этот ход. Единственное, что слегка выбило их из колеи, - это нетерпение врага. Гадина выползла из своей норы слишком рано, словно невыносимый голод заставил её действовать на опережение.

- Империя, - глухо отозвался Шах. Несмотря на видимую усталость после недавней бойни, он ни на каплю не утратил своего величия. - Судя по тому, как Варха отчаянно цеплялась за союз с Императором, скверну в первую очередь интересуют именно их территории.

Как только хаос битв улегся, он первым делом проверил, жив ли его преемник. Убедившись в этом, Шах полностью переключился на стратегию: выживание его народа висело на волоске, и без надежного военного союза даже жнецы были обречены.

- Если Бездна подмнёт под себя Империю, остальные земли она возьмет уже армией, - ровным тоном произнес Шах. - Ей незачем распыляться на каждого крестьянина или воина. Хватит и одного сосуда, на голове которого покоится корона. Стоит признать, притворяться живой эта сука изловчилась на редкость хорошо.

Тот простой факт, что именно Каменная Долина окажется первой на пути удара Бездны, мгновенно вытеснил из его мыслей все вопросы о внезапно воскресшем государстве.

- Допустим. Но каков наш следующий шаг? Бросить всё, мчаться в Империю и стеречь их принца? - подал голос юноша, которому смерть отца только что незримо возложила на голову корону Саривии. Он изо всех сил старался держать лицо, и ему это почти удавалось, если бы не застывшие во взгляде боль и неприкрытое отчаяние. - К тому же, станет ли наследник чтить условия пакта, узнав, что мы сотворили с телом его отца?

- Для этого он должен сначала узнать, - Шах издал тихий звук, больше похожий на угрожающий рык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.